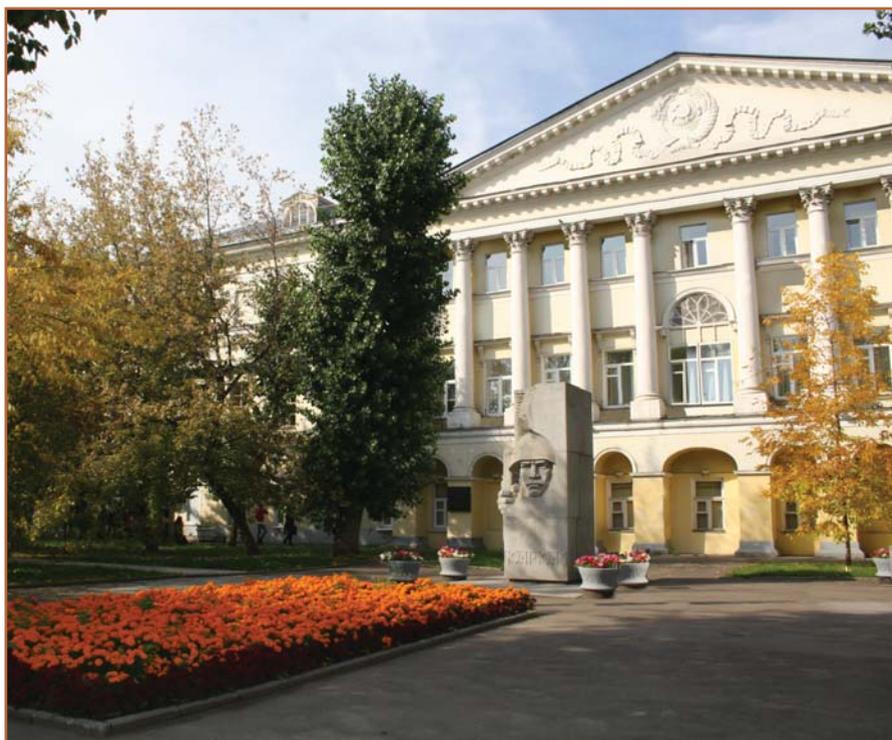

ISSN 1993-4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2 (765)
2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 2 (765)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 2 (765)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. К. Томес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
С. С. Куанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Т. В. Писанова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (Россия)
М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
И. А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Т. С. Сорочкина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание

И. Васильюк, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Уралова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Э. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение

А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология

А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки

В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лоцилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бабкина В. А.

Роль морбиальных метафор в создании образа России
в немецких СМИ на современном этапе развития
российско-немецких отношений 9

Карташевская Ю. В.

Инновационный подход к преподаванию фонетики
армянского языка как иностранного
(из опыта создания УМК по армянскому языку) 17

Климик В. А., Салькова М. А.

Когнитивный диссонанс и графико-орфографические
особенности художественного текста 25

Токарева Н. Д.

Лингвистические стратегии манифестации отношения
социально обусловленной группы к важнейшим политическим
событиям в стране (на материале британской прессы:
The Sunday Telegraph и The Mail on Sunday) 36

Фирстов М. С.

Художественный перевод для устных переводчиков 43

Чигашева М. А.

Деонимы как особенность политического дискурса СМИ
Германии и России 50

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Жук А. Д.

Гимн-эюд во французской и немецкой литературе
последней четверти XVIII–XIX вв. 60

<i>Косиченко Е. Ф.</i> Стилистический потенциал художественной ономастики сквозь призму ономастической концептуализации	78
<i>Сухоруков Е. А.</i> Лексические особенности современной немецкой экологической сказки	89

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Люсый А. П.</i> Локальный текст культуры в перспективе межкультурной коммуникации (на материале Крымского текста и личного опыта)	98
<i>Перова Е. Ю.</i> Тема страдания и мученичества в вероисповедальной традиции русского народа	109
<i>Полетаева М. А.</i> Иммигранты в европейском культурном процессе. Опыт ФРГ	122
<i>Тёмкин В. А.</i> Образ мира в романском паломническом храме	131

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Грехнёв В. С.</i> Личность между индивидуальным и массовым в ее жизнедеятельности: социально-философский анализ	145
<i>Евдокимов А. Ю.</i> Язычество древних славян и неоязычество: проблемы изучения русской истории	154
<i>Ильина Т. А.</i> Философско-гносеологический генезис методологии классической науки	162
<i>Крутоус В. П.</i> Анализ понятия «вчувствование» в феноменологической психологии Э. Гуссерля	173

CONTENTS

LINGUISTICS

Babkina V. A.

The role of disease metaphors in representing Russia
in German media at the modern stage of German-Russian relations 9

Kartashevskaya Y. V.

Innovative Approach to Teaching Phonetics of Armenian
as a Foreign Language 17

Klimik V. A., Salkova M. A.

Cognitive Dissonance in Fiction:
Interpreting Grammar-Related Issues 25

Tokareva N. D.

Linguistic Strategies of a Socially-Determined Group
to Manifest Attitudes to Important Political Events
(on the material of The Sunday Telegraph and the Mail on Sunday) 36

Firstov M. S.

Fiction Translation for Interpreters 43

Chigasheva M. A.

Deonims as a Pecularity of the Media Political Discourse
in Germany and Russia 50

LITERARY STUDIES

Zhuk A. D.

Hymn-Sketch in English, French and German Literatures
in 1775–1900 60

Kosichenko E. F.

The Stylistic Potential of Literary Names
in Terms of Onomastic Conceptualization 78

<i>Sukhorukov E. A.</i>	
Lexical Special Aspects of the Modern German	
Environmental Tales	89

CULTUROLOGY

<i>Liusy A. P.</i>	
A Local Text of Culture from the Perspective of Cross-Cultural	
Communication (based on the material of the Crimean text	
and personal experience)	98
<i>Perova E. U.</i>	
Martyrdom and Suffering One of the Axiom of Religious Experience	
in Russian History	109
<i>Poletaeva M. A.</i>	
Immigrants in European Cultural Process. German Experience	122
<i>Tyomkin V. A.</i>	
Image of the Universe in the Romanesque Pilgrimage Church	131

PHILOSOPHY

<i>Grekhnev V. S.</i>	
The Personality between Personal and Mass in Her Activity:	
Socio-Philosophical Analysis	145
<i>Evdokimov A. U.</i>	
Paganism of Ancient Slavs and Neo-Pagan Religions:	
a Challenge in Russian History Studies	154
<i>Ilina T. A.</i>	
Philosophic-Gnosiological Genesis	
of the Methodology of Classical Science	162
<i>Krutous V. P.</i>	
Analysis of the Notion of “Einfühlung” in the Phenomenological	
Psychology of E. Husserl and His School	173

УДК 81.01

В. А. Бабкина

аспирант кафедры немецкого языка МГИМО МИД РФ;

e-mail: hexagon6@mail.ru

РОЛЬ МОРБИАЛЬНЫХ МЕТАФОР В СОЗДАНИИ ОБРАЗА РОССИИ В НЕМЕЦКИХ СМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена роли морбиальных метафор в создании образа России в немецких СМИ на современном этапе развития российско-немецких отношений (2000–2015). В работе рассматриваются значение и специфика использования метафоры болезни в медийных текстах, на конкретных примерах изучается использование морбиальных метафор для описания экономического состояния России, внутривнутриполитической ситуации в стране и ее внешнеполитической деятельности. Метафорический образ России рассматривается как средство отражения политической реальности в сфере межгосударственных отношений, а морбиальные метафоры как средство конструирования образа России в СМИ. На основе приведенных метафор из периодических изданий Германии за исследуемый период автор приходит к выводу, что метафоры болезни способствуют созданию негативного образа России, так как в большинстве случаев указывают на слабые стороны в развитии государства.

Ключевые слова: морбиальные метафоры; метафора болезни; немецкие СМИ; метафорический образ; образ России.

V. A. Babkina

Postgraduate, German Language Department,

MGIOMO University; e-mail: hexagon6@mail.ru

THE ROLE OF DISEASE METAPHORS IN REPRESENTING RUSSIA IN GERMAN MEDIA AT THE MODERN STAGE OF GERMAN-RUSSIAN RELATIONS

The article analyzes the role of disease metaphors in representing Russia in German media at the modern stage of German-Russian relations (2000–2015). It is devoted to the problem of use of disease metaphors in the medial texts; the concrete examples

are introduced in order to study the role of disease metaphors in representing Russian economic capacity, domestic policy and foreign-policy activities. The metaphorical image of Russia is supposed to reflect the political reality of international relations, whereas disease metaphors are supposed to construct the image of Russia in the media. Taking into account metaphors from German periodical literature that refer to the analyzed period the author comes to the conclusion that disease metaphors contribute to the creation of a negative image of Russia, since in most cases they represent the weaknesses of the state development.

Key words: disease metaphor; German media; metaphorical image; image of Russia.

Средства массовой информации играют важную роль в создании образа России в Германии. Ежедневно в периодических изданиях появляются статьи, освещающие события, происходящие в самой России и на постсоветском пространстве. При этом Россия фигурирует в разных рубриках: вымирающие русские деревни, олигархи, вседозволенность «золотой молодежи», политика Кремля, нарушение демократических прав и свобод, злоупотребление энергетическими ресурсами, всемогущий «Газпром», пагубное давление прошлого, непростые отношения с ближним зарубежьем, Китаем, разгул коррупции и многое другое.

Несмотря на долгую историю межгосударственных и межличностных отношений (см., например, [1]), Россия остается для многих немцев загадочным феноменом, поэтому при освещении событий, происходящих в стране и за ее пределами, у журналистов возникает необходимость в дополнительном объяснении и комментировании. В немецких газетах и журналах в статьях о России встречаются метафоры, которые облегчают восприятие незнакомых понятий, помогают лучше определить сущность явления и выразить свое отношение к нему.

Метафора, представленная в современной когнитивной лингвистике как ментальная операция, способ познания и объяснения мира, концептуализирует и структурирует окружающий мир, выделяет самое важное и дает эмотивную оценку описываемым лицам, предметам и явлениям [2, с. 126–170]. Более того, метафоры в определенной мере влияют на формирование специфического взгляда на мир. В. Н. Телия отмечает, что «метафорические обозначения, “вплетаясь” в концептуальную систему отражения мира, “окрашивают” ее в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка называть невидимый мир тем или иным способом» [4].

Таким образом, метафора, выполняющая в тексте когнитивную, коммуникативную и прагматическую функции, является действенным средством преобразования картины мира в сознании адресата, а также может побуждать к действию и изменять политические воззрения адресата. Метафорическая аргументация является дополнением к рациональным и эмоциональным аргументам. Посредством воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата метафора создает соответствующее отношение к реалиям [5, с. 126].

В процессе мышления и изучения нового человек проводит аналогии с самим собой, что определяет антропоцентричность метафорической картины мира. Понятийными сферами-источниками метафорической экспансии служат, как правило, сферы, связанные с самим человеком (физиология, болезнь, родство, поведение), окружающей природой (зоо- и фитомир), обществом и социальной деятельностью человека (война, спорт, театр, криминал), результатами человеческого труда (дом, механизм) [6].

Особое место для создания образа России в немецких СМИ занимают морбиальные метафоры. Болезнь как понятийная сфера-источник подразумевает симптомы болезни, диагнозы (физические, психические болезни), медицинский персонал, состояние пациентов, способы лечения, лекарства, способы лечения, выздоровление.

В целом, морбиальные метафоры используются для конструирования негативного образа страны, если речь идет о внутренних кризисах, внешнеполитических вызовах, неспособности страны реализовать свои цели и задачи. Создание положительного образа страны с помощью метафор болезни возможно лишь в случае успешного «выздоровления», восстановления. Нейтральную оценку могут иметь морбиальные метафоры, которые выступают в качестве описания способа лечения, рецепта выхода из трудной ситуации, при этом метафоры, отражающие неудачные попытки выхода из кризиса, имеют негативную оценку.

Несмотря на свою специфичность морбиальные метафоры активно используются в периодических изданиях, так как, имея небольшие возможности толкования, формируют в сознании реципиента конкретные представления о предмете сообщения. Морбиальные метафоры, используемые в немецких СМИ для описания явлений, связанных с Россией, описывают такие тематические области, как состояние

экономики, внутривнутриполитическая ситуация, а также внешняя политика страны.

И. Макулкина, исследовав метафорическую картину России в немецких СМИ в первом десятилетии XXI в., приходит к выводу, что в этот период морбиальные метафоры драматизировали экономическое и политическое состояние России, представляя ее как больной организм, подчеркивая слабость страны и зависимость от Запада. Россия воспринималась также как пациент, которому необходима помощь [7, с. 162–164], например:

Russlands gegenwärtiger Schwächezustand (*Spiegel*. 28.02.00).

... das ruinierte, auf Nothilfe aus dem Westen angewiesene Russland (*Spiegel*. 10.01.00).

... ein krankes Land (*Spiegel*. 08.05.00).

Такое слабое состояние России связывалось с коммунизмом, которым страна «болела» ранее:

Russland habe unter dem Kommunismus sehr gelitten (*Spiegel*. 20.03.00).

... die Sowjetunion erkrankt ist. An einer tödlichen Krankheit mit dem Namen Lähmung. Die Lähmung der Macht (*Focus*. 12.01.04).

Для представления возможности избавления России от настигших ее проблем немецкие СМИ прибегали к метафорическому сравнению с различными способами лечения в медицине, например:

Russland nach Rezepten von vorgestern aufzupäppeln (*Spiegel*. 02.04.01).

... mit einer riskanten Schocktherapie (*Spiegel*. 10.01.00).

... heilsame Wirkung der Stabilität (*Welt*. 27.10.03).

Во второй половине 2000-х гг. наблюдалось позитивное изменение российско-немецких отношений, обусловленное усилением экономического взаимодействия между странами, способствовавшего укреплению и качественному улучшению отношений и в других сферах. Российская экономика начала «оживать» и показывать уверенный рост. Для обозначения этого процесса немецкие корреспонденты всё чаще стали использовать метафору «выздоровления», как в следующем примере:

Die Genesung braucht Zeit, aber der Heilungsprozess läuft (*Focus*. 17.02.07).

Наряду с этим авторы прибегают к метафорическому сравнению с Россией как больным организмом, который хотя и пытается побороть болезнь, но это дается ему нелегко, например:

... das arme geplagte Russland (*Welt*. 03.03.07).

Russland hat weder Willen noch Kraft, die Welt zu gestalten (*Welt*. 26.10.07).

В связи с болезненным состоянием России звучали призывы о необходимости спасти ее:

Russland vor dem Kältetod retten (*Welt*. 20.01.06).

Проблемы и неурядицы в постсоветской России представлялись в качестве концептуальной метафоры «посттравматическое состояние, сопровождающееся фантомной болью:

Die Entwicklung Russlands zu einer Demokratie mit ... einer neo-imperialen und von postsowjetischem Phantomschmerz geprägten Außenpolitik (*Spiegel*. 25.08.08)

Таким образом, с помощью морбиальных метафор Россия представлялась в 2000-х как слабый, но все-таки живой организм, пытающийся излечиться или излечивающийся с большим трудом от тяжелой болезни, имевшей различные осложнения. Однако еще не окрепшей России пришлось столкнуться с новым вызовом – преодолением финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. и его последствиями для экономики. СМИ Германии систематично подчеркивали, что Россия сильно пострадала от кризиса, восстанавливается плохо и позитивных изменений, улучшения состояния ожидать не следует, например:

Die Finanzkrise hat Russland schwer getroffen (*Die Tageszeitung*. 31.05.10).

... erholt sich Russland nur langsam von der Wirtschaftskrise (*Welt*. 27.12.10).

Besserung ist nicht in Sicht (*Handelsblatt*. 08.08.10).

В качестве причин тяжелого восстановления российской экономики немцы называли бюрократию и коррупцию, а также так называемую голландскую болезнь, которые метафорично сравнивались с длительным и тяжелым протеканием недуга:

Wichtigste Hinderungsgründe für eine moderne Wirtschaft sind den Befragten zufolge Russlands Dauerkrankheiten: die ausufernde Bürokratie und allumfassende Korruption (*Süddeutsche Zeitung*. 12.10.10).

Noch immer ist der Staat abhängig von den Energieressourcen (*Süddeutsche Zeitung*. 21.02.12).

В этот период Россию представляли как страну, которая часто преувеличивает свои страхи, подводя их под концептуальную метафору «преследующие человека фобии»:

Moskaus Furcht vor radikalen Islamisten (*Die Tageszeitung*. 12.01.12).

Die geradezu paranoide Furcht ist, dass die USA Russland nicht ernst nehmen (*Frankfurter Rundschau*. 22.02.12).

Проявление Россией слабости во внешней политике, своего положения на международной арене представлялись в немецкой прессе, в том числе и с помощью морбиальных метафор «слабости, болезненного восприятия», и «воздействие на пациента с целью придания ему сил», например:

Russland will Großmacht bleiben, braucht dafür aber Modernisierung von innen und Kräfteverstärkung von außen (*Welt*. 30.08.10).

... seine Schwächung in der Region (*Welt*. 11.03.12).

На фоне российско-украинского кризиса, разразившегося в 2013 г., и ухудшения отношений с Западом немецкие СМИ чаще стали использовать метафоры, отражающие болезни, слабость, зависимость, нездоровое состояние, нервозность и нестабильное психическое состояние России, о чем свидетельствуют следующие примеры:

... steht Russland 2015 so schwach da wie schon lange nicht mehr (*Welt*. 17.12.15).

Russland ist mit sich selbst im Krieg (*Welt*. 10.05.14).

... wie groß der Realitätsverlust in Moskaus Führungszirkel wirklich ist (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 01.01.15).

Nach außen gibt sich Russland souverän. Im Innern aber herrscht Nervosität (*Welt*. 21.09.15).

... diese Fehlentwicklungen in Russland (*Zeit*. 27.12.15).

Особое место в этот период занимает отсылка читателей к санкциям Запада в отношении России, которые благодаря морбиальным

метафорам призваны показать ослабление и страдания российской экономики, на которую оказывается негативное воздействие, например:

Auch die russische Wirtschaft leidet (*Welt*. 10.07.15).

... wo es am schwächsten ist: bei der Ökonomie (*Zeit*. 26.02.15).

... schadet die wirtschaftliche Schwäche Russlands (*Süddeutsche Zeitung*. 28.12.15).

Проблемы, с которыми сталкивается Россия, связывают неизменно с прошлым, оказавшим негативное влияние на состояние страны на современном этапе. Для реализации данной интенции журналисты прибегают к концептуальным метафорам «посттравматический синдром», что видно из следующих примеров:

... und traumatischen Erinnerungen an entsetzliche Hungerkatastrophen (*Welt*. 09.08.15).

Russland leidet nicht nur am postimperialen Syndrom, sondern daran, dass es nie eine Nation war, ohne zugleich ein Imperium zu sein (*Süddeutsche Zeitung*. 29.11.15).

Представляя проблемы России и способы избавления от них, немецкие журналисты часто подводят их под морбиальные концептуальные метафоры «страдание» и «избавление от страданий, лечение болезней», например:

Obwohl liberalisierende Reformen Russland von seinen Leiden befreien könnten... (*Welt*. 03.09.15).

Основываясь на вышеизложенном материале, можно выявить следующие тенденции:

Во-первых, в своих статьях о России немецкие журналисты прибегают к морбиальным метафорам, чтобы наглядно и доступно представить негативные тенденции в различных тематических сферах. Тенденция «рисовать Россию черными красками» сохраняется со времен «холодной войны» [3, с. 89].

Во-вторых, метафоры болезни помогают представить себе Россию как живой организм, который способен болеть, лечиться, выздоравливать, испытывать боль, страдать, испытывать тревогу, снова заболеть и идти на поправку.

В-третьих, морбиальные метафоры, используемые немецкими СМИ в отношении России, имеют чаще негативную, реже – нейтральную

оценку, так как описывают, как правило, болезненное или даже критическое состояние страны и ее политических институтов, болезненное восприятие своего положения на международной арене, состояние тревоги и слабости. Реже можно встретить метафоры, связанные со способами выздоровления. Как правило, критикуются уже принятые меры «лечения», при этом не предлагаются готовые «рецепты», не упоминаются «врачи», способные вывести Россию из критического состояния.

В-четвертых, частотность использования метафор связана с интенсивностью протекания российско-немецких отношений. Также следует отметить, чем сильнее реакция Германии на события, происходящие внутри России или в мире при ее участии, тем метафоричнее становится язык немецких СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глушак В. М. Взаимное восприятие русских и немцев от древности до наших дней // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. – М. : Архив Российской Академии наук, 2012. – С. 22–31.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 126–170.
3. Орехова О. Е. Образ России в «зеркале» ведущих надрегиональных еженедельников ФРГ // Закон и Право. – 2006. – №11. – С. 89–90.
4. Телия Н. В. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. – URL : http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml (дата доступа: 10.10.2016).
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 256 с.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург : Изд-во РГПУ, 2001. – 238 с.
7. Makulkina I. Das metaphorische Russlandbild im deutschen Pressediskurs (Schriftliche Philologia. Sprachwissenschaftliche Forschungsergebnisse. Bd. 177). – Hamburg : Verlag Dr. Kovac, 2013. – 252 S.

УДК 81'34

Ю. В. Карташевская

доцент кафедры фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: juliakar@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ФОНЕТИКИ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (из опыта создания УМК по армянскому языку)

УМК по армянскому языку разработан в соответствии с инновационной образовательной программой МГЛУ «Лингвапарк», его основной целью является формирование межкультурной коммуникативной компетенции у студентов, изучающих армянский язык как иностранный. Статья посвящена рассмотрению приоритетных задач, стоявших перед авторами учебника по армянскому языку в процессе создания вводно-фонетического курса (модуль 1). В основе преподавания фонетики армянского языка как иностранного лежит учебно-методический принцип сопоставления фонетических систем изучаемого (армянского) и родного (русского) языков, успешно применяемый в практике преподавания фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ.

Ключевые слова: армянский язык как иностранный; инновационный подход; межкультурная коммуникативная компетенция; армянская культура; произносительная модель; вводно-фонетический курс; сопоставительный метод.

Y. V. Kartashevskaya

Ass. Prof., Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: juliakar@mail.ru

INNOVATIVE APPROACH TO TEACHING PHONETICS OF ARMENIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The Armenian language teaching resources (including a textbook, a reader and a teacher's guide) were developed in accordance with the Moscow State Linguistic University (MSLU) innovative educational programme "Lingvapark". The main objective of the teaching resources is to develop the intercultural communicative competence of the students studying Armenian as a foreign language. The article considers the priority tasks facing the authors of the Armenian language textbook in the process of creating the introductory phonetics course (module 1). The basic principle that underlies teaching Armenian phonetics is the comparison of Armenian and Russian phonetic systems. This educational method has been successfully employed in the practice of teaching English phonetics at the Faculty of English of MSLU.

Key words: Armenian as a foreign language; innovative approach; intercultural communicative competence; Armenian culture; pronunciation model; introductory phonetics course; comparative method.

Введение

Основной целью учебно-методического комплекса по армянскому языку [3–5] является формирование *межкультурной коммуникативной компетенции* у студентов, изучающих данный язык как иностранный. Учебник, будучи базовым компонентом УМК, способствует осознанию обучающимися общего и различного между родным и армянским языками и культурой.

Инновационный *компетентностный подход*, лежащий в основе настоящего учебника, определил ориентацию процесса преподавания и изучения армянского языка по ключевым направлениям [4], среди которых:

- превалирование коммуникативно значимых упражнений и заданий;
- формирование речевых умений с учетом лингвистического и социокультурного содержания учебника;
- опора на лингвокультурный и речевой опыт в родном языке при овладении навыками устной и письменной речи на армянском языке.

Для достижения поставленных задач перед преподавателем встанет ряд вопросов, умение найти правильный ответ на которые является залогом эффективного и увлекательного процесса как преподавания, так и изучения иностранного языка студентом.

Коммуникативная направленность учебного курса¹ определила необходимость создания вводно-фонетического курса (модуль 1), а также включения в модули 2–4 комплекса фонетических упражнений и заданий для развития произносительных навыков обучающихся.

Попытаемся очертить тот круг проблем, который пришлось решать авторам при создании УМК по армянскому языку. Здесь можно выделить, на наш взгляд, такие наиболее важные аспекты, как:

- 1) выбор произносительной модели;
- 2) традиция описания армянского языка;
- 3) мотивация к изучению армянского языка;
- 4) выбор методики преподавания фонетики армянского языка.

Остановимся подробнее на каждом из них.

¹ Учебник разработан для начального этапа обучения армянскому языку как иностранному, целью которого является достижение уровней владения иностранным языком А1 и А2 по общеевропейским стандартам [5].

1. Выбор произносительной модели

Преподавание фонетики любого иностранного языка основывается на выборе определенного произносительного образца, представляющего, как правило, орфоэпическую норму литературного произношения. В случае с армянским языком, кодифицированный литературный язык, принятый и признанный в качестве официального и преподаваемый в системе образования, трудно приживается в разговорной речи. Исследования показывают, что живая разговорная армянская речь, не относясь к какому-либо диалекту, больше отличается от литературного языка, чем, скажем, русская разговорная речь от кодифицированного литературного русского языка. Интересно, что в Законе об армянском языке написано, что официальным языком Республики Армения является литературный армянский, государственным языком – армянский язык.

Армянская языковая ситуация характеризуется также и существованием двух взаимопонимаемых вариантов литературного армянского: восточноармянского, государственного языка Республики Армения, и западноармянского, а также различными диалектами и говорами (до 60). На западноармянском языке создана богатейшая литература, и им продолжают пользоваться потомки западных армян, разбросанных по всему свету.

В условиях подобной языковой вариативности обучение литературному языку чревато тем, что обучающийся с трудом сможет включиться в живое общение с носителями армянского языка. Как отмечает профессор Московского городского педагогического университета (МГПУ) А. С. Маркосян, «если в других языках разговорная речь – это своего рода отклонение от нормы литературного варианта, то в армянском языке она сосуществует в прямом смысле с литературным языком»¹. Для того чтобы русскоязычные студенты смогли стать участниками «живой» коммуникации на армянском языке, в учебнике представлены аутентичные образцы разговорной речи, стимулирующие реальное общение. С учетом особенностей социолингвистической вариативности армянского языка в основу настоящего УМК была положена произносительная модель, сформулированная как *литературный армянский язык в форме повседневного общения*.

¹ См. сайт: <http://www.krrunk.ru/stat7.html>

2. Традиция описания армянского языка

Армянский язык имеет древнюю письменность, на этом прекрасном языке творили великие поэты и писатели с древнейших времен, армянский был тщательно описан лингвистами и в диахроническом, и в синхроническом плане. Но до недавнего времени не ставилась задача преподавания его в качестве иностранного.

Так, контрастивные исследования по фонетике, к которым мы обращались в ходе работы над фонетическим курсом учебника, в частности, диссертационные исследования С. Б. Тошьяна [8] и А. Я. Хачикян [9], посвященные сопоставлению фонетических структур армянского и русского языков, рассматривают армянский как исходный. Предметом данных исследований становится, главным образом, влияние армянского языка на русский язык, изучаемый армянами. В методическом плане исследование контактов армянского языка с другими – это описание армянского акцента при изучении армянами иностранного языка и пути преодоления этой интерференции. Исследования интерференции в речи русскоговорящей аудитории не проводились. В настоящем УМК нами предпринята попытка рассмотрения фонетического строя армянского языка в сопоставлении с русским с позиции русскоязычного обучающегося, что, таким образом, меняет традиционный подход к описанию армянского языка и делает его более доступным к изучению для русскоязычной аудитории.

Как справедливо замечает профессор А. С. Маркосян, «язык, которому не пытались обучить взрослых, является закрытым для всестороннего изучения и описания, то есть язык, который пытались описывать лишь как родной – недоописанный»¹.

3. Мотивация к изучению армянского языка

Как отмечают исследователи, армянский язык, хотя и является одним из древнеписьменных, лежащим в основе древнейшей национальной культуры, не принадлежит к числу широко изучаемых иностранных языков. Не являясь официальным языком международного общения, он не обладает набором функций, свойственных основным европейским языкам [7]. Поэтому в широком смысле мотивация изучения армянского в качестве иностранного не может не быть связана с соответствующей культурой, что и объясняет культурную

¹ См. сайт: <http://www.krrunk.ru/stat7.html>

ориентированность УМК по армянскому языку. Под этим подразумевается не только наполнение курса сведениями об армянской истории, литературе, искусстве и т. д., но и обучение общению по-армянски с учетом культурных ценностей армян.

Что может служить мотивацией к изучению армянского языка на начальном этапе обучения? Не секрет, что непривычная армянская письменность, кажущаяся студентам сложность в запоминании букв армянского алфавита, а также отсутствие каких-либо лингвокультурологических знаний о языке могут создать определенный психологический барьер и вызвать нежелание овладеть им. Здесь, по нашему мнению, фонетическая составляющая выходит на первый план, так как формирование произносительных навыков начинается еще на «добуквенном» этапе, т. е. опережает буквенное узнавание, что способствует быстрому вовлечению обучающегося в процесс говорения на изучаемом языке. На данном этапе обучения выбор правильной методики преподавания фонетики является залогом эффективной работы как преподавателя, так и студента.

4. Выбор методики преподавания фонетики армянского языка

В основе вводно-фонетического курса армянского языка лежит методический принцип *сравнения фонетической специфики изучаемого и родного языков* (см. раздел Книги для преподавателя «Фонетический строй армянского языка в сопоставлении с русским языком» [4]). Материал учебника построен таким образом, чтобы обучаемые овладели произношением комплексно, на основе сопоставления с фонетической системой родного языка.

На протяжении многих лет в практике преподавания фонетики английского языка успешно используется методика, в основе которой лежит сопоставление артикуляции русских и английских слов, имеющих сходный или различный звуковой состав, что помогает обучающимся выработать привычку к правильной постановке органов речи и в дальнейшем развивать и совершенствовать артикуляционные и интонационно-ритмические механизмы произношения [1; 2; 6].

На наш взгляд, данный подход является весьма перспективным методом преподавания фонетики применительно к армянскому языку. Мы не можем не согласиться с академиком В. А. Вотинным (см.

предисловие к [2]), что «появление иноязычного звука в составе слова родного языка обычно вызывает положительную эмоциональную реакцию, с юмором воспринимается учащимися. Это тоже способствует успеху, ибо, как известно, навык может быть выработан только на позитивном эмоциональном фоне. Такой же механизм срабатывает и при отработке интонации произнесения иноязычного предложения» [2, с. 3].

Как нам кажется, данный принцип является не только хорошей мотивацией, но и создает предпосылки для овладения в итоге если не безакцентным произношением, то хотя бы аппроксимированным к произношению носителей языка вариантом на этапе перехода к уровню овладения иностранным языком В1.

Приведем примеры фонетических заданий с использованием данной методики, представленные в учебнике (модуль 1, урок 1)¹ [5]:

Задание 1 Прослушайте слова, которые произносятся сначала с русской, а затем с армянской артикуляцией.

а. В чем, по Вашему мнению, заключается основное отличие в артикуляции согласных фонем?

Тип, титан, актив, кино, диплом, институт, Би-Би-Си, ми, си.

б. В чем, по Вашему мнению, заключается основное отличие в произнесении безударных гласных в армянском и русском языках?

Москва, компот, лимонад, шоколад, автомат, комбинат.

Задание 2 Прослушайте слова, произнесенные сначала в соответствии с правилами словесного ударения в русском языке, а затем – в армянском. Что вы можете сказать об особенностях армянского ударения?

Автобус, митинг, шашки, атом, сода, техник, офис.

¹ Заметим, что в учебнике и книге для преподавателя (раздел «Дополнительные тренировочные упражнения и контрольные задания») фонетические упражнения присутствуют во всех модулях: от упражнений на артикуляцию отдельных звуков до упражнений на интонационное оформление различных коммуникативных типов предложений, а также фонетическое чтение текстов различной фоностилистической направленности [4; 5].

Таблица

Армянские и русские согласные звуки

Способ артикуляции		Место артикуляции							
		Губно-губные	Губно-зубные	Зубные	Альвеолярные	Заальвеолярные	Палатальные	Верхнеязычные	Глоттальные
Взрывные	арм. звонкие	բ		փ				ք	
	арм. глухие	պ		տ				կ	
	арм. придыхат.	փ		թ				ք	
	русс. звонкие	б б'		д д'				г г'	
	русс. глухие	п п'		т т'				к к'	
Аффрикаты	арм. звонкие			ձ		ջ			
	арм. глухие			ծ		ճ			
	арм. придыхат.			ց		չ			
	русс.			ц		ч'			
Носовые	арм.	մ		ն				ն'	
	русс.	м м'		н				н'	
Фрикативные	арм. звонкие		վ	ր		ժ		լ	
	арм. глухие		փ	տ		չ		խ	հ
	русс. звонкие		в в'	з з'		ж			
	русс. глухие		ф ф'	с с'		ш ш'		х х'	
Аппроксиманты									
Срединные	арм.							յ	
	русс.							й	
Боковые	арм.			լ					
	русс.			л	л'				
Дрожащие	арм. одноударн.				ր				
	арм. многоударн.				ր				
	русс.				р р'				

Авторами настоящего вводно-фонетического курса традиционно используется *сознательный акустико-артикуляционный метод*, или принцип сознательной самокоррекции, предлагаемый Н. Д. Лукиной для изучения фонетики английского языка [6]. Данный метод основан на знании механизма образования звуков иностранного и родного языков и на системе акустических приемов коррекции. Поэтому помимо интенсивной практической тренировки, необходимо и усвоение значительного количества теоретических знаний о фонетическом строе армянского языка. Так, разработанные авторами сопоставительные таблицы гласных и согласных звуков армянского и русского языков дают студентам возможность эффективно работать над произношением, используя принцип самокоррекции с учетом знания механизмов образования звуков русского и армянского языков. В качестве примера приводится сопоставительная таблица армянских и русских согласных звуков (см. выше).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веренинова Ж. Б.* Фонетическая база английского языка в сопоставлении с фонетической базой русского языка: учебное пособие для факультетов иностранных языков и факультетов повышения квалификации. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – 148 с.
2. *Галочкина И. Е., Бурая Е. А.* Английское произношение без акцента. Экспериментальный фонетический вводно-коррективный курс для самостоятельного обучения в системе непрерывного образования. – М. : Слайдинг, 1999. – 104 с.
3. *Карташевская Ю. В., Комарова Р. А.* Армянский язык и культура. Хрестоматия. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – 256 с.
4. *Комарова Р. А., Карташевская Ю. В.* Армянский язык и культура. Книга для преподавателя. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – 96 с.
5. *Комарова Р. А., Карташевская Ю. В.* Армянский язык и культура: учебник. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – 152 с.
6. *Лукина Н. Д.* Практический курс фонетики английского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М. : Астрель ; АСТ, 2003. – 272 с.
7. *Маркосян А. С.* Крунк Айастани : учебник армянского языка. – М. : Баласс, 2003. – 192 с.
8. *Тошьян С. Б.* Фонетические структуры русского и армянского языков (сопоставительно-типологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тбилиси, 1985. – 43с.
9. *Хачикян А. Я.* Сопоставительный анализ вокалических и акцентологических систем русского и армянского языков : дис. ... д-ра филол. наук. – Ереван, 2005. – 321 с.

УДК 008

В. А. Климик, М. А. Салькова

Климик В. А., аспирант кафедры грамматики английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: victoria_klimik@bk.ru

Салькова В. А., кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой грамматики английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС И ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с некоторыми особенностями графического оформления и нестандартного орфографического кодирования литературного текста. Указанные явления, составляющие часть текстовой грамматики, интерпретируются как способ привлечения внимания к внутритекстовому конфликту, формируемому автором произведения. Разрабатывается предварительная таксономия некоторых графических и орфографических приемов, обсуждаются их свойства, в частности парадоксальная способность к приданию конфликту положительного заряда с целью повышения мотивации к дальнейшему чтению. Теоретическими основаниями описания являются постулаты когнитивной и коммуникативной лингвистики, в частности теории когнитивного диссонанса. Исследование представляется актуальным в условиях современного мультикультурного общества, где высока потребность в более комфортной и эффективной коммуникативной среде.

Ключевые слова: детская литература; когнитивный диссонанс; конфликт; внутритекстовый конфликт; визуальные графические эффекты в печатном тексте; правописание; шрифт.

V. A. Klimik, M. A. Salkova

Klimik V. A., Post-graduate student, English Grammar and History of the English Language Department, MSLU; e-mail: victoria_klimik@bk.ru

Salkova M. A., Ph.D., Professor, English Grammar and History of the English Language Department, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

COGNITIVE DISSONANCE IN FICTION: INTERPRETING GRAMMAR-RELATED ISSUES

The paper is concerned with interpreting grammar-related issues of literary text in the view of conflict-in-text phenomenon. The research is based on the postulates of cognitive and communicative linguistics, and the studies of cognitive dissonance. We have worked out a taxonomy of spelling-related issues with regard to their conflict-triggering properties, and a possible guideline for their interpretation. The findings of

this research can be applied to developing children's reading motivation. This research is topical in modern Russia's multicultural society, as its findings can help promote a more comfortable and efficient communicative environment.

Key words: children's literature; cognitive dissonance; conflict; conflict-in-text; visual effects in printed text; spelling; script.

1. Introduction

The phenomenon of cognitive dissonance (CD) arouses enthusiasm of many researchers and is being widely studied [14, p. 7; 6; 18]. CD is an object of interdisciplinary research – for example, in psychology it is related to the nature and properties of human cognitive processes [10]; in communication studies this phenomenon is regarded as part of social interaction, and is observed in researches on “the influence of communication” [17].

Born within psychological studies, the notion of CD was later successfully adopted by linguistics, where it is related to the problematics of conflict in language. Quite naturally, many linguistic researches are focused on the verbal representation of CD. Scholars have grown interested in various factors and linguistic aspects of this phenomenon. For instance, E. Veber considers the theory of CD as one of the possible keys to many obscurities of verbal manipulation processes [19]; T. Drozdova studies CD as one of the structural components of literary space and literary image [8]; N. Belous concentrates on the semantic and pragmatic aspects of conflict in a communicative situation [2].

However, no research focused on grammar-related issues as conflict-triggering factors has been carried out so far. Granted that grammar is one of the essential parts of language structure and speech production, there is no doubt that the issue should be studied – in order to obtain comprehensive proofs of the verbal representation of CD. For this reason, we intend to analyze grammar factors of CD in literary text. As the sphere of grammar is broad and includes various and numerous sub-systems and components, in this article we will concentrate on spelling (traditionally, grammar studies include the problematics of orthography (spelling) and punctuation) and the role it plays in creating literary images. Having reviewed works on spelling, we have to say that spelling-related issues are discussed but sporadically and the works published are not related to the problematics of CD and of conflict-in-text, in general. To meet this lack, our research

concentrates on conflict in printed text provoked by spelling techniques – and treats conflict-in-text in the view of its cognitive properties (i.e. as one of the ways of imparting knowledge).

Starting out this research, we set ourselves the following goals: 1) to outline a possible guideline for interpreting grammar-related issues of the text in the view of their conflict-triggering properties – as a contribution to the cognitive approach to grammar issues; 2) to work out a taxonomy of the grammar means with the potential of introducing conflict-in-text. To achieve these aims, we intend to analyze the text of recognized literary works, in particular, of children’s fiction – as we believe linguistic studies on children’s literature can have a significant impact on language education at school.

2. Methodology

As for the linguistic material, we have analyzed the text of two popular children’s novels, both bestsellers, “A Bear Called Paddington” and “More About Paddington” (first published in 1958 and 1959, correspondingly) by the recognized British writer Michael Bond. The books are recommended for 7–11 year old children (mostly the primary school period). In brief, the storyline is as follows: a bear from Peru arrives in London and meets a typical English family – Mr. and Mrs. Brown and their two children. As they meet at Paddington Station, the family names the bear Paddington. The bear lives at the Browns’, discovers London, gets accustomed to the British way of life and has a lot of adventures.

We have chosen this particular book for the following reasons. Firstly, this book is an illustration of culture and language acquisition by a prototypical primary school child (personified by the main character Paddington Bear). We believe this to make the findings of our research even more demonstrative. Secondly, stories about Paddington Bear enjoy immense and lasting popularity with the British children – to such an extent that the British journalist and trend-setting writer S. Fry has described Paddington Bear as “a British institution” [3].

We have analyzed the full texts of the two novels, which makes 300 pages. To collect the data, we have singled out all the spelling techniques in printed text. As a result of the data analysis:

- conflict-triggering properties of the collected visual effects have been abstracted, and we have suggested an explanation of their role in the process of text perception has been suggested;

- a taxonomy of spelling-based techniques of alternative visual text presentation has been worked out, and the conflict-triggering properties of the techniques have been established.

3. Background: cognitive dissonance in fiction

The term “cognitive dissonance” was suggested by Leon Festinger, who interprets CD as mental stress or discomfort, sometimes experienced by an individual when a person is confronted with new information that influences the already existing beliefs, ideas, or values [10].

Researches [8; 20] show that CD is often observed in literature, as a result of conflict-in-text. In our research we intend to concentrate on the conflict within the “author-reader” dialogue. A hypothetical reader relies on the ‘rules’ that determine how to deliver a work’s content within a certain literary genre [12, p. 425–427]. In order to perceive and comprehend the referential system of the text, the reader “expects” to receive signals from the author. Such signals may correspond to the reader’s assumptions, or, alternatively, may trigger an “expectation-result” conflict.

Researcher T. Drozdova holds that CD can concern any structural level of a language identity. It is noteworthy that CD can develop at the verbal-semantic level, as a result of language code discrepancies between the communicants [8].

Ph. Barker points out that “the proper use of cognitive dissonance can be a useful tool in overcoming conflict. <...> Creating dissonance can induce behavior or attitude change” [1]. Following Barker, we mean that conflict-in-text may be intended by the author with the aim of inducing the reader’s attitude change (and the attitude change happens as a possible resolution of CD). In this sense, CD “works” as a motivating factor, a stimulus to text interpretation.

To involve the reader, the author may play with the text in different ways. In particular, this research dwells on experiments with spelling and script – text visualization techniques, for example:

1. HELP! HELP!
2. IMJUSTCOMING
3. T-H-E E-N-D

Before we proceed to the findings of this research, it is necessary to say that the visual effects in printed text cannot be regarded as a mere

feature of the books on the Bear Paddinton's adventures, nor can contemporary writers be considered pioneers in using print games in literary text. Attempts to make young book-lovers see-as-they-read can be observed in children's classics: e.g. in "Alice's Adventures in Wonderland" (1865) by Lewis Carroll [5, p. 17] we come across "a tale printed as a mouse's tail". Another example: in the popular children's book "Ferdynand Wspaniały" («Фердинанд Великолепный» in Russian translation) by the Polish writer Ludwik Jerzy Kern [15, p. 110–113] the description of rain is so "visual" that it makes one wish to open an umbrella.

It was not at random that we have turned to this problematics – techniques similar to the mentioned are no longer strange to fiction books for adult readers. Remarkable examples can be seen in the novels "The Juror" by George Dawes Green [13] and "The Last Samurai" by Helen DeWitt [7] – in these books, print "games" produce the impression of a noticeable dissonance, they are perceived as innovative and break the stereotyped vision of a traditional printed text as uniform and predictable. Our language teaching experience gives numerous proofs that an attentive and curious reader will certainly pay attention to such visual effects in printed text and will reflect upon them. As language teachers, we are often questioned by our students, intrigued and perplexed by the print "games" they come across in the English fiction, either classic or modern.

Thus it can be seen that visual effects in printed text are by no means an exception or occasionalism, but rather an important trend in text processing, a trend that raises a number of questions linguistics is still to answer. Triggering CD on the part of the reader, alternative spelling can become a powerful means of expressing meaning, imparting knowledge, guiding the reader through the plot – and, in the final analysis, one of the important incentives to a child's reading skills development. Although this issue promises interesting findings and applied value (introduction of CD in children's books can be employed as a means of augmenting reading motivation), so far no research has concentrated on it. With the intention to meet this lack, we proceed to the description and findings of the research we have carried out.

4. Findings and analysis

To begin with, our assumption is that a typical reader of the fiction we employ in this research (a primary school child) has yet little reading

experience. Usually, the first books read by a child provide examples of canonical text, to instill the notion of the written norm of the language.

What is discussed below is some techniques of alternative visual presentation of printed text. We have worked out a taxonomy of such techniques based on their conflict-triggering properties: the conflict of the reader's existing knowledge of the orthography rules conflicts with the alternative orthography techniques (new, yet unknown to the reader). This conflict, with a strong probability, results in the reader's CD.

Below is provided the list of these techniques and the explanation (for each one) of their functioning as a conflict-provoking factor. These explanations can be used as a possible guideline for interpreting spelling-related issues – as an alternative for, or in addition to formal and / or functional grammatical description.

1) “Big Print Game: Capitalization”

“He tried calling out ‘Help’, first in quite a quiet voice, then very loudly: ‘HELP! HELP!’”

In contrast to a quite neutral “Help”, the second, capitalized and repeated, word (“HELP! HELP!”) becomes eye-catching, so we understand to which extent the character is scared. It is also noteworthy that the author provides the child with a clue to interpreting the capitalized words (“very loudly”). Such a clue indicates the writer's awareness of the unconventional use of capitalization, as well as his intention to show the young and yet inexperienced reader the way to meaning construction in the alternatively spelled stretch of printed text.

2) “Binding words + Capitalization”

“Paddington looked up, an expression of bliss on his face; that part of his face which could be seen behind egg whiskers and toast crumbs. He tried to say something but all he could manage was a muffled grunting noise which sounded like IMJUSTCOMING all rolled into one”.

In the final part of the sentence, in addition to capitalization, the author does not separate the words, which makes the sentence look unorthodox. The author's intention appears quite transparent: the reader “reads” into the word and feels as if they were present there, trying to speak with their mouth full. This strategy adds to the overall feeling of discomfort that the text foregrounds.

Similarly to the example 1, the author facilitates interpretation, supplying the alternatively-coded phrase with an explanation (“...IMJUSTCOMING all rolled into one”).

3) “Intentional misspelling + Capitalization”

With the little that was left he tried writing his new name again. He had several attempts and finally decided on PADINGTUN. It looked most important.

The misspelled name “PADINGTUN” looks striking to the reader who is not used to observing mistakes in a book. Just the opposite, books are usually perceived as guides to the language norm. As the name is misspelled by the bear Paddington himself, the intentional mistake becomes a convincing means of describing the protagonist. The capitalized misspelled name “communicates” both the bear’s early age and his yet imperfect English – all in one, in an amusing visual form.

4) “Parcelling”

And as Paddington lifted a tired paw and waved the last sparkler in the air to spell out the words T-H-E E-N-D, everyone agreed they had never seen such a successful bonfire before – or such a well-dressed guy.

The cliché “The End” becomes eye-catching and memorable due to the technique of parcelling: the letters are not only capitalized, but also hyphenated, which makes them look parcelled out. This technique seems to cause a dissonance for the reader who rather expects the ordinary visualization “The End” instead of the unconventional “T-H-E E-N-D”. Two quite observable effects of this dissonance can be noted: firstly, the wording disturbs the reader; secondly, the unusually spelled word acquires an additional meaning – it conveys Paddington’s self-confidence and pride, and the event’s success.

5) “Intentional grammatical mistakes”

Let us consider, for example, the name of the Bear Paddington’s homeland – “Darkest Peru”. Not preceded by the definite article, the adjective “darkest” is perceived as a certain deviation from the grammatical norm (as in the English language the superlative degree of adjectives is usually marked by the definite article). Thus, the imaginary toponym “Darkest Peru” helps to emphasize the bear’s exotic descent, the mere name of his homeland being a “mistake”, a nonsense.

5. Discussion of Results

Following the presentation of the findings, we must make two significant observations.

Firstly, it is important to point out that CD in literature (conflict-in-text) is inference-provoking: inference appears as tension or surprise experienced by the reader while perceiving, comprehending and interpreting non-standard (alternative) spelling and scripts in text. According to the research on CD conducted by the American psychologists Andrew J. Elliot and Patricia G. Devine, “this psychological discomfort is alleviated on implementation of a dissonance-reduction strategy, attitude change”. Following L. Festinger [11], the authors treat CD as “a fundamentally motivational state” [9]. So, it appears reasonable to suggest that conflict-in-text (in this research, a conflict provoked by a skillful implementation of alternative spelling techniques) disturbs the reader to intensify their interpretation of meaning. Thus spelling-triggered CD becomes “a useful tool in managing conflict” and “a basic tool for education in general” [1].

Secondly, due to their visual effects, the spelling techniques described above make the text more informative and contribute to communicating subtleties of mental images conceived by the author. A. Paivio postulates two cognitive subsystems, one specialized for the representation and processing of imagery, and the other specialized for dealing with language. Correspondingly, their representational units are “imagens” (mental images) and “logogens” (verbal entities) [16]. Parts of the texts, perceived via the spelling-based visual effects, become efficient and impressive knowledge containers – as they merge both logogens and imagens.

6. Conclusion

In the course of this research, we have achieved the goals set at the beginning.

1) We have outlined a guideline on possible interpretation of spelling-related issues – interpretation with regard to their conflict-triggering properties. Furthermore, not only orthography techniques, but other grammar-related issues (e.g. syntactic constructions) should be added to the data for analysis.

2) We have worked out a taxonomy of spelling-related issues. This taxonomy is based on conflict-triggering properties of spelling techniques. We admit that this taxonomy is preliminary, and is to be extended in order

to obtain a comprehensive notion of the way spelling-based visual effects of printed text influence the reader's interpretation.

We hold that further research on this issue is needed and that the study into language (in particular, grammar) means of creating a conflict-in-text appears to be quite topical and promises applied value. Research into this field can provide answers to a number of important questions, among them are the following. Is language-based CD an unambiguously negative phenomenon that hampers comprehension, or does it have an alternative positive charge? What are the means of realizing conflict-in-text and manipulative strategy of text processing? How can the boundaries of such "language game" be determined? To what extent can such "games" deviate from the language norm?

Winding up, we would like to outline the potential value of this research.

Firstly, the findings of this research contribute to the knowledge of how CD can be represented verbally. As we pointed in the introduction, a number of researches have concentrated on verbal representation of CD – however, this research is the first attempt to analyze and describe the way CD can triggered by violation of orthographic and printing restrictions.

Secondly, this research promises applied value in education – especially if it concerns studying CD in children's literature. It looks like these days children are becoming less interested in reading. As a result, modern children are not experienced readers, which entails such problems as poor literacy and lower academic success, inability to communicate successfully in everyday life. Due to this, motivating children to acquire language and speech skills urges development of more demanding ways to make texts interesting to read and easy to remember. For this reason, a skillful introduction of conflict-in-text can be regarded as one of such ways. Apart from its value for first / second language teaching, this research is applicable in educating journalists, psychologists, public servants, human resources and public relations specialists and some other majors related to text processing. Educating adult audiences, we can discuss conflict-in-text as a strategy that can promote or reduce communicative efficiency.

In conclusion, we must add that the issue discussed seems to be an up-and-coming area of study.

REFERENCES

1. *Barker Ph.* "Cognitive Dissonance." *Beyond Intractability* / Eds. G. Burgess and H. Burgess. – Conflict Information Consortium, University of Colorado,

- Boulder, 2003. – URL : <http://www.beyondintractability.org/essay/cognitive-dissonance>.
2. *Belous N.* Konfliktny diskurs v kommunikativnom prostranstve: semanticheskie i pragmaticheskie aspekty : Autoref. for Ph.D. thesis. [Conflict discourse in communicative space: semantic and pragmatic aspects]. Kuban State University, 2008 (Rus.)
 3. *Bond M.* A Bear Called Paddington. – Harper Collins Publishers Ltd., 2003. – 160 p.
 4. *Bond M.* More About Paddington. – Harper Collins Publishers Ltd., 2003. – 176 p.
 5. *Carroll L.* Alice's Adventures in Wonderland. – Dover Thrift Editions, 1993. – 86 p.
 6. *Cooper J.* Cognitive dissonance. 50 Years of a Classic Theory. – London : SAGE Publications Ltd, 2007. – 216 p.
 7. *DeWitt H.* The Last Samurai. – New York : Hyperion, 2000. – 530 p.
 8. *Drozdova T. V.* Kognitivny dissonans kak lingvisticheskaya problema : Autoref. for Ph.D. thesis. [Cognitive dissonance as a linguistic problem]. – Belgorod : Belgorod State National Research University, 2002. – 174 s. (Rus.)
 9. *Elliot A. J., Devine P. G.* On the Motivational Nature of Cognitive Dissonance. Dissonance as Psychological Discomfort. American Psychological Association: Journal of Personality and Social Psychology. – September 1994. – Vol. 67, No. 3. – Pp. 382–394.
 10. *Festinger L.* A Theory of Cognitive Dissonance. – California : Stanford University Press, 1957. – 291 p.
 11. *Festinger L.* The Motivation Effect of Cognitive Dissonance // G. Lindzey (ed.). Assessment in human motivation. – New York : Rinehart and Company, 1958. – Pp. 65–68.
 12. *Frolova O. E.* Konflikt teksta i chitatelskikh ozhidanii // Konflikt v yazyke I kommunikatsii : Collected articles. – Moscow : Russian State University for the Humanities, 2001. – S. 425–437 [The conflict of text and reader's assumptions]. (Rus.)
 13. *Green G. D.* The Juror. – Bantam Books, 1996. – 432 p.
 14. *Jenkins T.* Of Flying Saucers and Social Scientists: A Re-Reading of When Prophecy Fails and of Cognitive Dissonance. – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – x + 100 p.
 15. *Kern L. J.* Ferdinand Velikolepny : Per. s polsk. – Moscow: Progress, 1969. [Ferdynand the Great]. – 158 s.
 16. *Paivio A.* Imagery and Verbal Processes. – New York : Holt, Rinehart & Winston, 1971. – 608 p.
 17. *Stroud N. J., Kim S., Scacco J. M.* Cognitive Dissonance. Oxford Bibliographies Online: Communication. – 2012. – URL : <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756841/obo-9780199756841-0062.xml>

18. *Vaidis D. C.* Cognitive Dissonance Theory. Oxford Bibliographies Online: Psychology. – 2014. – URL : <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199828340/obo-9780199828340-0156.xml>
19. *Veber E.* Opyt lingvisticheskogo issledovaniya kognitivnogo dissonansa v angliiskom diplomaticheskom diskurse : Ph.D. thesis. – Irkutsk State Linguistic University, 2004 [An experience of linguistic research on cognitive dissonance in the English diplomatic discourse] (Rus.)
20. *Voskoboynik G. D.* Kognitivniy dissonans kak problema teorii i praktiki perevoda: osnovnie konseptualnie polozheniya. – Irkutsk State Linguistic University, 2001. [Cognitive dissonance as a problem of the translation theory and practice: basic conceptual points] (Rus.)

УДК 811.811'42

Н. Д. Токарева

кандидат филологических наук, профессор, профессор каф. стилистики
английского языка факультета МГЛУ; e-mail: tata2535@gmail.com

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ МАНИФЕСТАЦИИ ОТНОШЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ ГРУППЫ
К ВАЖНЕЙШИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ В СТРАНЕ
(на материале британской прессы:
The Sunday Telegraph и The Mail on Sunday)**

В статье в рамках прагматики и стилистики проводится анализ отдельных характеристик газетного дискурса, что позволяет выявить существенные особенности газетного дискурса консерваторов как социальной группы. Выступления ее отдельных членов трактуются как отклонение от общей идеологической парадигмы, никак не влияющее на ее единство. Данный частный случай иллюстрирует идеологическое единство данной социальной группы как системы. Материалом для анализа послужили статьи британских газет The Sunday Telegraph и The Mail on Sunday.

Ключевые слова: дискурс; газетный дискурс; прагматика; стилистика; идеология; групповое сознание; социальный контекст.

N. D. Tokareva

Professor, Ph.D., Professor, Dept. of English Stylistics,
Faculty of the English Language, MSLU;
e-mail: tata2535@gmail.com

**LINGUISTIC STRATEGIES OF A SOCIALLY-DETERMINED GROUP
TO MANIFEST ATTITUDES TO IMPORTANT POLITICAL EVENTS
(on the material of The Sunday Telegraph and the Mail on Sunday)**

The article carries out the analysis of specific characteristics of newspaper discourse within the framework of pragmatics and stylistics. This allows to identify the essential features of the newspaper discourse of the Conservatives as a social group. Appeals of some Tory members are treated as deviation from the general ideological paradigm not likely to affect party unity. The case considered in the article is an example of the unity of the social group in question which demonstrates its ideological stability as a system. The material for analysis comes from the British newspapers "The Sunday Telegraph" and "The Mail on Sunday".

Key words: discourse; newspaper discourse; pragmatics; stylistics; ideology; group cognition; social context.

В периоды особенно острых политических дискуссий, которые возникают в стране в связи с различными ситуациями, наблюдение за

отдельными социальными группами, которые придерживаются одной и той же идеологии, может дать представление о различных противоречиях внутри данной группы. С одной стороны, безусловно, присутствует общность интересов данной социальной группы, а с другой – анализ позволяет выявить разные когнитивные подходы в видении одной и той же проблемы.

Так, Великобритания в настоящее время находится в центре внимания европейского сообщества в связи с заявленным на 23 июня 2016 г. референдумом по поводу ее дальнейшего пребывания в Евросоюзе или выхода из него. Дискурс газетных статей является наиболее частым по сравнению с другими видами дискурса, за исключением разных видов устной коммуникации. Он представляет особый интерес для понимания не только тех процессов, которые можно наблюдать в определенный период времени в развитии социальных отношений, находящих свое отражение в дискурсе, но и позволяет увидеть те различия, которые не затрагивают базисные интересы данной социальной группы.

Анализ выбранных статей из двух газет имеет своей целью выявить общность широких интересов данной социальной группы, а именно – приверженцев консервативной идеологии, а также различия в понимании оценок существующей ситуации (Великобритании по отношению к Евросоюзу) и способах разрешения возможных последствий для страны. Прежде всего, это экономические последствия, а также социально-культурные и этнические. Дискурсивный анализ проводится как на экстралингвистическом уровне, когда рассматриваются ситуативные модели, так и на уровне лингвистики и прагматики.

По словам Т. ван Дейка [1, с. 45–46], идеологии и другие социальные черты, присущие человеку как результат его деятельности, и восприятие этой деятельности через сознание являются социальными, потому что они разделяются людьми, принадлежащими к одному социальному кругу. В процессе обсуждения каких-либо вопросов отдельные члены социальной группы моделируют события согласно собственным представлениям, которые возникают на широком поле общей идеологической направленности. Разные представители этой группы могут приобретать и выражать взгляды, которые в некоторой или даже в значительной степени расходятся в зависимости от индивидуальной оценки ситуации. Иногда взгляды не только расходятся,

но и противоречат друг другу. Члены социальной группы моделируют события и формируют свое мнение о них, не нарушая своей идеологической приверженности. Основа общей идеологии позволяет многочисленные вариации точек зрения.

Так же как модели, события, которые формируются в сознании членов социальной группы, контекстные модели направляют читателя при чтении газетных статей в определенное русло в стремлении формирования его индивидуальной позиции, которая будет представлять собой сочетание социальных аспектов и дискурсивных структур. По мнению Нормана Фейрклоу [2], в процессе восприятия текста статьи возникают сложные отношения между конвенциональными представлениями, т. е. идеологией и дискурсом.

Во всех статьях, посвященных предстоящему референдуму, премьер-министр подвергается жесткой критике за свое пренебрежительное отношение рядовых консерваторов.

Это подтверждается многими факторами, например такими, как упоминание 40 ассоциаций консерваторов, которые через своих представителей в Парламенте заявляют, что не согласны при голосовании на референдуме отражать мнение премьера, которое идет вразрез со взглядами местных партийных ассоциаций.

Привлекают внимание заголовки статьи в обеих газетах на эту тему. Так, в заголовке из *The Mail on Sunday* содержится двойной смысл:

He's desperate to stay. So why is Cameron driving us to the EU exit?

С одной стороны, это критика тактики премьера, с другой – понимание автором статьи того, что более тесные связи с Европейским Союзом противоречат интересам правящей партии, а также того, что своими действиями премьер, по сути, способствует политике консерваторов, настаивающих на выходе из Евросоюза. Употребление прилагательного *desperate* говорит о безусловной приверженности премьер-министра европейским интересам. Использование временной формы Present Continuous, а также подчеркнутый вспомогательный глагол *is* в глагольной форме «*is driving*», употребление местоимения *us*, которое указывает на цельность партии консерваторов, не говоря уже о синтаксическом стилистическом приеме риторического вопроса, не могут не настроить читателя на восприятие позиции автора о необходимости безусловного выхода из Европейского Союза.

В других статьях, посвященных этой теме, наряду с вышеуказанными ассоциациями консерваторов, постоянно присутствуют такие политические термины, как **the grassroots of the party**, т. е. рядовые члены партии, что укрепляет понимание читателя в существовании надежного тыла консервативной партии, состоящего из ее членов. В целом ряде заголовков особенно ярко проявляются такие дискурсивные особенности, как недоговоренность (*understatement*), которая помогает понять когнитивные социальные особенности газетного дискурса, а также социальной ценности данной группы как общей для всех носителей данной идеологии.

В другом заголовке из газеты *The Sunday Telegraph* уверенно заявляется о цельности партии, которая должна выступить против предпринятых премьером шагов в отношении продолжения пребывания Великобритании в Евросоюзе. В заголовке статьи «*Tories must take on the PM over Europe*» явное противопоставление мнения консерваторов как партийному образованию точке зрения премьера. Характерно употребление фразового глагола *to take on somebody over something*, что означает «начать борьбу против кого-либо». То есть присутствует явное противоречие между общим настроением консерваторов и попытками премьер-министра продолжить отношения с Евросоюзом.

Для заголовков статей, освещающих эту проблему, характерно использование личных местоимений не только в объектном падеже, но и в именительном:

How can we trust PM who says he would join if we wouldn't be in? (*The Sunday Telegraph*).

Очевидно, что в данном дискурсе присутствует антитеза, не говоря уже о приеме риторического вопроса. Сложная синтаксическая структура позволяет несколько смягчить сарказм, который, несомненно, содержится в заголовке.

Вот другой заголовок из *The Sunday Telegraph*, который также построен на антитезе:

The pollsters were wrong about the election – Why believe them on the E.U.?

Однако консерваторы не ограничиваются рамками своей партии. Они стремятся привлечь также и лейбористов к пониманию необходимости выхода из Европейского Союза в предстоящем голосовании,

которые далеко не все поддерживают продолжение пребывания Великобритании в рамках Евросоюза. В заголовке статьи «A “German” M.P. ... who better to lead Labour’s warring Brexit brigade?» (The Sunday Telegraph) также содержится недосказанность (*understatement*), причем прямо указывает на позицию лейбористов остаться в рамках Евросоюза. Взятое в кавычки «German» относится к члену Палаты Общин немецкого происхождения. В заголовке делаются намеки на определенную ориентированность лейбористов на Евросоюз при указании на национальность члена парламента, что граничит с политической некорректностью. В самой же статье приводятся высказывания ряда лейбористов, чья точка зрения не совпадает с позицией руководства партии.

Для многих заголовков характерно использование стилистического приема риторического вопроса, что в сочетании с использованием недоговоренности (*understatement*), дает четкое представление о том, каким образом консерваторам в целом следует реагировать на различные проявления несогласия с общей линией партии. Премьер-министр, который по сути является не только главной кабинета министров, но и председателем партии консерваторов, таким образом критикуется более чем принято в рамках сдержанного противостояния.

Так, рассмотрение стилистических средств, своеобразно окрашивающих дискурс разными тонами, приверженность партии общей линии и критика ее отдельных представителей даются с помощью тех лексических и стилистических средств, которые усиливают впечатление отличия этих двух позиций, т. е. единство партии и выступления отдельных ее членов.

Можно говорить, вслед за Т. ван Дейком [1], что заголовок является макропропозицией, которая в дальнейшей актуализируется в статье. Пропозиция рассматривается как семантический инвариант способа получения истинного значения при его дальнейшем развитии. Так, мы видим, что в состав пропозиции входят элементы, которые называются коммуникативными установками (*propositional attitudes*). Макропропозиция является результатом селекции, абстракции и других операций, которые сокращают объем сложной информации, содержащейся непосредственно в статье, что было показано на ряде заголовков.

В заголовках статей, среди других стилистических средств, содержатся не только риторические вопросы, но и прямое обращение к премьеру со стороны партии консерваторов, например:

Show us respect, – Tories tell PM (*The Sunday Telegraph*).

Тексты статей, направленные на его критику, содержат некоторые лексические средства, иногда стоящие на грани дозволенного. Например, употребление глагола *snub* по отношению ко всей партии или такие сочетания лексических единиц, как *anger erupted within the grassroots membership over Cameron*.

Лексический прием иронии «пронизывает» все статьи, касающиеся договоренности премьера с Евросоюзом, например:

We waited for him to lift a sleek fat rabbit out of his magician's top hat – but he produced a shrivel mouse accompanied by a melodramatic roles of drums (*The Mail on Sunday*).

Его договоренность в Брюсселе называется «achievement», причем это слово взято в кавычки. Цепочка причастий Past Participle, описывающих Британию как *flawed floated meddling*, в случае, если Великобритания остается в Евросоюзе, производит негативное впечатление. Авторы статей употребляют много лексических единиц с отрицательной коннотацией по поводу Евросоюза, например:

...increasingly organic greed for more power over its members (*The Mail on Sunday*).

В рассмотренных статьях часты случаи использования иронии, например:

Big beats turned into a Europhile pussycats” when compelled between leaving and staying (*The Sunday Telegraph*).

Интересно употребление аллюзии, например упоминание У. Черчилля, который сказал про командующего британским флотом во время Первой мировой войны, что он был *the only man who could lose the war in an afternoon*. Так и премьер-министр, считает *The Mail on Sunday*:

...is the only person who could lose the referendum in an evening.

Использование художественного приема антитезы усиливает впечатление от противостояния партии и премьера «unfairness to his opponents will be seen as a *weakness* not a *strength*» или другой пример:

He should treat his own party's activists with *respect*, not *scorn* (*The Telegraph on Sunday*).

Таким образом, ситуативная дискурсивная модель отражает различные нюансы несогласия партии в целом с оценками отдельных членов этой группы. Внутренние социальные связи этой группы, в данном случае консервативной партии, являются залогом ее монолитности и сплоченности. Разногласия в оценках политического события следует рассматривать как скрепляющий фактор единства консерваторов при том, что резкую критику на несогласие следует трактовать лишь как разнообразие мнений, а не как внутривнутрипартийную борьбу. Отбор дискурсивных структур, которые подверглись анализу, выявляют особые когнитивные социальные функции. Эти социальные функции лежат в основе консервативной идеологии и составляют те ценности, которые они считают основополагающими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dijk, Teun A. van.* Ideology and Discourse Semantics. – Newbury Park, CA : Sage Publications, 1995. – 180 p.
2. *Fairclough N.* Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. – НЕС Montreal, Avril 5, 2011. – 17 p. – URL : https://docs.google.com/document/d/1uA8M46-QyB4UMnIF4VdFQyvTcBgd2LxR2ypb7LRGXD0/edit?hl=en_US#!
3. The Sunday Telegraph. – 07 February, 2016.
4. The Mail on Sunday. – 07 February, 2016.

УДК 808.51

М. С. Фирстов

старший преподаватель каф. перевода немецкого языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: mfirstov@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ДЛЯ УСТНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В статье поднимается вопрос о целесообразности обучения устных переводчиков литературному переводу. Автор отмечает, что стиль художественной речи имеет как устную, так и письменную форму, но это не означает возможности обеспечить адекватный устный перевод художественного произведения. При более широком рассмотрении проблемы встает вопрос о критериях соотнесения конкретных речевых жанров с функциональным стилем художественной речи. Автор говорит об одном наиболее общем критерии, позволяющем разделить речевые жанры и конкретные тексты на две наиболее общие группы: по степени стандартизации, с одной стороны, и индивидуализации – с другой. Исходя из этого будет реализовываться и коммуникативная функция, определяющая подходы к переводу текста.

Ключевые слова: устный перевод; литературный перевод; художественный перевод; индивидуализация; стандартизация; обучение переводчиков.

M. S. Firstov

Senior Lecturer, the Department of Translation and Interpreting
(the German Language), the Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: mfirstov@mail.ru

FICTION TRANSLATION FOR INTERPRETERS

The article deals with the issue of worthwhileness of teaching literary translation to interpreters. The author points up that literary speech can be both written and oral but this does not mean that quality interpreting of fiction can be provided. If the problem is looked at in the wider context, there arises the issue of setting criteria for correlation between speech genres and literary speech style. The author says there is one general criterion that provides for dividing speech genres and texts into two groups depending on how much they are standardized, on the one hand, and individualized, on the other hand. Based on that division, a certain communicative function is to be fulfilled in order to choose the relevant approach to text interpreting.

Key words: interpreting; literary translation; fiction translation; individualization; standardization; training of interpreters.

Качество современных переводов иноязычной художественной литературы и публицистики на русский язык нередко оставляет желать лучшего. Особенно это касается произведений, рассчитанных на массового читателя. Таким образом, необходимость профессиональной

подготовки высококвалифицированных литературных переводчиков сомнений не вызывает. Открытым остается вопрос о материальном обеспечении подготовки подобных кадров и их последующей профессиональной деятельности, ведь известно, что литературные переводы, по сравнению с переводами нехудожественных текстов, оплачиваются довольно скромно, требуя при этом значительно большего времени и усилий. Но вопрос о материальной составляющей находится за рамками данной статьи.

Нам хотелось бы остановиться на перспективах и целесообразности включения занятий по литературному переводу (т. е. переводу произведений художественной литературы и публицистики) в процесс подготовки устных переводчиков.

Известно, что в большинстве европейских стран подготовка письменных и устных переводчиков осуществляется на разных университетских курсах. Что же касается российской традиции, то здесь переводческий факультет выпускает универсального специалиста, в идеале способного переводить как письменно, так и устно (синхронный перевод предлагается в некоторых вузах, в том числе в МГЛУ в виде факультатива).

Не вдаваясь в подробности образовательного процесса, отметим, что жесткое разделение переводчиков на устных и письменных, равно как и выделение синхрониста как «венца творения» среди первых и переводчика художественной литературы – как «небожителя» среди вторых кажется нам крайне непродуктивным (см., например, [8, с. 13]). Нередки, в частности, случаи, когда активно работающие устные переводчики успешно занимаются переводом художественной литературы.

Противопоставление художественного и устного перевода представляет собой, по расхожему немецкому выражению, сравнение груш с яблоками (*Birnen mit Äpfeln vergleichen*), поскольку здесь сравниваются элементы двух разных систем классификации: подразделение на художественный и информационный перевод осуществляется по жанрово-стилистической классификации, а на письменный и устный – по психолингвистической классификации [4, с. 95–97].

Столь же очевидно, что художественный текст может существовать как в письменной, так и в устной форме. Известно, что устная речь возникла еще до появления на планете *homo sapiens* как вида,

а примерно 30–40 тыс. лет назад на основе генетически первичного стиля обиходно-разговорного общения начинает развиваться и функционально-стилистическая дифференциация языка: расцвет переживает мифология, представляющая собой как отражение картины мира (т. е. зачатки протонаучных знаний), так и один из древнейших образчиков словесно-художественного творчества (см. [2, с. 67–69]). Письменность и, соответственно, письменные тексты появились лишь 5 тыс. лет назад. В дописьменный период такие сферы, как фиксация протонаучных знаний о мире, управление социальными и экономическими процессами, словесно-художественное творчество и др., обслуживались исключительно устными текстами.

После появления письменности устные жанры словесно-художественного творчества продолжали и продолжают существовать, и то, что некоторые из принадлежащих к ним произведений дошли до нас в письменном виде, практически не сказалось на их форме (речь здесь идет о таких жанрах, как сказка, былина, миф, сага, немецкий шванк и т. п.). Такие устные жанры, как байка и анекдот, также с гораздо большим основанием можно причислить к художественной речи, нежели к разговорному стилю.

Тот факт, что стиль художественной речи имеет как устную, так и письменную форму, отнюдь не означает возможности обеспечить адекватный устный перевод художественного произведения. Проблему для устных переводчиков нередко представляет перевод анекдотов и баек (и проблема эта решается с переменным успехом). Произведения же прочих жанров устно практически никогда не переводятся. Опыт проведения таких акций, как, например, «Литературный экспресс – Европа 2000», где обеспечивался синхронный перевод зачитываемых с трибуны эссе участников, лишней раз подтверждает невозможность полноценного устного перевода художественного произведения.

Тем не менее в речи оратора вполне могут встречаться цитаты из художественных произведений, в том числе и приводимые спонтанно, а также аллюзии на так называемые прецедентные тексты [3, с. 216], значимые для представителей культуры языка оригинала, но малоизвестные слушателям, принадлежащим к другой языковой культуре.

То же отмечает В. Н. Комиссаров: «Теоретически любой тип текста может быть переведен как устно, так и письменно. Практически,

однако, специфика устного перевода налагает определенные ограничения на степень сложности и объем переводимых текстов, что в определенном отношении связано и с их функционально-жанровой характеристикой. Произведения художественной литературы, в целом, не переводятся устно, хотя отдельные цитаты из таких произведений могут приводиться в устных выступлениях и переводиться синхронно или последовательно. Обеспечение художественно-эстетического воздействия в устном переводе с его жесткими темпоральными рамками является весьма сложной задачей, особенно если цитируются поэтические произведения, перевод которых неизвестен переводчику заранее» [4, с. 108].

Соответственно, изучение азов и общих принципов художественного перевода может принести пользу будущему устному переводчику, хотя бы исходя из этих поверхностных и утилитарных целей.

Если же посмотреть на проблему несколько шире, возникает вопрос о критериях соотнесения конкретных речевых жанров с функциональным стилем художественной речи.

Вынеся за скобки функциональный стиль разговорной речи, являющийся, как уже отмечалось выше, генетической основой для всех прочих функциональных стилей и поэтому весьма неоднородный, мы, на наш взгляд, имеем возможность говорить об одном наиболее общем критерии, позволяющем разделить речевые жанры (равно как и конкретные тексты) на две наиболее общие группы. Критерий этот – степень стандартизации, с одной стороны, и индивидуализации – с другой.

Очевидно, что ядерные жанры научного и официально делового стиля (в первом случае – научная статья, диссертация, отчет о проведенном исследовании, во втором – личные официальные документы, законы, инструкции и т. п.) будут отнесены в группу с преобладающим влиянием стандарта, а художественная литература и публицистика – к индивидуализированным жанрам. Рискнем утверждать, что тексты, основанные на стандарте, направлены главным образом на фиксацию содержащейся в них информации. Реципиент, как правило, воспринимает эти тексты по необходимости (недобровольно) и эстетического удовольствия от них не ожидает. В индивидуализированных же текстах именно эта индивидуализация, направленная на то, чтобы доставить реципиенту в том числе эстетическое удовольствие, и представляет собой инструмент воздействия на реципиента, позволяющий

побудить его читать тот или иной художественный или публицистический текст, благожелательно слушать того или иного оратора, менять под воздействием взглядов автора свое мировоззрение и т. п. Большую роль здесь играет добрая воля и право выбора: реципиент сам решает, тратить ли время и силы на восприятие того или иного текста. Если же автор уверен, что реципиент в любом случае будет вынужден воспринимать текст, то и лишних усилий для того, чтобы сделать этот текст более удобным и приятным для восприятия, автор, скорее всего, тратить не станет.

Если обратиться к коммуникативной функции, то в случае с текстами с превалирующей стандартизацией мы можем говорить о ритуальной или информативной функции, а в текстах индивидуализированных – о доминировании функции воздействия (подробнее о коммуникативных функциях см. [7, с. 81–83]).

Очевидно, что у текстов, функционирующих в рамках монолического социального общения (фронтальной коммуникации), есть одна общая черта с текстами художественной литературы и публицистики: все они нацелены на воздействие. Как минимум, оратор стремится воздействовать на публику, пытаясь понравиться ей (кроме редких исключений, когда оратор себе такой цели не ставит или ставит цель прямо противоположную). Кроме того, оратор стремится оказать воздействие на публику с целью заставить ее усвоить подаваемую информацию, принять его взгляды или выполнить конкретные действия. Реализацию в тексте лишь информационной либо только ритуальной функции без функции воздействия можно в равной степени отнести к неудачам оратора: в современном мире дефицита информации точно не ощущается, и тратить время и силы на простое сообщение публике информации, уже известной ей или легко доступной, как правило, нецелесообразно. Если же текст выполняет лишь ритуальную функцию, то ни его содержание, ни даже форма в акте коммуникации не играет никакой роли, поскольку значение имеет только сам факт коммуникации.

Со степенью индивидуализации текста напрямую связана роль, которую в тексте играет структурная информация (подробнее о видах информации см. [5, с. 21 и далее]). Если в текстах, где доминирует стандарт, структурная информация неиндивидуальна и передает особенности жанра, то в тексте индивидуализированном структурная

информация представляет собой выражение индивидуального стиля автора (важно не только и не столько, что сказано, но и как сказано). Соответственно, если при переводе стандартных текстов переводчик при передаче структурной информации ориентируется в первую очередь на стилистический узус языка перевода, то в случае с текстом с высокой степенью индивидуализации задача переводчика – как можно точнее передать особенности структуры оригинала, чтобы обеспечить на реципиентов перевода то же воздействие, что и на реципиентов оригинала. Иными словами, можно сказать, что передача структурной информации при переводе стандартного текста ориентирована на узус языка перевода, а при переводе индивидуализированного текста – на стиль автора оригинала.

Последнее утверждение равно справедливо и для художественного, и для публицистического, и для устного монологического текста в рамках социального общения (фронтальной коммуникации). «Каждый крупный писатель стремится убедить людей в истинности своего понимания жизни, стремится увлечь читателя миром своих образов, идей, эмоций» [1, с. 98]. То же, со всей очевидностью, можно сказать и об ораторе.

Соответственно формулируется и задача переводчика как при работе с художественным текстом, так и при переводе публицистики и устной речи: «Понять замысел автора, пройти с ним заново путь создания книги, найти в ней не только прямую задачу, но и ту “сверхзадачу”, ради которой книга переводится, – вот неперемнное условие творческого прочтения текста. Надо приучить переводчика не только “вникать” в текст: надо помочь ему “освоить” его, узнать все, что можно, о самом авторе книги, его биографию, его background, то есть его воспитание, его языковую среду» [6, с. 7].

Резюмируя, можно утверждать, что степень индивидуализации текста и связанная с ней функция воздействия на реципиента оказывает определяющее влияние на подходы к переводу текста, поскольку структурная информация, содержащаяся в тексте и представляющая собой инструмент воздействия на реципиента, не предлагается переводчику на языке перевода в виде готовой матрицы (как в случае со стандартными текстами), но передается индивидуально для каждого текста. Столь же индивидуальный подход необходим к семантической информации: поскольку превалирующей признается функция

воздействия, переводчику в каждом конкретном случае необходимо принимать решение, какова необходимая степень прагматической адаптации текста и на какие потери в семантической информации он имеет право пойти, чтобы сохранить в переводе то же прагматическое воздействие, что и в оригинале. Косвенным доказательством вышеприведенных утверждений служит тот факт, что спектр приемлемых переводов стандартного текста значительно уже, нежели спектр приемлемых переводов текста с высокой степенью индивидуализации (в последнем случае мы можем говорить о бесконечном множестве).

Поскольку очевидно, что перевод стандартных текстов, во-первых, проще, и, во-вторых, требуется чаще, можно предложить знакомить студентов на этапе подготовки бакалавров с переводом стандартных устных и письменных текстов, а на этапе подготовки магистров – с подходами к переводу индивидуализированных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брандес М. П., Провоторов В. И.* Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков) : учеб. пособие. – М. : НВИ-ГЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
2. *Гринева-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г.* Основы антропологистики. – М. : Академия, 2008. – 128 с.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – М. : ВШ, 1990. – 253 с.
5. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Общая теория перевода и устный перевод. – М. : Воениздат, 1980. – 237 с.
6. *Райт-Ковалева Р. Я.* Нить Ариадны // Мосты : журнал переводчиков. – 2007. – № 3 (15). – М. : Р. Валент, 2007. – С. 3–14.
7. *Фирстов М. С.* Предпереводческий анализ при обучении устному переводу // Специфика формирования базовых компетенций при обучении бакалавров и магистров неязыковых специальностей. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 75–85. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 20 (626). Сер. Педагогические науки).
8. *Цвиллинг М. Я.* Профессиональный путь переводчика. Размышления и воспоминания // Мосты : журнал переводчиков. – 2004. – № 1. – М. : Р. Валент, 2004. – С. 8–13.

УДК 81'37

М. А. Чигашева

кандидат филологических наук, доцент; заведующая кафедрой
немецкого языка МГИМО МИД России;
e-mail: mchigasheva@mail.ru

ДЕОНИМЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СМИ ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Ономастические явления не теряют своей актуальности и в настоящее время. Имена собственные обладают своей спецификой и отличаются от полных слов функцией в языке, в частности тем, что могут переходить в разряд имен нарицательных. Способность языкового знака к трансформации смысловой стороны приводит к возникновению вторичных наименований, представляющих предмет исследования данной статьи. Особое внимание уделяется анализу деонимов, встречающихся в политическом дискурсе СМИ Германии и России, что имеет важное значение для практики перевода.

Ключевые слова: лексическая система языка; политический дискурс; антропоним; деоним; негативная коннотация; перевод.

M. A. Chigasheva

Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of German Language Department,
MGIMO University; e-mail: mchigasheva@mail.ru

DEONIMS AS A PECULARITY OF THE MEDIA POLITICAL DISCOURSE IN GERMANY AND RUSSIA

Onomastic phenomena do not lose their relevance today. Proper names have their own characteristics and differ from autonomous words in the language by their function, in particular, they can move into the category of common nouns. The ability of a linguistic sign to transformation of the semantic aspect leads to secondary titles, representing the subject of study of this article. The particular attention is paid to the analysis of deonims in the media political discourse in Germany and Russia, which is essential for the practice of translation.

Key words: lexical system of a language; political discourse; anthroponym; deonim; negative connotation; translation

Имена собственные составляют значительную часть лексической системы любого языка. Они привлекают к себе внимание специалистов различных отраслей – историков, литературоведов, этнографов и др. Однако в первую очередь они интересны филологам и лингвистам, потому что каждое имя представляет собой слово, появляющееся

и существующее по законам того или иного языка. Кроме того, имена собственные аккумулируют в себе культурную информацию и отражают не только универсальные, но и национальные особенности восприятия окружающей действительности носителями языка, что позволяет относить их к сфере национально-маркированных единиц.

В данной статье речь пойдет именно об онимах, точнее, об антропонимах, т. е. о таких лексических единицах, которые призваны обозначать конкретного человека. Но иногда, под влиянием экстралингвистических факторов, валентные связи между денотатом и лексической единицей разрываются, антропоним «отправляется в самостоятельное плавание» превращается в апеллатив, т. е. в имя нарицательное, и может относиться уже к совершенно иному денотату, обозначать другого человека, понятие или явление. Такие процессы называются в лингвистике деонимизацией, а новые слова, появляющиеся в языке, – деонимами. Это явление знакомо практически всем носителям того или иного языка, с ним неоднократно можно столкнуться в художественной литературе и в повседневной жизни. Может быть, только не всегда, встречая такие слова, как *макинтош*, *маузер*, *хулиган*, *рентген*, *ом*, *дизель*, *максим*, *беремта*, *röntgen*, *morsen*, *lynchen*, *Thomist*, *Luthertum* носитель языка соотносит их с именами конкретных людей.

Следует отметить, что деонимизация – не редкое языковое явление. Известны случаи появления так называемых интернациональных деонимов с несколько измененным фонетическим составом. Подобный пример можно найти у А. А. Реформатского [3]. От имени римского императора Юлия Цезаря (*Caesar*) в немецком языке появилось слово *Kaiser* со значением «император», также новое слово в чешском языке (*císař*) с таким же значением, которое в старославянском преобразовалось в *кесарь*, или *цсарь*, и существует в современном русском языке в форме *царь*. Таким образом, слово «царь» представляет собой деоним, образованный от имени конкретного человека, исторической личности.

Анализ подобных примеров позволяет выделить четыре основных способа перехода онима, в нашем случае антропонима, в апеллатив. В первом случае антропоним становится прецедентным именем, например: «Ты теперь – просто Ломоносов!»; «Чем не второй Пушкин?»; «Куда ты нас завел, Иван Сусанин?» и др. Этот способ распространен в художественной литературе. В политическом дискурсе СМИ

прецедентность также встречается, однако выражена она иначе [6]. Во втором случае антропоним в неизменном виде переходит на обозначение нового денотата. Такой способ характерен преимущественно для научно-технического дискурса, когда имя изобретателя переходит на его изобретение или открытие, например, *дизель, рентген, герц, вольт, ом, Diesel, Junkers, Mauser* и т. д. В третьем случае антропоним претерпевает изменения, получая, как правило, суффикс, но сохраняя свою принадлежность к разряду имен существительных (*марксист, ленинец, гильотина, Marxismus, Sadismus, Kantianer*). И, наконец, антропоним становится новой словообразовательной основой для слов других частей речи – прилагательных, наречий, глаголов, например, *дизельный мотор, рентгеновский снимок, бойкотировать, пастеризовать, salomonisches Urteil, platonische Liebe, kafkaesk, schäubleweise, pasteurisieren, boykottieren*. На возможность межчастеречной трансформации онимов указывала еще в 70-х гг. прошлого века А. В. Суперанская [4]. По ее мнению, это является доказательством полной апеллиативации именных основ, что позволяет признавать наличие у имен собственных значения. Именно последние два способа являются типичными для политического дискурса СМИ Германии и России.

Следует отметить, что процессы деонимизации происходят в немецком и русском языках постоянно, однако их проявление не всегда бывает заметным. Новые слова появляются в языке постоянно, некоторые образуются в том числе и от имен конкретных людей. Но, как правило, такие новообразования относятся к окказионализмам, их актуальность бывает ограничена, поэтому они редко фиксируются в словарях. Некоторые исследователи отмечают, что наиболее активно деонимизация проявляется во времена идеологических, культурных или демократических преобразований в обществе, например в историческом дискурсе деоним «бионовщина» обозначает политические режимы, которые характеризуются преследованием критиков, разрывыванием богатств страны, атмосферой недоверия, повсеместным шпионажем, как во времена Э. И. фон Бирона [1]. В немецком языке массовое появление деонимов связывают с периодом Реформации, эпохой Просвещения, индустриальной революцией и т. д. [10]. Значительную активность процесса апеллиативации именных основ как в немецком, так и в русском языках можно отметить и в последнее десятилетие. Однако современный этап деонимизации существенно

отличается от предыдущих периодов. Ранее новые слова в языке были связаны с именами ученых и изобретателей, обозначали, как правило, технические новинки и оставались нейтральными. Сегодня популярностью пользуются государственные и политические деятели, появление новых слов связано с их неблагоприятными поступками, скандалами, абсурдными законодательными инициативами, поэтому все деонимы имеют явно выраженную негативную коннотацию. Отличным примером этого утверждения является немецкий глагол *guttenbergen* со значением «списывать», образованный от имени бывшего министра обороны ФРГ Карла Теодора цу Гуттенберга (Karl-Theodor zu Guttenberg). В 2009 г. министра обвинили в плагиате, в результате расследования этого инцидента он лишился титула доктора наук, к тому же этому молодому и перспективному политику пришлось уйти в отставку, оставив на память о себе новый глагол в немецком языке. Интересно подчеркнуть, что это был не единственный случай в Германии. В этом списке значатся также бывший депутат Европарламента от Свободной демократической партии Германии Сильвана Кох-Мерин и бывший министр образования Аннетте Шаван (ХДС). Однако первый обвинительный процесс, вызвавший такой резонанс в немецком обществе, был связан с именем Гуттенберга. Возможно, эта субъективная, а также объективная причина, связанная со структурой данного имени собственного, и привели к появлению деонима в немецком языке. Сегодня он занимает прочные позиции в молодежном сленге.

An manchen Schulen fragen sich die Schüler untereinander auf dem Pausenhof, ob sie bei Prüfungen „*guttenbergen* oder nicht *guttenbergen*“ (*tagesspiegel.de*, 13.03.2011).

В отличие от глагола *abschreiben*, также со значением «списывать», глагол *guttenbergen* обладает негативной коннотацией, т. е. не просто списать, а совершить что-то противозаконное, неприличное, то, что достойно осуждения, украсть чью-то интеллектуальную собственность.

В немецком языке значительную часть среди деонимов составляют именно глаголы, например, *abwaigeln*, *riestern*, *barscheln*, *schrödern*, *genschern*, *wulffen*, *stoibern*, *hartzen*, *adenauern*, *kohlen*, *köhlern*, *schmidten* и др. Встречаются также существительные (*Schröderismus*, *Kohlianer*, *Merkelisierung*), прилагательные (*westerwellisch reden*, *kohlisches Imperium*), наречия (*schäubleweise*), причастия (*merkelesiert*).

Наибольшее количество деонимов связано в современном немецком языке с именем действующего канцлера Ангелы Меркель. Она является ведущим политиком не только в своей стране и Европейском Союзе, но и на мировой арене. Всегда находится в центре внимания, любые ее поступки или слова молниеносно попадают на первые полосы различных изданий. Свое имя А. Меркель, урожденная Кеснер, получила от первого супруга, Ульриха Меркеля. Студенческий брак довольно быстро распался, но после развода будущий канцлер оставила себе фамилию Меркель, сохранив ее и в своем втором браке. И именно это имя принесло такую известность и послужило новой словообразовательной основой в немецком языке. Первым деонимом, появившимся в немецком дискурсивном пространстве, стал глагол *merkeln* в значении «отмалчиваться, ничего не предпринимать, затягивать принятие решений». Появление этого значения связано с событиями 2002 г. [5, с. 97]. Позже, когда в ЕС начался долговой кризис, и А. Меркель призывала страны-партнеры следовать примеру Германии и проводить курс жесткой экономии, что, конечно же, вызывало недовольство, у глагола появилось новое значение «устраивать нагоняй». В настоящее время деоним *merkeln* популярен в молодежном сленге в значении «косить под Меркель». В Интернете можно встретить достаточно случаев употребления этого глагола. Одним из самых удачных по нескольким причинам можно считать следующий пример:

In dieser Situation hat die Kanzlerin aufgehört zu *merkeln*. Sie wartet nicht mehr ab, zögert nicht mehr heraus, kalkuliert nicht mehr mit politischem Fingerhakeln und gesellschaftlichen Stimmungsentwicklungen. Merkel *schrödert*. Sie geht nach vorne, mutig, überzeugt und angriffslustig (*rp-online*, 7.03.2016).

Во-первых, в одном абзаце встречается сразу два деонима; вторых, второе и четвертое предложение описывают их значение.

На втором месте по частотности употребления находится глагол *merkalisieren* в значении «делать зависимым, подавлять, управлять авторитарно и прагматично».

Es ist der größte Wahnsinn, was momentan passiert, zum Glück gibt es noch Länder wie Polen, welche sich nicht *merkalisieren* lassen (*focus.de*, 19.01.2016).

Префиксальным способом образован еще целый ряд глаголов:

wegmerkeln – «не замечать чего-то реально существующего»;
aufmerkeln – «воспользоваться правом на демонстрации»;
ausmerkeln – «молниеносно исчезать»;
bemerkeln – «говорить о том, что и так понятно»;
übermerkeln – «одурачить»;
vermerkeln – «принимать сомнительные решения».

Встречаются также существительные:

das Merkeln – *dauerhaftes Merkeln* «отсутствие реакции на реформу здравоохранения» (*stupidedia.org*);
die Merkelisierung – «полное подчинение Меркель, одурманивание» – *Die Merkelisierung Deutschlands* (*rp-online.de*, 30.10.2014);
der Merkelianer – «сторонник Меркель» – *Insofern ist Steinmeier im Moment eher Merkelianer und nicht so nah beim SPD-Chef* (*spiegel.de*, 06.10.2015);
der Nicht-Merkelianer – «противник политики Меркель».

Цепочку деонимов расширяют и слова других частей речи, в частности наречия *merkelisiert*, *ausgemerkelt* и прилагательные *merkelsch* (*Merkelsch*), *merkeltreu*, *merkelfreundlich* (*Merkel-freundlich*), *merkelfeindlich*:

“Seid ihr alle *merkelisiert*?” empört sich ein italienischer Freund (*spiegel.de*, 05.08. 2012).

Wir sind in diese Situation hineingekommen und da hat uns die *merkelsche* Flüchtlingspolitik hineingebracht (*deutschlandfunk.de*, 03.03.2016).

Die NRW-CDU zeigt sich *merkelfreundlich* (*tagesschau.de*, 08.10.2015).

Und der Fakt, dass die Stimmung im Ausland fast schon *merkelfeindlich* geworden ist (*focus.de*, 01.04.2016).

О том, что подобные деонимы популярны не только в дискурсивном, но и в околодискурсивном пространстве, говорит факт их отбора для участия в конкурсе «Слово года», который ежегодно проводится в Германии. В 2009 г. «победителем» стал глагол *hartzten*, в 2011 г. – глагол *guttenbergen*, в 2015 г. – глагол *merkeln*.

В русском языке наблюдается иная ситуация. Во-первых, количество деонимов, встречающихся в дискурсе СМИ, немногочисленно. Это можно объяснить объективными и субъективными причинами. Прежде всего, структура имен собственных, их многосложность,

способы словообразования в русском языке не предоставляют широких возможностей для создания деонимов. Кроме того, в сознании носителей русского языка такие слова воспринимаются, скорее, как ненормативная лексика, употребление которой всегда ограничено. Поэтому и встречаются они преимущественно в сферах, имеющих отношение к дискурсу СМИ, но очень редко в самих текстах информационного содержания. Во-вторых, бóльшую часть деонимов составляют имена существительные. Они образованы при помощи суффикса *-инг* (вероятно, по образцу английского языка) или суффиксов *-овщ-* и *-ин-*. В качестве примера можно привести деоним *пехтинг* (от имени Владимира Пехтина, бывшего депутата от «Единой России»). Он обозначает процесс разоблачения российских чиновников, поиск на них компромата. Или, например, *мизулинг* (от имени Елены Мизулиной, депутата от «Справедливой России», автора и соавтора резонансных инициатив и законопроектов), который характеризует борьбу с гомосексуализмом и педофилией в искусстве, причем часто эта борьба носит абсурдный характер. В связи с предвыборными кампаниями последнего времени в Московском регионе появились такие неологизмы, как *собянинг* и *навальнинг*, которые образно обозначают встречи с избирателями действующего мэра Москвы С. Собянина и оппозиционного политика А. Навального или митинги сторонников этих политических деятелей. Лексическая единица *навальнинг* имеет еще одно значение: судебный иск в отношении А. Навального со стороны В. Пехтина, как ответ на *пехтинг*. Деоним *сердюковщина* обозначает коррупцию среди чиновников, злоупотребления с их стороны, безнаказанность; *жириновщина* символизирует суверенную демократию российского образца. Интересно, что популярностью пользуются у нас и зарубежные политики или знаменитости. Своими нелепыми высказываниями отличилась теперь уже бывший представитель Госдепартамента США Джен Псаки, что немедленно отразилось в языке и пополнило его новыми словами, такими как *псакинг* и *псаки*. Эти деонимы олицетворяют глупость, невежество, ложь, искажение фактов, цинизм и лицемерие при освещении происходящих в мире событий. А глагол *псакнуть* имеет даже два значения «сказать глупость с умным видом» и «нагло озвучить заведомо неправдивую информацию, солгать». Некоторое время назад у блогеров был популярен и глагол *депардировать* (по аналогии с глаголом «депортировать»),

после того как французский актер Жерар Депардьё получил российское гражданство. Однако он не имел негативной коннотации, лишь иронично указывая на неординарную ситуацию.

Несомненно, появление таких новообразований в политическом дискурсе СМИ обусловлено объективными причинами. Они позволяют журналистам образно, наглядно и в то же время кратко донести и информацию, и свое отношение к ней, оказать на получателя этой информации эмоциональное воздействие и повлиять на формирование общественного мнения. Довольно быстрое распространение деонимов в дискурсивном и околодискурсивном пространстве стало возможно благодаря развитию Интернета, который предоставляет пользователям практически неограниченные возможности поиска информации, а также систему обратной связи, когда читатель может оставить свой комментарий сразу после прочтения той или иной статьи.

Подобное языковое явление, безусловно, представляет материал для исследования, в том числе с лингвистической точки зрения. Встречая деонимы в текстах СМИ, необходимо понимать заложенный в них смысл и правильно его интерпретировать, как в нижеследующих случаях:

Merkels Migrationspolitik bezeichnete Trump als ein abschreckendes Beispiel (*krone.at*. 16.08.2016).

Denn nach wie vor hält die französische Regierung *die Merkel'sche Politik* der offenen Arme für falsch (*dradio*. 01.04.2016).

В обоих предложениях речь идет о миграционной политике канцлера Германии, но если в первом примере словосочетание *Merkels Migrationspolitik* сохраняет нейтральную коннотацию, во втором – автор, употребляя деоним *Merkel'sch*, явно демонстрирует отрицательное отношение, в частности правительства Франции, к этому политическому курсу. Можно также считать, что некоторые деонимы употребляются в дискурсе СМИ уже как термины, например, *Gen-scherismus*, *Hartz-IV*, *Hartz IV-Kinder*, *Hartz IV-Empfänger*, *Riester-Rente* и др. В 2015 г. в Германии вышла книга под названием «Wird Deutschland ausgemerkelt?», автор Урс Шпехт (Urs Specht). В октябре 2016 г. движение Пегиды организовало в Дрездене в День немецкого единства протестные демонстрации под девизом «Ausgemerkelt und ausgegaukelt». Всё это говорит об активности процессов деонимизации на современном этапе развития, в частности немецкого языка.

Особую сложность такие лексические единицы могут представлять для практики перевода, прежде всего потому, что они не фиксируются в словарях. В online-версии авторитетного словаря Duden объясняется значение только одного деонима – глагола *hertzen* [8]. В этом же словаре встречается пример *merkeltreu* [9]. Два деонима включены в двуязычный словарь молодежного сленга – глаголы *guttenbergen* и *hertzen* [7, с. 52; с. 54]. Нам встретилось только одно учебное пособие, в котором предлагается решение данной переводческой проблемы: «При передаче на другой язык необходимо ... с помощью таких приемов, как описательный перевод или компенсация (перевыражение смысла с помощью средств ПЯ для прагматической адаптации исходного текста из-за расхождения лингвосоциокультурного опыта реципиентов), передать деоним. При переводе деонимов необходимо обладать широкими экстралингвистическими знаниями, разбираться в актуальных общественно-политических событиях и в историческом контексте. Следует также обратить внимание на то, что при передаче деонима на другой язык происходит потеря экспрессивности, присущей этим лексическим единицам» [2, с. 282].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в политическом дискурсе СМИ главную роль играет текст информационного сообщения. Именно через текст журналист намерен донести информацию и оказать влияние на читателя, и именно с текстом взаимодействует получатель информации. Успех этих процессов зависит от успеха восприятия и декодирования текста. От адекватной интерпретации лексических единиц, с помощью которых автор создает текст информационного сообщения, зависит эффективность эмоционального воздействия на реципиента. Поэтому важно, чтобы такие тексты не были перегружены ни терминологически, ни экспрессивно. Очевидно, что при создании текстов СМИ важно учитывать также степень готовности всех участников коммуникации понять заложенный смысл, в том числе в таких неологизмах, как деонимы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глушак В. М. Взаимное восприятие русских и немцев от древности до наших дней // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры / Н. М. Осипова, Г. А. Савина, Ю. В. Щепанская. – М. : Архив Российской Академии Наук, 2012. – С. 22–31.

2. *Евтеев С. В.* Немецкий язык: практика перевода: учеб. пособие: уровни В2–С1 / С. В. Евтеев ; под ред. М. А. Чигашевой. – М. : МГИМО-Университет, 2016. – 289 с.
3. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 536 с.
4. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 1973. – 365 с.
5. *Чигашева М. А.* Проблемы эквивалентности перевода онимов с немецкого языка на русский // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 6. – С. 95–100.
6. *Чигашева М. А.* Прецедентные имена в политическом дискурсе СМИ Германии и проблема их перевода // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе = LSP Teaching and Specialized Translation Skills Training in Higher Education Institutions (LSP&STST): материалы ежегодной международной конференции. Москва, 6–8 апреля 2016 г. – М. : РУДН, 2016. – С. 89–94.
7. *Шевякова К. В., Чигашева М. А.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь сленга. Свыше 20000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений. С транскрипцией. – М. : Живой язык, 2015. – 224 с.
8. Duden. Online-Wörterbuch. – URL : <http://www.duden.de/rechtschreibung/hartzen>
9. Duden. Online-Wörterbuch. – URL : http://www.duden.de/rechtschreibung/_treu
10. *Wengeler M.* Schäubleweise, Schröderisierung und riestern. – 2010. – Bd. 1. – S. 79–98. – URL : <http://www.komparatistik-online.de>

УДК 82.091

А. Д. Жук

кандидат филологических наук, доцент,
каф. литературы МГЛУ; e-mail: alexanzhuk@mail.ru

ГИМН-ЭТЮД ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII–XIX вв.

Статья посвящена гимну-этюду как особой разновидности жанра гимна, представленной в двух национальных литературах в творчестве О. Барбье, Ш. Бодлера, П. Фора и С. Георге, и его эволюции. Отмечаются привнесение черт других жанров, появление более сложных жанровых разновидностей. Указываются особенности развития гимна-этюда во французской и немецкой литературе последней четверти XVIII – XIX вв.

Ключевые слова: гимн-эюд; одическое начало; мифологическое начало; идиллия; элегия; жанр.

A. D. Zhuk

Ph.D. (Philology), Associate Professor, the Literature Chair, MSLU;
e-mail: alexanzhuk@mail.ru

HYMN-SKETCH IN ENGLISH, FRENCH AND GERMAN LITERATURES IN 1775–1900

The article is devoted to hymn-sketch and its evolution. Zhuk researches texts of A. Barbier, Ch. Baudelaire, P. Fort and S. George. It's noticed that hymn-sketch has special features of its evolution in French and German literatures in 1775–1900. The article tells about an appearance of compound genre forms and a mixture of hymn with other genres.

Key words: hymn-sketch; odic features; mythological features; idyll; elegy; genre.

Гимн-эюд – новая жанровая разновидность, которая формирует-ся и получает развитие в период последней четверти XVIII–XIX вв. во французской и немецкой поэзии.

Первым примером гимна-этюда, возникающего раньше всего во Франции в смешанном виде – с чертами оды – является «Hymne à la

nuît» (1841) О. Барбье. Уже само название отсылает к немецкому романтизму, к «Гимнам к ночи» Новалиса. Но эта традиция переосмысливается Барбье в соответствии с французской: исчезает характерное для гимнов немецкого поэта религиозно-мистическое начало.

Барбье сохраняет свойственный гимну ассоциативный принцип построения. Но образы-ассоциации предельно зримы, а текст построен так, что одна картина сменяет другую. Ночь – это время, когда бесконечность миров (*l'infinité des mondes*) раскрывает всё свое величие (*Dévoile toutes ses splendeurs*), звезды на небе «прорастают» как цветы (*les étoiles profondes / Germent aux cieux comme des fleurs*), и небо становится подобно цветнику (*le ciel est un parterre*). В небесном саду блуждают алые отблески (*On voit maintes lueurs vermeilles / Errer au céleste jardin*) [5, с. 32]. Затем возникает картина восхода луны, подобной любящей сестре, под взглядом которой (*Sous les yeux d'une soeur aimante*) отдыхает (*repose*) земля. На смену ей приходит картина заката солнца и земли, плывущей в волнах мрака. Заканчивается гимн высказанным желанием поэта творить, подобно ночи (*Je dis: Mon âme, fais comme elle...* [там же, с. 35]).

В произведении Барбье остается характерное для романтизма восприятие ночи как времени, позволяющего увидеть то, что скрыто днем, проникнуть в некий духовный мир. Ночь связывается с бесконечностью, с творчеством, и в этом смысле Барбье также продолжает традиции немецких романтиков. Таким образом, всё стихотворение построено по гимническому принципу, но в то же время это построение имеет одну особенность: перед нами ряд своеобразных зарисовок, этюдов, ассоциативно связанных друг с другом.

Подобное явление нехарактерно для большинства гимнов, но впервые возникает именно в этом тексте, что свидетельствует о появлении новой жанровой разновидности – *гимна-этюда*. Во многом его возникновение именно во французской литературе объясняется присущим ей эстетическим восприятием мира, когда даже чувство воспринимается как некое *эстетическое явление*, как *своеобразная живописная картина*. Отсюда тяготение большинства французских авторов к зрительным образам и максимальное развитие классицизма с его интересом в первую очередь к форме и т. д. Может меняться представление о красоте, но главный принцип остается: произведение должно быть прекрасным с точки зрения формы. Важно определенное

эстетическое впечатление, а не чувство или событие, его вызвавшее. В этюде это начало становится основным и самоценным и начинает определять жанр. При этом именно живописность, зримость, картинность выходят на первый план.

На формальном уровне гимническое начало реализуется вполне традиционно – через использование повторов и восклицаний, придающих тексту особую эмоциональность:

*La nuit, l'infinité des mondes
Dévoile toutes splendeurs;
La nuit, les étoiles profondes
Germent aux cieux comme des fleurs... [5, с. 32].*

*Au fond du ciel, sous d'épais voiles
Cachez vos modestes clartés! [там же, с. 33].*

Одическое начало выражено через синтаксические конструкции с отношениями логической обусловленности со значением цели:

*Quel diamant est assez pur
Pour oser près d'elle reluire? [там же, с. 34].*

и через риторические вопросы:

*Qui pourrait disputer l'empire
A cette reine de l'azur [там же, с. 34].*

Таким образом, Барбье, опираясь на традицию немецкого романтизма, трансформирует ее и соединяет с французской, вследствие чего возникает новая жанровая разновидность гимна – **одический гимн-эюд**.

Дальнейшее развитие одический гимн-эюд получает во французской литературе в творчестве Ш. Бодлера и П. Фора, а в немецкой литературе – в гимнах С. Георге. Для всех последующих вариантов характерно выражение одического начала через использование синтаксических конструкций с отношениями логической обусловленности:

*De Satan ou de Dieu, qu'importe? Ange ou Sirène,
Qu'importe, si tu rends, – fe aux yeux de velours,
Rythme, parfum, leur... [5, с. 18].*

Respire, et rends à l'air, ton haleine, et que ton souffle chaud fasse embaumer des fleurs, respire pieusement en regardant le ciel, et que ton souffle humide étoile encor les herbes [7, с. 1232].

Zu dir geneigt die segnung zu vollbringen [8, с. 13].

Doch heut darf ihre weise nicht ihn rühren
 Weil er mit seinen geistern rede tauscht:
 Er hat den griffel der sich sträubt zu führen [8, с. 15].

В произведениях Бодлера гимническое начало оказывается настолько сильным, что вытесняет одическое, в результате чего появляется *гимн-этюд* в чистом виде. Эта тенденция наблюдается уже в «Hymne à la Beauté» (1857), где одическое начало еще сохраняется, но уже изменяется соотношение начал гимна-этюда и оды, прежде всего, увеличивается, по сравнению с гимном Барбье, количество зрительных образов-картин. Даже образ Красоты антропоморфен. Глаз Красоты содержит закат (*досл.* «запад» – *couchant*) и утреннюю зарю (*l'aurore*). На ее животе среди других брелочков танцует убийство:

Et le Meutre, parmi tes plus chères breloques,
 Sur ton ventre orgueilleux danse amoureusement [6, с. 18].

Ее рот – амфора (*ta bouche une amphore*). Ее улыбка (*souris*), взгляд (*oeil*) и нога (*pied*) открывают автору дверь в бесконечность (*m'ouvrent la porte / D'un Infini*), а за ее нижними юбками (*jupons*) следит, подобно собаке (*comme un chien*), судьба (*Le Destin*). И внешность, и действия Красоты создают антропоморфный образ божества, которому поклоняется автор, но божества, пришедшего неизвестно откуда и несущего добро и зло. В сферу прекрасного поэт включает убийство, как это было присуще эстетике английского романтизма [3, с. 145–146].

Красота, по Бодлеру, представляет собой единство противоположных начал, что проявляется и в ее воздействии. Так, она делает (*font*) героев (*le héros*) трусливыми (*lâche*) и ребенка (*l'enfant*) смелым (*curageux*), сеет радость и бедствия (*Tu sèmes au hasard la joie et les désastres*), проливает благодеяние и преступление (*Verse confusément le bienfait et le crime*). Подобное обилие антитез восходит к эпохе романтизма.

Происхождение красоты не имеет значения, как и то, связана она с божественным или дьявольским началом. Важно, что она делает мир для поэта менее безобразным (*moins hideux*), а мгновения – менее тяжелыми (*moins lourds*).

Как видно из приведенных примеров, и внешний облик, и действия Красоты описываются Бодлером предельно зримо, а сам гимн, подобно

гимну Барбье, строится как ряд сменяющихся картин, что приводит к необходимости классифицировать его как этюд, зарисовку.

Усиление собственно гимнического начала в стихотворении Бодлера, по сравнению с предыдущим текстом, проявляется в увеличении количества повторов, в том числе анафор, и параллелизмов. Так, дважды в сочетании с параллелизмом повторяется выражение *sors-tu*:

Viens-tu du ciel profond ou sors-tu de l'abime,
Ô Beaute? [6, с. 18]

и

Sors-tu du gouffre noir ou descends-tu des astres? [6, с. 18].

Всё это приводит к ослаблению одического начала, особенностью выражения которого является специфический характер вопросов, обращенных к Красоте и касающихся тайны ее происхождения. Формально они обращены к разуму слушателя, так как заставляют его пытаться найти ответы, но для самого поэта являются риторическими. Тем не менее появление в тексте вопросов способствует реализации в тексте рационального начала, свойственного оде.

Таким образом, в «*Hymne à la Beauté*» происходит изменение соотношения начал одического гимна-этюда, проявляющегося в *ослаблении одического и усилении начал гимна и этюда*.

Дальнейшее развитие эта жанровая разновидность получает сразу в двух литературах: во французской – у Поля Фора и в немецкой – у Стефана Георге. Во многом такой временной разрыв объясняется тем, что создание гимна так же, как и привнесение черт этюда, предполагает определенные особенности в мировоззрении. С одной стороны, это близость к романтизму и более поздним направлениям, развивающим подобные идеи, с другой – гимн требует от автора повышенной восприимчивости и эмоциональности. В период между названными произведениями для французской поэзии характерно сильное рациональное начало. Не случайно черты этюда в данный период будут проявляться не в гимне, а в оде [2].

В «*Hymne dans la nuit*» (1897) П. Фора в еще большей степени, чем у Барбье, соединяются традиции немецкой и французской литературы. Произведение написано ритмической прозой. Это не характерно для французской поэтической традиции, но вполне естественно для немецкой: достаточно вспомнить Новалиса и Гейне. К «*Hymnen an die*

Nacht» Новалиса так же, как в случае с Барбье, отсылает и название гимна. Связь с этой традицией неслучайна и задает весь характер произведения: это действительно гимн, т. е. поэтическое произведение, восхваляющее божество.

Религиозное отношение к миру проявляется в создании собственного божества, имеющего антропоморфный образ. У Богини Ночи лицо с темными глазами (*yeux sombres*) – «зеркалами сфер» (*les miroirs des sphères*), «источником, который очаровывает блеском своих берегов в своем беге» (*la source qui charme de reflets ses rives dans sa course*), в котором может плавать (*nager*) небо (*le ciel*) и могут появляться новые звезды (*des étoiles nouvelles*), если Богиня это позволит (в тексте *laisse*). Взгляд Ночи смешивается со звездами, чьи отблески горят в ее глазах (*Ecoute ton regard se mler aux étoiles, leurs reflets se heurter doucement dans tes yeux...* [7, с. 1232]), с ее собственным дыханием (*haleine*), заставляющем благоухать (*embaumer*) цветы. Ночь обладает вечной душой (*âme*), она может созерцать (*contempler*), вдыхать воздух (*respire et rends*) и т. п. В отличие от Бодлера, этот образ божества загадочен и таинствен. По своей недосказанности образ богини ночи напоминает аналогичное божество из гимнов Новалиса, где антропоморфность выражена еще сильнее. В силу связи с немецкой романтической традицией происходит усиление собственно гимнического начала, что проявляется в возвращении гимна к его исходной функции – восхвалять божество.

Стремление к зрительным образам проявляется у поэта и на лексическом уровне, чего не было у его предшественников. В тексте постоянно повторяются слова, лексическое значение которых связано со зрением: *contempler* (дважды); *yeux* (шесть раз в различных сочетаниях); *en regardant, vois* (дважды); *visibles, ton regard* (дважды) и т. д. Вместе с тем, обилие повторов не только усиливает присущее гимну эмоциональное начало, но и создает своеобразную ритмическую организацию текста, благодаря чему возникает особая переходная между прозой и поэзией форма, которую чаще всего называют «стихотворением в прозе». Однако, на наш взгляд, такое название весьма расплывчато и не дает представления о жанре.

В гимне Фора реализуется принцип, провозглашенный еще романтиками и поддержанный Бодлером и символистами, – принцип соответствий. В произведении соединяются, например, зрительный

образ и запах, зрительный образ и звук: *L'ombre, comme un parfum, s'exhale des montagnes...* («Тень, как аромат, изливается (на) горы») [7, с. 1232]; *écoute le chant bleu des étoiles en la rosée des mousses* («слушает песнь голубую звезд в росе мхов») [там же, с. 1232]. Один из образов – обязательно зрительный, т. е. реализуется, хотя и опосредованно, тот же самый принцип соответствий.

Всё вместе это создает образ идеального божественного мира, в который стремится герой и к которому принадлежит Богиня Ночи. В отличие от Барбье и Бодлера, и сами зрительные образы, и картины, возникающие в результате их использования, построены более сложно, тяготеют к символам и демонстрируют довольно широкие возможности развития, заложенные в жанре, в противовес классическому варианту гимна.

Ослаблению одического начала и усилению гимнического служит также уменьшение количества синтаксических конструкций с отношениями логической обусловленности и сравнений, по сравнению с Барбье и Бодлером: у Барбье – две целевые конструкции и семь сравнений, у Бодлера – две условные конструкции и два сравнения и у Фора – три конструкции (причем во всех логическое значение очень сильно ослаблено) и всего одно сравнение. Кроме того, отсутствуют характерные для Барбье и Бодлера риторические вопросы, подчеркивающие рациональное одическое начало.

Таким образом, в гимне Поля Фора одическое начало максимально ослаблено, в то время как начала этюда и гимна, напротив, значительно усилены.

Дальнейшее развитие одический гимн-этиюд получает в «Weihe» (1890) – первом стихотворении из цикла «Hymnen» немецкого поэта С. Георге, находившегося под сильным влиянием французской литературы. Георге сохраняет принцип построения, присущий гимну. Многочисленные яркие образы – высокие тростники (*die hohen rohre*)¹, развевающие свои знамена (*fahnen*), волн лъстивый хор (*junger wellen schmeichelchore*), празапах (*urduft*), песня эльфов (*das elfenlied*) и другие – связаны между собой ассоциативно и призваны воздействовать

¹ Здесь и далее в цитатах воспроизводятся особенности орфографии С. Георге, отличающейся от традиционной. Более подробно об этом см.: [4, с. 79].

на чувства слушателя. Большинство этих образов предельно зримы, а сами ассоциации представляют собой своеобразные картины.

Ряд образов обращен одновременно и к зрению, и к слуху:

Das auge schauend harre der erhörung [8, с. 12].

Siehst du im takt des strauches laub... [там же, с. 13].

С одной стороны, это объясняется принадлежностью Георге к символизму, которому присуще стремление к синтезу искусств. С другой – связано с соединением и развитием французской (Бодлер) и немецкой (Новалис) литературных традиций. Всё это приводит к появлению в произведении начала этюда, которое, вместе с тем, подчинено гимническому ассоциативному принципу построения. Оба начала тесно связаны друг с другом и проявляются друг через друга. Следствием становится выражение собственно гимнического начала, в основном на содержательном уровне, через эмоциональное воздействие образов.

Начало этюда тоже получает новые формы выражения. В отличие от гимнического, оно выражается не только на содержательном уровне, но и на формальном – через графику. Георге создает свои произведения особым шрифтом, разработанным для него художником¹. Очертания букв тяготеют к греческому языку. Заглавные буквы используются только в начале стихов или для выделения особо значимых слов, т. е. даже внешне текст превращается в некую гармоничную картину. Во многом это предсказывает конкретную поэзию XX в.

Кроме того, в немецком варианте появляются черты жанра, отсутствовавшего во французском, – **видения**, что связано с описанием явления некой загадочной госпожи (*die herrin*), которую обвиняют вуали лунных красок (*Mondfarbne gageschleier*), и чьи веки тяжелы от снов-мечтаний (*traumesschweren lider*). Эта госпожа мыслится и как возлюбленная, что сближает гимн Георге с предшествующей немецкой традицией, в частности с Новалисом, и поддерживается на лексическом уровне: *im kuss*; *Dem finger stützend deiner lippe nah* [8, с. 13]. Появление Госпожи сопровождается «празапах» (*urduft*), рассеивающий все остальные ароматы. Всё это также способствует реализации собственно гимнического начала и этюда в их тесной взаимосвязи.

¹ См. об этом более подробно: [4, с. 80–81].

Таким образом, у Георге складывается *одический гимн-этюд с чертами видения*.

Примером еще одной разновидности, возникающей у немецкого поэта, – **интимного одического гимна-этюда** может служить *Gespräch*. Единственное отличие – отсутствие черт видения и **интимный** характер гимна. Гимн мыслился всегда как жанр *ораторский*, иногда *вокальный*, но обязательно *публичный*. У Георге жанр служит для передачи *личных* переживаний автора. Это проявляется в изменении характера образов. Так, герой выражает желание «купать» адресата в «шелковых простынях» и стать ему покорным на тяжелом пурпуре:

Ich würde dich in seidenwellen baden
Auf schwerem purpur freudig dir zu willen [8, с. 43].

Тем самым у Георге меняется само представление о гимне, который превращается в интимное стихотворение. Слово «гимн» теперь воспринимается, скорее, как указание на возвышенный характер текста, на особенно сильную эмоциональность, на яркость и красочность образов. В остальном способы выражения одического и гимнического начал, как и начала этюда, совпадают с характерными для *Weihe*. То же самое можно сказать и о других гимнах С. Георге, поэтому в дальнейшем мы будем обращать внимание только на особенности, отличающие одну разновидность одического гимна-этюда от другой.

Особенностями одических гимнов-этюдов «Der Infant» и «Die kohle glüht, mit dem erkornen rauche...» является рационально организованная форма, способствующая выражению одического начала: первый состоит из двух шестистроочных строф, где рифмуются 1-й и 5-й, 2-й и 6-й, 3-й и 4-й стихи, и одного катрена между ними с перекрестной рифмовкой; второй состоит из двух катренов с перекрестной рифмовкой и двух терцетов, в которых первые два стиха рифмуются попарно, а третьи соединены общей рифмой. Как шестнадцатистроочная форма, так и французский вариант сонета, на который ориентируется немецкий поэт, способствуют реализации рационального одического начала на уровне формы.

Необычно и выражение гимнического начала в «Die kohle glüht, mit dem erkornen rauche...». Содержанием гимна и предметом восхваления оказывается *бытовая зарисовка*: горящий камин с пылающими углями (*Die kohle glüht*) и шипящим чугуном (*der guss verfliegt und*

zischt), пылающие на люстре свечи (*Lass auf dem lüster viele kerzen flammen...* [8, с. 26]), что возводит гимн к немецкой традиции бидермайера¹, для которого характерны подобные описания. Но эта бытовая зарисовка возвышается за счет появления образов, восходящих к религиозной традиции. Так, уже упоминавшиеся свечи пылают, «как в священном соборе» (*wie in heiligem dom*), а самого адресата автор просит бросить новые зерна на жертвенную чашу (*Wirf neue körner auf die opferschale!* [8, с. 26]). Этот прием приводит к тому, что обычные человеческие чувства возводятся до уровня религиозных, что и способствует выражению гимнического начала. В результате меняется объект восхваления гимна и содержательное наполнение этюда. К этому типу принадлежит также гимн Георге «Ein Angelico», посвященный итальянскому художнику эпохи Возрождения Фра Беато Анжелико.

Гимн-этиюд в «чистом» виде возникает из одического гимна-этиюда путем постепенного *ослабления* и, в конце концов, полного *исчезновения* одического начала за счет усиления собственно гимнического. Первым подобным примером становится «Hymne» (1854) Бодлера из сборника «Les Épreuves», раздел «Galanteries». Причем в творчестве самого Бодлера этот вариант жанра возникает раньше одического, т. е. в рамках творчества автора эволюция идет по принципу усложнения формы, в отличие от эволюции жанра во французской поэзии, где ему предшествует одический гимн Барбье.

В отличие от предшествующей традиции, в названии не указан адресат гимна, что уже само по себе необычно. Но мы знаем, что рукопись этого стихотворения была отправлена поэтом мадам Сабатье 8 мая 1854 г. вместе с письмом Бодлера². Поэт передает свои впечатления от встречи с возлюбленной, которая была для него воплощением прекрасной и возвышенной любви.

Произведение построено по чисто гимническому принципу и представляет собой ряд ассоциаций, вызываемых появлением Сабатье. Героиня называется «очень дорогой» (*très chère*), «очень прекрасной» (*très belle*), «ангелом» (*l'ange*), «идолом бессмертным» (*l'idoll immortelle*). Она появляется в жизни лирического героя, подобно воздуху, пропитанному солью, и проливает в его неутоленную душу вкус вечного.

¹ См. о бидермайере в литературе [1].

² См. об этом более подробно: [2, с. 958].

Запах ее духов напоминает поэту «кадило забытое, которое дымитя втайне наперекор ночи»:

Encensoir oublié qui fume
En secret à travers la nuit [8, с. 111].

Бодлер уподобляет любовь зерну мускуса, лежащему невидимым на дне вечности:

Grain de musc qui gît invisible,
Au fond de mon éternité! [8, с. 112].

Мы не видим реальной Аполлонии Сабатье, мы ничего не знаем о переживании самого Бодлера, но при этом текст построен так, что мы понимаем: эта женщина прекрасна, ибо она вызывает восхищение, и с ней ассоциируется представление автора о красоте.

На формальном уровне гимническое начало поддерживается кольцевой композицией с повторением первого, третьего и четвертого стихов, внутри которых также есть повторы. Ср.:

À la très chère, à la très belle
Qui remplit mon coeur de clarté,
À l'ange, à l'idoll immortelle,
Salut en l'immortalité! [8, с. 111]

и

À la très bonne, à la très belle
Qui fait ma joie et ma santé,
À l'ange, à l'idoll immortelle,
Salut en l'immortalité! [8, с. 112].

В обоих случаях повтор сочетается с параллелизмом.

Гимническое начало оказывается настолько сильным, что даже обычно рациональное по своей природе сравнение теряет свой рациональный характер и благодаря входящим в его состав образам усиливает эмоциональное начало присущее гимну:

Elle se répand dans ma vie
Comme un air imprégné de sel... [8, с. 111].

В то же время неслучайно Бодлер не указывает в названии адресата стихотворения. С одной стороны, это можно объяснить нежеланием поэта компрометировать мадам Сабатье. Но есть и другая причина:

для Бодлера конкретный адресат по сути дела не имеет особого значения, как, впрочем, и само чувство. Важно не восхваление А. Сабатье, не любовь поэта к ней, а *эстетическое переживание* этого чувства. С одной стороны, у Бодлера складывается, наконец, «чистый» канон гимна, с другой – сам этот канон принципиально отличается от того, который существовал в германских литературах: это гимн-этиюд, представляющий серию своеобразных зарисовок, что во многом предсказывает импрессионизм, который получит наиболее сильное развитие именно во Франции.

Под влиянием французской литературы гимн-этиюд в «чистом» виде, как и предыдущий вариант, появится в стихотворении С. Георге «Hochsommer» (1890), где на первое место выходит именно начало этиюда. Но если у Бодлера еще сохранялось хвалебное начало, то у Георге меняется само представление о жанре.

Текст строится по принципу этиюда и представляет ряд картин, сменяющих друг друга: дамы и кавалеры на балконах, молчащие литавры, всадники, гондола. Все эти образы связаны ассоциативно, т. е. по гимническому принципу. Восхваление как таковое из гимна уходит. Но остается возвышенность образов, проявляющаяся на лексическом уровне: *unter prangenden platanen; die stolzen Schönen; Fröhliche galante leere / Feindlich trübem tatenmeere; Weise schlaffheit* и т. д. К гимнической традиции восходит и стремление воздействовать на чувства читателя, но теперь не столько через звучание, сколько через зрение, т. е. этиюд начинает служить гимнической цели. Восхищение становится более сдержанным и выражается не столько через восклицания и повторы, сколько на лексическом и образном уровне. Тем самым в варианте гимна-этиюда у Георге оба начала тесно связаны друг с другом.

Наряду с уже рассмотренными вариантами, у немецкого поэта появляется также *гимн-этиюд с элегическим началом* (или *элегический гимн-этиюд*), *гимн-этиюд с чертами идиллии* (или *идиллический гимн-этиюд*), *мифологический гимн-этиюд*, *гимн-этиюд с чертами фрагмента*. Наиболее распространен первый вариант: к нему принадлежат гимны «Nachmittag», «Von einer begegnung», «Ein hingang», «Nachthymne», «Die garten schliessen». Все эти произведения построены по принципу *этиюда* в сочетании с *гимническим началом*: все представляют собой ряд сменяющих друг друга картин, связанных

ассоциативно. Это могут быть палящие лучи (*Sengende strahlen*), безмолвные зубцы (*stummen zinnen*) и мертвые балконы (*toten balkonen*), на белой щеке белого виска бархат (*Auf weisser wange weisser schl'fe sammt* [8, с. 22]), и тому подобные образы. Все они предельно зримы.

Зрительный характер образов подчеркивается использованием цвета. Это серый, желтый, зеленый, голубой, белый. Первые два цвета символизируют увядание и смерть. Отсюда образы серых буков, протягивающих руки вдоль морского берега в гимне «*Ein hingang*», серых листьев, кружащихся по могилам в «*Die garten schliessen*» (*Graue blätter wirbeln nach den gruften* [8, с. 48]). Желтый цвет вытесняет зеленый – цвет жизни: *Dem gelben saatzfeld grüne wiesen weichen* [8, с. 30]. Белый – одновременно цвет чистоты и цвет траура. Даже голубой цвет связан со смертью, ибо это цвет пространства, в которое устремлен взгляд умершего поэта («*Ein hingang*»). Всё это привносит в гимн элегическое начало.

Этой же цели служат образы с семой неподвижности, безмолвия и тому подобные: *Längs den palästen starb; stummen zinnen und toten balkonen; Die langen mauerwälle starr dastehn; Grauen wirbeln nach den grufen* и т. д. В «*Ein hingang*» со смертью связаны название и сюжет стихотворения, рассказывающего о смерти молодого поэта. Для самого поэта переход из одного мира в другой незаметен, что сближает гимн Георге с гимнами Новалиса.

К Новалису отсылает и «*Nachthymne*». У обоих поэтов ночь мыслится как время смерти и перехода в другой мир и связана со сном-мечтой и с любовью. Но, в отличие от Новалиса, в тексте Георге появляется игровое начало, приходящее в гимн из французской традиции и из анакреонтики и поддерживающееся соответствующими образами: героя ранит краткое сверкание из ресницы сорванной:

Geruhe du nur dass ein kurzer schimmer
Aus deiner wimper brechend mich versehre... [8, с. 33].

Даже сама смерть связана с игрой: герой хочет умереть подобно мотыльку (*wie ein abendfalter*). Тем самым в произведении сочетаются черты гимна-этюда, элегии и анакреонтической оды, а в остальных – гимна-этюда и элегии.

Идиллический гимн-эюд представлен в творчестве С. Георге такими текстами, как «*Im park*», «*Den blauen atlas in dem lagerzelt...*»,

«Einladung», «Strand», «Auf der terrasse». Начала гимна и этюда выражаются в них так же, как в других произведениях Георге. Единственное отличие – появление черт *идиллии*. При этом идиллический хронотоп претерпевает сильные изменения. Это не обязательно сельский пейзаж. В первом из названных гимнов возникает своеобразная городская идиллия: фонтаны украшены перлами рубинов («Rubinen perlen schmücken die fontänen»), поэт мечтает в просторном тенистом зале («in dem weiten schattensaal»). Во втором в качестве идиллического хронотопа выступает восточный колорит: голубой атлас шатра («Den blauen atlas in dem lagerzelt»), малахитовые и алебастровые кувшины («Die malachit- und alabasterkrüge»), висячая медная ваза («eine kupferampel»), складки широкого бурнуса («eines weiten burnus falten»).

В то же время традиционный идиллический хронотоп передает через довольно необычные для идиллии образы: ковра шелково-зеленые пряди (*In eines teppichs seidengrünen stränen* [«Im park», 8, с. 14]); холмы, сыпящие гладкий ливень из небесно-зеленого стекла (*Die hügel vor die breite brüstung schütten / Den glatten guss von himmelgrünem glase...* [«Auf der terrasse», 8, с. 40]) и т. п. Все эти образы передают восторженное, эмоциональное отношение автора, т. е. способствуют реализации гимнического начала. Происходит соединение идиллического и гимнического начала в пределах одного образа. В этом так же, как и в привнесении черт этюда, отличие Георге от предшествующей традиции.

Связь идиллического начала с жизнью проявляется также в многочисленных образах с семой движения, изменения. Это может быть и бег на холм (*Erklimmen im lauf wir den hügel!* [8, с. 18]), как в «Einladung», и течение как воды, так и тела (*Und fließt dein leib dahin...* [8, с. 35]) в «Strand», и т. д. Связь жизни с движением характерна для всех мифологий. Вновь происходит сочетание идиллического начала с гимническим, для которого характерны подобные образы.

В гимне «Im park» черты одического гимна-этюда соединяются с идиллическими. Выражению рационального одического начала способствует рационально организованная строфика: гимн написан терцинами. Терцины не характерны для оды и восходят к «Божественной комедии» Данте, но само рациональное начало, выражающееся в их использовании и сознательном выборе, связано с жанром оды. Кроме

того, отсылка к Данте также придает тексту возвышенный характер, присущий жанру гимна. Тем же целям служит и форма сонета в гимне «Den blauen atlas in dem lagerzelt...».

В отличие от предыдущих вариантов гимна-этюда, мифологический гимн-эюд и гимн-эюд с чертами фрагмента ориентированы в большей степени на немецкую литературную традицию, чем на французскую, и прежде всего на немецкий романтизм. Первый вариант возникает в стихотворении Георге «Verwandlungen» и представляет собой синтез особенностей гимна-этюда и мифологического гимна. Но, в отличие от романтиков, у Георге происходит мифологизация исключительно человеческого бытия, а содержанием мифа становится человеческая жизнь как цепь превращений. Сам принцип метаморфоз – один из древнейших мифологических принципов. Достаточно вспомнить Овидия, восточные учения. В этом смысле поэт следует традиции большинства древних мифологий.

Необычно движение времени в гимне: сначала вечер, потом день и затем ночь. Это тоже мифологическое время, но ориентированное на ветхозаветную и христианскую, а не на языческую традицию. Ср.: «И был вечер, и было утро: день первый» (Быт. 1:5). Соответственно к данной традиции восходит восприятие вечера как начала жизни.

У Георге символика утра – дня – вечера поддерживается на образном уровне через описания, характерные для этюда и связанные между собой по гимническому ассоциативному принципу. Так, в тексте возникает обращенный к зрению читателя образ повозки (*wagen*), меняющей свой цвет: вечером она золотая (*Auf einem goldenen wagen*), днем – серебряная (*Auf einem silbernen wagen*), ночью – стальная (*Auf einem stählernen wagen*). Эти образы восходят к традиционным, начиная с Гесиода, представлениям о золотом и серебряном веке как идеальном времени. В то же время образ стальной повозки не совсем соответствует этой традиции, где на смену предшествующим векам приходят медный и железный. Но сталь выполняет ту же самую функцию, особенно если учесть четкую ассоциативную связь этого металла в европейской литературной традиции с оружием. В этом смысле сталь вполне соответствует символике Ночи как времени смерти. Символичен и сам образ повозки, которая может трактоваться и как повозка смерти, и как колесница бога солнца, и как движение времени.

Последнее значение поддерживается на образном уровне. Вечеру соответствуют образы, передающие состояние гармонии: *leise klänge sich regen; perlgraue flügel; Mit mildem lächeln / Und linderndem hauche!* [8, с. 28]. День связан с образами моря и корабля, традиционно соотносимыми с течением жизни человека и в то же время являющимися символами постоянного изменения, движения, разрушения первоначальной гармонии: *Unter den masten auf rüstig furchendem kiele* [8, с. 29]; *der wasser und strahlen schimmerndem spiele; schaumgewinde dich fächeln* и т. д. С наступлением ночи гармония разрушается полностью: солнце пропадает без вести (*die sonne verschollen*), грохочут бушующие волны (*die brausenden wogen grollen*) и катятся глухие грозы (*dumpfe gewitter rollen*), на смену которым приходит картина, изображающая извержение вулкана. Возникают апокалиптические мотивы. Речь идет о происходящем после ликующей смерти (*nach jauchzendem tode*). Тема смерти поддерживается и задаваемым уже в начале гимна символическим движением вниз, на что указывает постоянное повторение глагола *herniedertauche*. Вместе с тем, значение этого глагола подчеркивает, наряду с образом моря, тему превращения, перехода из одного состояния в другое.

Жизнь человека предстает как ряд метаморфоз в создаваемом поэтом мифе. При этом мифологическое начало тесно связано с гимническим, проявляющемся в тексте и на уровне композиции, в основе которой лежит параллелизм: все три шестистрочных строфы начинаются со сходных фраз. Ср.: «Auf einem goldenen wagen»; «Auf einem silbernen wagen» и «Auf einem stählernen wagen».

Эти приемы, с одной стороны, способствуют усилению эмоционального начала, присущего жанру гимна, а с другой – на символическом уровне передают характерную особенность мифа – цикличность, подчеркивающую закономерность и повторяемость периодов человеческого бытия.

Еще одна разновидность гимна-этюда, возникающая в творчестве С. Георге, ориентирована на немецкую традицию жанра фрагмента, сложившегося в период романтизма. В основе романтического фрагмента лежало философское представление о недостижимости и непознаваемости идеала. У Георге гимн-эюд «Rückblick» тоже производит впечатление фрагментарности. Но в его основе лежит иной принцип, нежели у предшествующих авторов. Это «взгляд»,

фиксирующий образы-картины, – всё, что происходит вокруг героя, а может быть и в его сознании, ибо четкой границы между сознанием и окружающим миром у поэта нет. Отсюда обрывочность, фрагментарность образов. Показательно частое использование поэтом тире, когда ассоциативная связь между образами, характерная для жанра гимна, становится настолько сильной, что традиционное построение предложения начинает восприниматься как некая помеха:

 Noch einmal ahn ich hinterm vorhang – nachtgewirkte nebelfahne –
 Und den platanenästen – selsam ins geweb geprägte plane... [8, с. 38].

Фактически гимн Георге предсказывает на формальном уровне литературу потока сознания. Неслучайно появление этих особенностей именно у автора, находящегося под сильным влиянием французской литературы, где и произойдет подобное открытие.

Георге сохраняет начала гимна и этюда. Последнее связано с чередой зрительных образов-картин: это и ночью сотканное туманное знамя (*nachtgewirkte*), и ветви платанов (*platanenästen*), и погруженные в смолу и цветочную росу пруд и садовое царство Тира (*Die Tyrus teich und gartenreich getaucht in teer und blumentau* [8, с. 39]), и тому подобные образы. Но изменяется само представление о гимне, когда жанр перестает быть хвалебным, а само слово воспринимается как указание на возвышенный характер произведения.

Таким образом, сложившись во французской литературе в творчестве Бодлера, гимн-эюд получает дальнейшее развитие в гимне Поля Фора и в немецкой поэзии, в гимнах Георге, где исчерпываются все возможности традиционного развития гимна и меняется представление о жанре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гугнин А. А. Немецкая литература XIX века: от романтизма до бидермайера : статьи, переводы, комментарии. – Вып. 1. – Новополюцк–Москва, [б.и.], 2002. – 240 с.
2. Жук А. Д. Трансформация жанра оды в английской, немецкой и французской литературах последней четверти XVIII века и в XIX веке. – М. : Флинта-Наука, 2013. – 288 с.
3. Коровин А. В., Храповицкая Г. Н. История зарубежной литературы: западноевропейский и американский романтизм. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 432 с.

4. *Arbogast H.* Die Erneuerung der deutschen Dichtersprache in den Frühwerken Stefan Georges. Eine stilgeschichtliche Untersuchung. – Köln – Graz : Böhlau Verlag, 1967. – 175 S.
5. *Barbier A.* Chants civils et religieux par Auguste Barbier. – Paris : Masgana, 1843. – 248 p.
6. *Baudelaire Ch.* Œuvres complètes. – Paris : Editions Robert Laffont S.A., 1996. – 1015 p.
7. *Delvaille B.* Mille et cent ans de Poésie Française. De la séquence de Saint Eulalie à Jean Genet. – Paris : Robert Laffont, 1991. – 1929 p.
8. *George S.* Gesamt-Ausgabe Der Werke. Endgültige Fassung: ersch. bei Georg Bondi. – Bd. 2. Hymnen. Pielgefahrten. Algabal / S. George. – Berlin : Bondi, 1928. – 141 S.
9. Novalis Werke Herausgegeben und kommentiert von Gerhard Schulz. – München : Verlag C. H. Beck, 2001. – 879 S.

УДК 81'42

Е. Ф. Косиченко

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: ekosichenko@gmail.com

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОНОМАСТИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В статье речь идет о том, что способность используемых в художественных текстах имен собственных создавать стилистический эффект и участвовать в реализации идейного содержания произведения зависит от тех коннотативно-оценочных значений, которые имена собственные приобретают в языке на основе соответствующих концептов. Анализ англоязычных художественных текстов позволяет раскрыть стилистический потенциал онимов.

Ключевые слова: имя собственное; ономастический концепт; художественный текст; стилистический прием; структурообразование.

E. F. Kosichenko

Ph.D., Head of the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: ekosichenko@gmail.com

THE STYLISTIC POTENTIAL OF LITERARY NAMES IN TERMS OF ONOMASTIC CONCEPTUALIZATION

The article develops the idea that onomastic concepts not only determine the meanings of proper names in language but also underlie their stylistic properties in texts of fiction and condition their significance as means of conveying the author's message. An analysis of examples from English prose reveals the stylistic potential of personal names.

Key words: personal name; onomastic concept; fiction text; stylistic device; structure formation.

Необходимость изучения проблемы концептуализации знания ономастическими средствами языка обусловлена особой значимостью имен в жизни общества и каждого отдельного человека. По некоторым данным, корпус имен собственных, знакомых человеку, значительно превышает по объему корпус имен нарицательных. Так, число собственных имен в русском общеупотребительном литературном языке составляет около 200 тыс. слов, а с учетом всех возможных образований оно доходит до 200 млн [3, с. 5]. Данная статистика

позволяет высказать предположение о том, что мир представлен в сознании человека отчасти как сложная система имен и отношений между ними, что не может не найти отражение во всех сферах творческой активности человека, и главным образом, в литературе.

В нашей научной литературе ономастический концепт трактуется как универсальный способ хранения и передачи ономастической информации, при помощи которой осознается и структурируется полученное знание, а также как особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных [5].

В статье ономастические концепты понимаются, с одной стороны, как структуры знания, содержащие информацию о происхождении имен, о специфике их использования в языке, об известных носителях имен, и определяющие семантику имен собственных в языке; с другой – как средства построения художественного текста, участвующие в его жанрово-стилистической, пространственно-временной и идейной организации. Это означает, что использование имени собственного в художественном тексте обусловлено целым рядом факторов: содержанием соответствующего ономастического концепта, тем как данный концепт представлен в сознании автора, а также законами построения произведения художественной литературы.

К стилистическому аспекту использования имен собственных в художественном тексте обращались многие отечественные и зарубежные ученые [2; 4; 6; 7; 10; 13]. Задачей данной статьи является максимально полно раскрыть стилистический потенциал используемых в художественной литературе имен собственных, а также продемонстрировать, каким образом ономастические концепты, понимаемые как структуры знания, включены в стилистическую организацию произведения художественной литературы, а в ряде случаев также в реализацию его идейного содержания.

В этой связи важно отметить, что в художественной литературе номинативные процессы осуществляются преимущественно в соответствии с правилами, действующими в живом языке. Независимо от того, идет ли речь об именах персонажей или об использовании прецедентных имен, фикциональный мир литературного произведения в значительной степени отражает характерные для языка и культуры правила образования имен и их употребления. Это также означает, что способность онимов выполнять стилистическую функцию

в художественном тексте зависит не только от структуры текста и авторского мировидения, но также от тех коннотативных значений, которые имена собственные формируют на основе соответствующих ономастических концептов.

Наиболее явно данная зависимость проявляется в использовании широко распространенных имен со сниженной коннотацией, как *Смит* или *Браун*. Привлечение такого рода «простых» имен создает в художественном тексте эффект реалистичности и одновременно относит объект именованного к ряду неприметных людей, или людей, стремящихся стать таковыми, например с целью что-либо скрыть. В приводимом ниже отрывке речь идет о девочке-найденнице, которой в приюте была присвоена широко распространенная фамилия *Smith*, коннотированная как простая фамилия, в отличие от узнаваемых в англоязычной среде *Piotrovska* или *Barrington*, принадлежавших ее родителям:

‘It seems the local authority has placed *Jessica Smith* –
‘Smith?’ said Emma. ‘Why not *Piotrovska*, or even
Barrington?’
‘Too easy to trace would be my bet...’ [9, с. 29].

В этой же книге есть эпизод, где мужчина и женщина, не желая быть узнаваемыми, зарегистрировались в гостинице под фамилией *Brown* – одной из самых распространенных фамилий в англоговорящих странах:

On their arrival at the hotel, Giles checked in, registering as *Mr and Mrs Brown*. ‘Room thirty-one, sir,’ said the receptionist. He looked as if he was about to wink, but only smiled and said, ‘Have a good night, sir’ [9, с. 162].

Отражая правила использования имен собственных в языке, художественный текст также выводит на поверхность их способность реализовываться в определенных синтаксических позициях свой стилистический потенциал. Наиболее распространенным стилистическим приемом, основанным на использовании имен собственных, как в языке, так и в художественном тексте, является *антономазия*. Как правило, для создания данного приема привлекаются библеизмы, мифонимы или другие имена собственные прецедентного характера, за каждым из которых в языке и культуре стоит ономастический концепт. При этом наряду с ядерными могут реализовываться и периферийные

значения, конкретизирующие основное значение онима. Сравним два примера, в которых использование имени *Иуда* в его основном значении «предатель» конкретизируется значением «поцелуй как предвестник предательства» (пример 1) и значением «предательство за деньги» (пример 2):

1. 'Hello, Mark.' *She kissed him gently on the cheek. Judas showing the Pharisees which one was to be killed?* [8, с. 206].
2. '**He is a sort of Judas,**' he said softly and reluctantly. '*He didn't seem to be a man with money,*' she said [18, с. 52].

Далее обратимся к случаям функционирования художественных онимов в качестве *эпитетов*. В стилистике эпитетом называют средство создания поэтического образа, основанного на использовании определения к некоторому слову. Случаи, когда функцию эпитета выполняет имя собственное, также многочисленны, как и случаи антономазии, поскольку в английском языке имя собственное свободно занимает в предложении позицию определения. Как правило, оним используется в его основной форме, но может иметь форму производного слова, что хорошо видно из примеров 3 и 4. Отметим, что если в примере 3 реализуется ситуативная характеристика персонажа как человека в чем-то усомнившегося, то эпитет *Elizabethan* из примера 4 выполняет роль средства создания художественного образа и реализации идейного содержания произведения. Значение слова *Elizabethan* определяется знанием о том, что королева Елизавета I благоволила к поэту и государственному деятелю Ф. Сидни, который посвящал ей сонеты:

3. 'But the problem has arisen,' he added, ignoring his friend's *Doubling Thomas look* [9, с. 292].
4. It was a pity that her spelling was so bad, but perhaps there was *something Elizabethan* about her spelling as well as about her name. *She was probably looking for a Philipp Sidney*, and so far she has only found a Davis [16, с. 40].

Ономастические средства языка могут составлять основу стилистических приемов, основанных на контрастах, противоречиях и оппозициях, т. е. выступать в роли средств создания *антитезы* и *оксюморона*. Распознавание антитезы и оксюморона возможно благодаря

соотнесению каждого имени с некоторым значением и их противопоставлению. Как правило, данные приемы играют важную роль в создании художественного образа и в смыслоформировании, поскольку выводят на поверхность противоречивость натуры персонажей, реализуют идею внутренней борьбы, одиночества.

В книге Г. Грина «Третий человек» [17] важную роль в создании художественного образа играют как имя главного героя *Rollo* (от *англ.* «катиться»), так и его фамилия *Martins* (от имени бога войны Марса), которые противопоставлены друг другу на протяжении всего повествования. Данные имя и фамилия принадлежат писателю, автору серии популярных вестернов, который приехал в послевоенную Австрию из Англии по приглашению школьного друга и оказался вовлеченным в расследование причин его внезапной кончины. По мере того как в процессе расследования всплывает неприятная правда о друге, растет и драматизм описываемых событий, в том числе, за счет усиления контраста между двумя оными. Приведем только несколько примеров того, как противопоставление имени и фамилии персонажа эксплицируют его внутренний конфликт:

5. *There was always a contrast in Rollo Martins – between the absurd Christian name and the sturdy Dutch (four generations back) surname. Rollo looked at every woman that passed, and Martins renounced them for ever. <...> Rollo wanted to hit out, but Martins was steady, careful. Martins, I began to realize was dangerous* [17, с. 10; 17].

Наряду с именем и фамилией, главный персонаж, будучи писателем, имеет еще и псевдоним *Buck Dexter* (от *англ.* доллар и *лат.* право), который противопоставляется как личному имени, так и фамилии (пример 6):

6. He told me later that it occurred to him that Lime might have engaged a room for him in that name because perhaps *it was Buck Dexter and not Rollo Martins* who was to be used for propaganda purposes [17, с. 20].

Стилистический прием оксюморона может выстраиваться на основе более специального знания, например знания этимологии имени собственного. Так, образ Сары Фитч, героини произведения И. Бэнкса «Шаги по стеклу» [12], создается на противопоставлении этимологии личного имени и внутренней формы фамилии. Имя *Sara* означает «благородная», что соотносится с внешним обликом

девушки, в то время как фамилия Фитч, мотивированная апеллятивом *fitch* в значении «хорек» соответствует ее внутреннему содержанию, низость которого она осознает. Данное противоречие хорошо просматривается в примерах 7 и 8:

7. She was slim, quite tall. Her hair was black and thick and looked tangled, as though she had just got out of bed and not brushed it. Her face, all her exposed skin was white [12, с. 67].
8. ‘Yes, I know,’ Sara said, sighing artificially, ‘it was pretty dirty, I know. Terribly unfair. But then who gets what they deserve, hmm?’ [12, с. 284].

Стилистическим приемом, часто сопутствующим использованию антитезы и оксюморонов, является *ирония*, по сути, представляющая собой образное средство отрицания действительности как способ создания эффекта парадокса. В качестве примера рассмотрим имя *Sir Henry Merriman*, принадлежащее юристу из произведения Г. Грина «Человек внутри» [18]. Имя *Merriman* имеет выраженную внутреннюю форму и соответствует русскому «весельчак», что вступает в противоречие с образом хмурого человека и вносит в текст иронические нотки. Привлечение данного онима в тексте способствует созданию стилистического эффекта и одновременно демонстрирует характерную для языка тенденцию присвоения прозвищ на основе некоторой, часто непривлекательной, характеристики.

9. A tall thin man *with a sharp pointed face* sat at a table laid for dinner. He had been at most picking at the food, for he raised, not from his plate, but from a stack of papers beside it a pair of *dark, tired eyes*. ... “Will you come and sit down here, Mr Absalom?” *the man with the tired eyes* said.... “Hold your tongue, Lucy”, said Sir Henry sharply. ... *The eyes were dark rimmed*, as though *he spent too few of his hours in sleep*. Somewhere very deep in them *lay a sharp gleam* like a candle shining at the end of a succession of long deep halls [18, с. 92, 93].

Стилистический прием иронии может быть основан на удачном сочетании имени и фамилии, как это происходит с именем *Sylvia Black* из книги Г. Грина «Конец одного романа» [15], где имя *Sylvia* (от *лат. silva* – *рус.* лес, и фамилия *Black*, от *англ. black* – *рус.* черный создают иронический эффект:

10. ‘What’s your other name?’ ‘Black.’ ‘*Sylvia Black*.’ I said, ‘*It’s a good combination. Almost too good*’ [15, с. 124].

Далее обратимся к случаям функционирования онимов в качестве стилистического приема метонимии, основанного на сравнении по смежности, на замещении целого одним из его атрибутов. Рассмотрим пример, где словосочетание *Kennedy's face* (лицо Кеннеди) выступает способом замещения экономического курса, проводимого президентом Кеннеди. Речь идет о 50-центовых монетах США, которые с момента их введения в обращение в 1794 г. были в широком ходу и имели различный дизайн. После убийства Дж. Кеннеди в 1964 г. на аверс монеты было помещено изображение президента, однако по ряду причин, начиная именно с этой серии, монеты данного номинала стали быстро выходить из активного обращения. Данный факт дает автору цитаты повод говорить о том, что лицо Кеннеди убило полудоллар:

11. *Kennedy's face killed half-dollars*, took them out of circulation and they've never come back. The metal got sent to the moon [20, с. 9].

В литературе есть также примеры использования имени собственного в составе *каламбура*, когда широко известный оним обыгрывается через созвучное с ним имя нарицательное, в результате чего создается иронический эффект. В приводимом ниже отрывке основанием для каламбура выступает имя собственное *Королева Анна*, которое, с одной стороны, принадлежит первой королеве Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, а с другой – выступает способом именованя мебели, выполненной в определенном стиле периода середины XVIII в.:

12. The Director finished his second cup of coffee, closed the file and *locked it in the personal drawer of the Queen Ann desk. Queen Ann had never held so many secrets as that desk* [8, с. 142].

Способность онимов выступать основанием для стилистического приема *эвфемизма* связана с их способностью служить «непрямым средством негативной оценки некоторого объекта или ситуации» [1, с. 159]. Примером является фамилия *Meddlar* из романа С. Фрайя «Лжец» [14], которая используется как средство именованя капеллана в школе для мальчиков, довольно злого и опасного человека. Привлечение онима в тексте является средством создания образа человека, всюду сующего свой нос, что согласуется со значением английского слова *meddle* – «вмешиваться», «лезть не в свое дело»:

13. '*Meddlar* took him by the shoulders. You're riding for a fall, Healey, you know that? There are hedges and ditches ahead and you are on course for an almighty cropper.' 'Sir.' 'And I shall be cheering and laughing as you tumble,' said *Meddlar*, his spectacles flashing [14, с. 29].

Стилистический прием *образное сравнение* предполагает сопоставление двух относящихся к разным классам явлений, предметов или понятий на основе некоторой общей черты и в составе сравнительной конструкции; при этом задействуется обширный арсенал синтаксических средств. В английском языке данный стилистический прием получает формальное выражение через слова *as, such as, as if, like, seem* и др. Ниже приводятся примеры, в которых демонстрируется как способность онимов вступать в различные синтаксические связи в составе образного сравнения, так и разнообразие признаков, на основе которых сравнение становится возможным.

Рассмотрим пример использования образного сравнения для выражения отношения *сходства по внешности*, где основанием для которого выступает имя египетской царицы Клеопатры:

14. Merry Blankowitz stirred uneasily. She was a small young woman and her *long dark hair* was cut straight across, just over her eyebrows. Between that and *the delicacy of her bone structure* and her *quick, nervous movements*, *she looked like* a miniature *Cleopatra* [11, с. 325].

В следующем примере имя героя Америки, легендарного шерифа Уайетта Эрпа (*Wyatt Earp*) привлекается для построения стилистического приема образного сравнения, основанием для которого выступает *умение метко стрелять*:

15. If they are, whoever *did the shooting makes Wyatt Earp look like a boy scout* [9, с. 137].

Сравнительные конструкции *look like* и *be like* представляют собой наиболее распространенный способ формального выражения отношения уподобления и по другим признакам, в том числе, по ситуации. Ниже приводится пример, в котором поступок персонажа описан через апелляцию к социокультурному знанию о правдивости и прямоте первого президента США, а возможно, и к истории, согласно которой юный Джордж Вашингтон предпочел сказать отцу правду про изрезанное им черешневое дерево, понимая, что это может повлечь за собой наказание:

16. Old Jack, who *like George Washington, could never tell a lie*, had revealed in a hastily called meeting in the vestry, that it was possible that Emma Barrington, the woman Harry adored, and who was about to become his wife, might be his half-sister [9, с. 13].

Способность собственных имен вербализовывать различные периферийные значения соответствующего ономастического концепта может затруднять процесс понимания текста. На первый взгляд в приводимом далее примере 17 речь идет о качестве кубинских сигар времен двух правителей Кубы – диктатора Батисты и Ф. Кастро. Однако фраза «Мне не нравится вашингтонский климат», предваряющая использование данных имен, позволяет взглянуть на всё высказывание иначе и предположить, что в этом случае сравниваются не сигары, а два периода истории Кубы. Данное сравнение играет важную смыслообразующую роль, дает основания предположить, что автор выражает симпатию новому режиму на Острове Свободы:

17. *I don't like the Washington climate – in all senses of the word. With a smile of pleasure he tipped off a satisfactory length of ash. 'Doctor Castro's cigars,' he said, 'are every bit as good as Sergeant Batista's...* [16, с. 116].

Несмотря на то что, как правило, использование онимов в художественном тексте соответствует нормам их употребления в языке, существуют примеры намеренного нарушения данных норм. Своеобразный протест автора проявляется в следующем примере использования имени *Пумпер Пэн*:

18. He is never grown up. Marlowe's devils wore squibs attached to their tails: evil *was like Peter Pan* – it carried with it the horrifying and horrible gift of eternal youth [17, с. 85].

В английском языке с именем *Peter Pan* связано представление о взрослом человеке, который эмоционально остается ребенком. В соответствующем концепте хранится знание о том, что это положительный персонаж, тогда как в приведенном контексте его имя содержит значение зла, повышая модус фиктивности образного сравнения, способствует реализации идейного содержания произведения.

Интересны случаи использования образного сравнения, в основу которого положена аналогия между малосопоставимыми понятиями или ситуациями. В следующем отрывке речь идет о молодом агенте

ФБР, который, попав в трудную ситуацию, справедливо полагает, что попросить управляющего банком позвонить директору ФБР так же нелепо, как списать свои расходы на бензин на счет Г. Форда. В результате такого сравнения создается эффект непредсказуемости и иронии:

19. Mark had to think quickly. He couldn't ask the manager of a local bank to ring the Director of the FBI. *It would be like charging your gasoline to the account of Henry Ford* [8, с. 151].

Проведенный анализ случаев использования имен собственных в художественном тексте с позиций стилистики показывает, что ономастические средства языка способны составлять основу практически любого стилистического приема. Активное участие онимов в стилистической организации произведений художественной литературы обусловлено их способностью концептуализировать социокультурное и языковое знание и благодаря этому приобретать в языке различные, в том числе, коннотативно-оценочные значения. Стилистический потенциал онимов реализуется в произведении художественной литературы на основе данных значений, с учетом структуры произведения и в соответствии с авторским замыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
2. *Калинкин В. М.* Поэтика онаима. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
3. *Карпенко Ю. А.* Общие вопросы ономастики // Русская ономастика : сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. А. Карпенко. – Одесса : ОГУ, 1984. – С. 3–16.
4. *Косиченко Е. Ф.* Возможности лингвистического анализа художественного ономастикона // Опережая время. К 100-летию со дня рождения Ольги Ивановны Москальской. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – 214 с. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 4 (690). Сер. Языкознание. – С. 101–111.
5. *Щербак А. С.* Формирование ономастических значений и смыслов региональных ономастических единиц на базе общерусских слов // Вестник Тамбовского государственного университета. – Вып. 9 (101). – Тамбов: ТГУ, 2011. – С. 215–220.
6. *Щетинин Л. М.* Субъективный фактор в образовании антропонимических текстов // Известия АН СССР. Литература и язык. – 1986. – Т. LXIV. – № 2. – С. 159–165.

7. *Algeo J.* Magic Names: Onomastics in the Fantasies of Ursula Le Guin // American Name Society. – Vol. 30, No. 2. – 1982. – P. 59–67.
8. *Archer J.* Shall We Tell President? – London : Pan Books, 2003. – 332 p.
9. *Archer J.* Best Kept Secret. – London : Pan Books, 2003. – 466 p.
10. *Ashley L. R. N.* “Up to a Point”: Onomastic Devices and Satire in Evelyn’s Waugh’s Scoop // Literary Onomastic Studies. – 1988. – Vol. 15. – P. 75–92.
11. *Asimov I.* Nemesis. – NY, Toronto, London, Sydney, Auckland : Bantam Books, 1990. – 386 p.
12. *Banks I.* Walking on Glass. – London : Abacus, 2013. – 341 p.
13. *Culleton Claire A.* Names and Naming in Joyce. – London : The University of Wisconsin Press, 1994 – 160 p.
14. *Fry S.* The Liar. – London : Arrow books, 2004. – 388 p.
15. *Greene G.* The End of the Affair. – Penguin Books Ltd, registered offices: 80 Strand – London, 2004. – 160 p.
16. *Greene G.* The Human Factor. – London : Vintage Books, 2005. – 259 p.
17. *Greene G.* The Third Man and The Fallen Idol. – London : Vintage Books, 2005. – 130 p.
18. *Greene G.* The Man Within. – Penguin Books Ltd, registered offices: 80 Strand – London, 2005. – 195 pp.
19. *Nicolaisen W. F. H.* A Response to William Harmon // Connotative names Connotations: A Journal for Critical Debate. – New York : Waxman Münster, 1993. – P. 44–47.
20. *Updike J.* Rabbit Redux. – N.Y.: Fawcett Books, The Random House Publishing Group, 1991. – 353 p.

УДК 81

Е. А. Сухоруков

соискатель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ;
e-mail: jewgenij-su@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СКАЗКИ

В статье анализируются лексические единицы, используемые в текстах современной немецкой экологической сказки, приводятся и разбираются примеры различных способов словообразования, характерных для данного класса сказок. Проведенный анализ выявил наличие в современной немецкой экологической сказке лексем, не характерных жанру сказки. Также было установлено, что картина мира определенного этносоциума влияет на выбор лексических единиц.

Ключевые слова: сказка; современная немецкая экологическая сказка; лексическая единица; словообразование; гибридные слова; оценочная лексика; картина мира.

E. A. Sukhorukov

Post-graduate Student, Chair of Lexicology and Stylistics
of the German language, MSLU; e-mail: jewgenij-su@yandex.ru

LEXICAL SPECIAL ASPECTS OF THE MODERN GERMAN ENVIRONMENTAL TALES

There are lexical units used in the texts of the modern German environmental tales in this article. Also different ways of word-formation common for this class of tales are mentioned here. The analysis discovered the existence of lexical units in the modern German ecological tales that were not typical of the genre of fairy tales. It was also found out that the world picture of a certain ethnosocial impacts the choice of lexical units.

Key words: tale; modern German environmental tale; lexical unit; word formation; hybrid words; evaluative vocabulary; worldview.

Изучение нового класса сказок, а именно – *современных немецких экологических сказок* выявило ряд особенностей используемых в них лексических единиц. По мнению многих лингвистов, лексика, являясь одной из важнейших подсистем языка, «обеспечивает передачу самого содержания» [2, с. 312].

Жанр сказки имеет фольклорные корни, и изначально сказка передавалась от поколения к поколению в устной форме. Несмотря на то, что литературная и авторская сказки зафиксированы в письменной

форме, они тяготеют к *обиходному стилю (Alltagsrede)*, чем объясняется выбор лексических средств, присущих устным формам общения. Тексты современных немецких экологических сказок располагают большим количеством лексем из разговорной речи, о чем свидетельствует соответствующая помета (*Gebrauch: Umgangssprachlich*) в этимологическом словаре. Приведем некоторые примеры:

„Ich...ich will *gar nix*,“ – antwortete der Becher schüchtern.

Nee richtig, ich bin ein Brötchen, das, gm...gm..., *Schuldigung*, das leider etwas schimmelig geworden ist, hm..., aber du...

Er hat eine leckere Frucht *ausgelutscht*.

Vor nicht allzu langer Zeit lebte in der Dreckstraße hinter den drei Hügeln *eine Horde wilder Kerle*.

Sie kletterten auf dem Gerüst herum, dass er nur so wackelte und *matschte* kräftig im Sand.

Kommt, wir machen mal *ne Pause*.

Die Kerle *buddelten* ein Loch in die Erde.

Zwar war sie schon 100 Jahre alt, was für Hexen *ein Klacks* ist...

Ihr *zottiges* Haar. Sie sahen *den kleinen Zottelkopf* nicht mehr.

Ich kann dich *in eine glitschige Kröte* verwandeln.

Er litt innere, *schnüffelte* in allen Himmelsrichtungen.

Sie bahnte sich den Weg durch *die kleinen Mädels*.

Sie waren es leid, jeden Tag über etwas anderes zu *stolpern*, was die Menschen weggeworfen hatten.

Sie *schnappte sich* Sprite...

Aufrecht sitzend, um sich her schauend und im Wind *schnüffelnd* erkundeten sie gemeinsam die mehre Umgebung.

Pfarrer Heinrich fiel samt Fahrrad *in den Matsch*.

Diese flog *mit lautem Geschepper* gegen die Fensterscheibe von Oma Schröder.

Die *plumpste* herunter und sie blieb auf dem Gehweg liegen. Erschrocken ließen die Kinder die Blechbüchse liegen und *flitzten* schnell davon.

Sie war einfach unbrauchbar geworden, *matschig* dazu und außerdem extrem stinkig.

Sie *vergammelten* und verschmutzten die Umwelt.

Данные лексические единицы придают текстам современных немецких экологических сказок *непринужденный разговорный стиль*, чему также способствует достаточно редкое использование в текстах диалектальных лексем, таких как *der Rumor*, *der Schabernack* и др. Напомним, что данные лексемы в толковых словарях имеют помету *landschaftlich*.

Как известно, наиболее продуктивной моделью *словообразования* является *словосложение* – *образование сложных слов (Zusammensetzung (Komposition))* [3, с. 100–101]. Анализ показал большую роль данной модели в современных немецких экологических сказках. Нами выделены две основные группы лексем, образованных с помощью *словосложения*, которые играют ключевую роль при развитии сюжета этого вида сказок: *атрибуты волшебной сказки (волшебная палочка, волшебный шар и т. д.)* и *все, что связано с экологическими проблемами или обуславливает их*. Проиллюстрируем важность данной модели словообразования на примере двух сказок: *Die kleine Moorhexe (Ein Müllmärchen für die fleißigen Kinder aus KiBiZ-Nest KiBiZ – das Kinder-BildungsZentrum)* и *Der Sauberzauber* (см. табл. 1 и 2).

Необходимо отметить, что данные лексемы многократно повторяются в тексте, образуя тем самым *изотопические цепочки*. «Под семантической *изотопией* (термин А. Греймаса) дискурса понимается повторяемость в дискурсе определенных мотивов, тем, слов, в результате чего могут создаваться изотопические цепочки» [4, с. 96], определяющие лейтмотив сказок. Лейтмотив загрязнения окружающей среды противопоставляется другим: волшебному, сказочному миру, животному миру и др.

Таблица 1

**Использование словосложения в сказке «Die kleine Moorhexe»
(Ein Müllmärchen für die fleißigen Kinder aus KiBiZ-Nest)**

	Лейтмотив сказки	Атрибуты	Лексемы
1	Лишения волшебного персонажа	Волшебные	die Moorhexe, der Hexenball, der Zauberring, die Waldhaxenfreundin, die Zauberkraft, das Zauberlehrling, das Hexenherz
2	Загрязнение окружающей среды	Связанные с экологией	der Müllsack, das Blechkästchen, das Müllsammeln, die Leberwurst, die Blechbüchse, die Mülltonne

Использование словосложения в сказке «Der Sauberzauber»

	Лейтмотив сказки	Атрибуты	Лексемы
1	Волшебство побеждает загрязнение окружающей среды	Волшебные	der Sauberzauber, das Sauberzaubermännlein, die Zauberkugel, der Zauberstab, der Sauberzauberspruch, die Zauberhand, der Zauberhut
2	Загрязнение окружающей среды	Связанные с экологией	die Bananenschale, die Glasflasche, die Blechbüchse, der Zeitungspapierfetzen, der Müllsack, das Blechbüchsenfußballspiel, die Müllfreunde, die Mülltonne, der Glascontainer, die Papiertonne, die Biotonne, die Weinflasche, die Klorolle, die Gummibiochemtüte, der Joghurtbecher, der Kaffeefilter, die Eierschalen

К особенностям современной немецкой экологической сказки надо отнести также частое использование нехарактерных для этого жанра *гибридных слов*, образованных с помощью *словосложения*, т. е. «сложных слов, у которых один из компонентов или словообразовательных элементов заимствован из иностранного языка» [1, с. 31]. Данные лексемы выполняют номинативные функции и вводят в сюжет сказки реалии современного быта, которые, как правило, лежат в основе конфликта. В качестве элементов *слов-гибридов* в данном виде сказок выступают, в частности, морфемы, наделенные определенным лексическим значением, например префикс *bio-*. Данное явление называют *морфематизацией*. В состав *гибридных слов* могут входить ассимилированные заимствования, которые были сделаны давно и воспринимаются носителями языка как исконные лексические единицы.

Наиболее продуктивным при гибридном словообразовании в современной немецкой экологической сказке является заимствование, в частности из английского языка лексемы *das Plastik* (*das Plastik – Herkunft*:

englisch plastic(s), zu: plastic = weich, knetbar, verformbar < lateinisch plasticus) [5]: das Plastikgeschirr, die Plastikflasche, der Plastikbecher, die Plastikverpackung, die Plastiksache, die Plastiktüte.

В текстах данного типа сказок часто встречаются также:

- слова-гибриды с заимствованным из греческого языка префиксом *bio-* (*bio* – zu griech. *bíos* = *Leben*) [5]: *die Biotonne, der Biomüll, die Gummibiochemtüte;*
- слова-гибриды, в состав которых входит англоязычная лексема *der Container* (*der Container* – *Herkunft: englisch container, zu: to contain = enthalten < französisch contenir < lateinisch continere*): *der Schuhcontainer, der Glascontainer, der Müllcontainer.*
- гибридные слова: *die Coladose, die Limodose, die Komposttonne, die Bananenschalen, der Joghurtbecher, die Komposttonne, die Chipstüte, der Packkarton, der Ölkantner.*

Образование производных слов (*Ableitung / Derivation*) встречается в исследуемых текстах гораздо реже. Можно привести примеры словообразования с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов *-chen, -lein* и др., использование которых характерно для жанра сказки: *das Häuschen, das Männlein, das Häuschen, das Hexenhäuschen, das Köpfchen, das Kindl, das Pfötchen, das Nestchen, Lieschen* и др.

Редко используется образование сложнопроизводных слов, таких как: *der Umweltverschmutzer, der Großfüßler, der Autofahrer, die Umweltverschmutzung* и др.

Отметим, что для современных немецких экологических сказок свойственна такая нехарактерная для жанра сказки **модель словообразования**, как *аббревиация*. Причем в текстах данного типа сказок можно встретить практически все типы сокращений (ср.: [3, с. 105–106]):

- буквенные сокращения (*Buchstabenabkürzungen*): *das PG – das Plastikgeschirr; der UV – der Umweltverschmutzer;*
- слоговые сокращения (*Silbenabkürzungen*): *die Kita – die Kindertagesstätte, das KiBiZ – das Kinderbildungszentrum, die Kita – die Kindertagesstätte;*
- контрактуры (*Kontrakturen*): *das Klo – das Klosett.*

Данные сокращения относятся к реалиям современной жизни, что во многом обуславливает *бытовой характер* исследуемых нами сказок.

Многие реалии современной жизни, которые в текстах современных немецких экологических сказок являются причиной конфликта, представляют собой *заимствования* из других языков, например:

der / das Joghurt – Herkunft: türkisch yoğurt (dieses Wort stand 1915 erstmals im Rechtschreibduden);

der Kompost – Herkunft: französisch compost < mittellateinisch compostum = Misthaufen, Dünger, zu lateinisch compositum, Kompositum;

die Tomate – Herkunft: französisch tomate < spanisch tomate < Nahuatl (mittelamerikanische Indianersprache) tomatl;

das Plastik – Herkunft: englisch plastic(s), zu: plastic = weich, knetbar, verformbar < lateinisch plasticus, plastisch;

die / das Limo = *die Limonade* – Herkunft: französisch limonade, eigentlich = Zitronenwasser, wohl unter Einfluss von italienisch limonata zu: limon = Limone, Limone;

die Banane – Herkunft: portugiesisch banana, aus einer westafrikanischen Sprache;

der / das Bonbon – Herkunft: französisch bonbon, Wiederholungsform von: bon < lateinisch bonus = gut;

das Papier – Herkunft: spätmittelhochdeutsch papier < lateinisch papyrus, papyrus = Papyrus(staude) < griechisch pápyros, Herkunft ungeklärt;

Chips – Herkunft: englisch chip, eigentlich = Schnipsel;

bio- – Wortart: Präfix – Herkunft: zu griechisch bíos = Leben;

das Auto – Herkunft: Kurzform von Automobil – zu lateinisch mobilis = beweglich.

die Marmelade – Herkunft: portugiesisch marmelada = (Quitten)marmelade, zu: marmelo = Quitte < lateinisch melimelum < griechisch melímēlon = Honigapfel.

das Picknick – Herkunft: englisch picnic, französisch pique-nique; Herkunft ungeklärt;

der Container – Herkunft: englisch container, zu: to contain = enthalten < französisch contenir < lateinisch continere;

der Karton – Herkunft: französisch carton < italienisch cartone, Vergrößerungsform von: carta, Karte;

der Kanister – Herkunft: ursprünglich = Korb, unter Einfluss von englisch canister = tragbarer Behälter für Flüssigkeiten < italienisch canestro = Korb < lateinisch canistrum < griechisch kánistron = rohrgeflochtener Korb, zu: kánna, Kanal;

die Zigarette – Herkunft: französisch cigarette, eigentlich = kleine Zigarre, Verkleinerungsform von: cigare < spanisch cigarro, Zigarre;

der Kaffee – Herkunft: französisch café, italienisch caffè < türkisch kahve < arabisch qahwah, auch = Wein;

der / das Filter – Herkunft: älter Filtrum < mittellateinisch filtrum = Durchseihgerät aus Filz, aus dem Filz zugrunde liegenden germanischen Wort.

das Aluminium = das Alu – Herkunft: zu lateinisch alumen (Genitiv: aluminis) = Alaun (nach seinem natürlichen Vorkommen in der Alaunerde);

die Folie – Herkunft: vulgärlateinisch folia < lateinisch folium = Blatt; ursprüngliche Bezeichnung für ein metallenes Glanzplättchen als Unterlage für gefasste Edelsteine [5].

В текстах современных немецких экологических сказок данные лексемы создают *временной колорит*, являясь сигналом того, что действие происходит сегодня в реальном мире. Они знакомы каждому ребенку, что приближает сказку к обыденной повседневной ситуации.

Для старых сказок, вошедших в память культуры, характерно использование лексики, которая сегодня воспринимается как *историзмы* и *архаизмы*. Например, в сказках братьев Grimm многие реалии того времени, такие как веретено (*die Spindel*) или прялка (*das Spinnrad*), создают колорит той эпохи, придают черты исторической подлинности, помогают передать культурные ценности и традиции, почувствовать национальную идентичность, но в современных сказках они являются *историзмами* и / или *архаизмами*.

Необходимо отметить практически полное отсутствие историзмов и архаизмов в текстах исследуемых нами сказок. Данную категорию лексических единиц в современной немецкой экологической сказке представляют атрибуты волшебной сказки, такие как: волшебная палочка (*der Zauberstab*), заклинание (*der Zauberspruch*), волшебный шар (*die Zauberkuigel*) и др. волшебные атрибуты, ведьма (*die Hexe*), фея (*die Fee*), волшебный человечек (*das Zaubermenschlein*) и др. В противовес классической сказке с частым использованием историзмов

и архаизмов мы видим сказки наполненные *неологизмами*: *Cola, Fanta, Sprite, Coladose, KiBiZ, Kitakinder, Joghurtbecher, Limo, PG, Mülltonne, Container, Plastik, Biotonne, der grüne Punkt, Alufolie* и др.

Отсутствие историзмов и архаизмов в текстах исследуемых сказок объясняется их ориентацией на сегодняшнюю день, они должны показать, что описанные проблемы не вчерашнего дня, а современности. Указанные проблемы актуальны сегодня, и решать их надо сегодня, как это делают герои сказки. Использование *неологизмов* усиливает этот эффект.

Любая, в том числе современная немецкая экологическая сказка, построена вокруг бинарных оппозиций, основу которых формирует оценочная шкала: *хорошо–плохо*. Основная функция данной бинарной оппозиции – это формирование положительного / отрицательного отношения к описываемому явлению у реципиента. *Оценочная лексика* служит решению поставленной задачи. Анализ лексических единиц, влияющих на формирование положительной либо отрицательной оценки у реципиента в текстах современных немецких экологических сказок, позволяет сделать вывод, что для формирования *положительной / отрицательной оценки* используется широкий спектр лексических единиц. В отличие, например, от рекламных текстов, где в качестве основного средства формирования оценки выступают *прилагательные*, в текстах современных немецких экологических сказок для реализации данной цели служат *прилагательные, наречия, существительные, глаголы и глагольные формы*, причем частота их употребления приблизительно одинакова.

В результате анализа *оценочных эпитетов* подтвердились выводы, сделанные нами ранее, о том, что восприятие проблемы, а, следовательно, и подходы к ее решению зависят от мировоззрения, картины мира определенного этносоциума. Представители немецкоязычного социума смотрят на проблему загрязнения окружающей среды с *негативной стороны*, о чем свидетельствует *набор отрицательных эпитетов*, а также их количество и разнообразие.

В заключение необходимо отметить наличие в текстах так называемых *контекстуальных эпитетов*: существительных, не имеющих эмоциональной окраски. Данные существительные можно представить в виде двух тематических рядов: *природа* и *предметы обихода*, являющиеся мусором. Сами по себе данные существительные

нейтральны, но в контексте сюжета экологической сказки они также образуют бинарную оппозицию: *экологично* = *хорошо* / *неэкологично* = *плохо*, влияющую на формирование отношения у реципиента к описываемому явлению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волина С. А.* Hybride Bildungen in der deutschen Gegenwartssprache // Язык в мире дискурсов. Лингвистика. Лингводидактика. Методика. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 30–51. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 4 (610). Сер. Языкознание).
2. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. *Ольшанский И. Г., Гусева А. Е.* Лексикология: Современный немецкий язык. – М. : Академия, 2005. – 416 с.
4. *Фадеева Г. М.* «Лексикон – текст – дискурс» с позиций исследовательской практики // Язык в мире дискурсов. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 90–99. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 559. Сер. Языкознание).
5. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache DUDEN. – 4. Aufl. – 2012 [CD-ROM].

УДК 81'255.2

А. П. Люсьй

кандидат культурологии, старший научный сотрудник
Центра фундаментальных исследований культуры
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия им. Д. С. Лихачёва; e-mail: allyus1@gmail.com

ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ В ПЕРСПЕКТИВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале Крымского текста и личного опыта)

Коммуникационная схема Вызова и Ответа рассматривается как важный механизм формирования локального текста культуры, в частности Крымского текста. Ставится вопрос о взаимных познавательных вызовах глобального и локального знания, заключенных в различные формы искусства. Особенность краеведения как единства теории и практики раскрывается на стыке краеведческих, искусствоведческих и архитектуроведческих исследований и журналистских расследований. При этом фигуры Семена Боброва и Александра Пушкина раскрыты как основная текстостроительная пара данного текста.

Ключевые слова: текст; коммуникация; нарратив; краеведение; тезаурус; доминанта; субъектность.

A. P. Liusy

Ph.D. (Cultural Studies); Senior Research Fellow,
the Centre for Fundamental Research of Culture,
the Russian Scientific Research Institute for Cultural
and Natural Heritage named after D. S. Likhachev; e-mail: allyus1@gmail.com

A LOCAL TEXT OF CULTURE FROM THE PERSPECTIVE OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION (based on the material of the Crimean text and personal experience)

The communication scheme of Call and Response is seen as an important mechanism for the formation of a local text of culture and, in particular, the Crimean text. There is posed the question of mutual cognitive challenges of global and local knowledge revealed in various forms of art. Local history features unity of theory and practice that manifests itself at the crossroads of local history, art, and architecture

research as well as investigative journalism. In this context, Semyon Bobrov and Alexander Pushkin are the main text construction pair for this text.

Key words: text; communication; narrative; local history; heritage; dominant; subjectivity.

1. Введение

В Европе существует традиция как текстологических, так и родоведческих исследований (М. Вебер, Г. Зиммель, В. Беньямин, Л. Мамфорд, А. Лефевр и др.). В процессе критики текстологической «теории» («французской теории») Ф. Джеймисон сформулировал понятие *культурной доминанты* как формы идеологического кодирования, свойственной каждому способу производства, исходя из которой создаются возможности «определить “текст” культуры, или объект исследования, характерный для горизонта способов производства» [4, с. 51]. При этом американский философ-неомарксист делает две оговорки: «Первое касается вопроса о том, является ли понятие способа производства синхроническим, тогда как второе относится к искушению использовать различные способы производства для построения таких классификаций или типологий, при которых тексты культуры оказываются просто изолированы друг от друга» [4, с. 51]. Крымский текст – генетически южный полюс Петербургского текста. Здесь есть свои локусы героизма и райского укрытия, со своими вызовами и ответами [11, с. 164].

2. Коммуникационные вертикали и горизонталы для Крымского текста

В этом контексте важное значение имеют механизмы взаимодействия глобального и локального знания, в частности понимание роли краеведения как особой формы познания со специфическим единством теории и практики межкультурной коммуникации. С *духом крымского краеведения*, для характеристики которого позволим предложить такие синтетичные понятия, как *конкретный академизм* и *карнавальное подвижничество*, мы начали профессионально соприкасаться с конца 1970-х гг. в Крымском краеведческом музее, как тогда назывался Центральный музей Тавриды, и издательстве «Таврия».

Период времени между музеем и издательством заняла учеба в Литературном институте им. А. М. Горького. На стыке этих институций

и олицетворяющих их интеллектов, а также ради внутреннего баланса между московской и крымской ностальгии, возникла идея подготовки путеводителя «По Крыму – не покидая Москвы». Мы стали обходить московские музеи, фиксируя в экспозициях и, по возможности, в фондохранилищах крымское присутствие, каковое также местами широко было «разлито» и за окнами, в московский топонимике. Однако в один прекрасный день мы вдруг остановились, смутно осознавая, что цель поиска достигнута. Это была выставленная в Музее Пушкина в экспозиционном разделе, посвященном Крыму, поэма Семена Боброва «Таврида» (Николаев, 1798), которую поэт настойчиво просил в переписке с братом С. С. Пушкиным прислать ему уже в Молдавию [14; 13, с. 31].

Как позже удалось установить, просьба была выполнена не вполне корректно. В библиотеке Пушкина, согласно библиографическому описанию Б. Л. Модзалевского, значится «Херсонида», как называлось существенно измененное второе издание поэмы в рамках четырехтомного собрания сочинений С. Боброва «Рассвет полночи» [13]. Таким образом, экспонат этот был опознан в качестве отложенного буквального исполнения желания Пушкина, а не отражением реальных обстоятельств этого конкретного путешествия. Он был обращен скорее в будущее, чем в прошлое. Осознание этого пришло позже, но в момент встречи автор был остановлен именно этой обращенностью. Любопытно, что такая обращенность не настигла автора непосредственно в Крыму, скажем, в музейной библиотеке «Таврика», в которой настольными книгами краеведов были издания П. Палласа, К. И. Габлица, П. В. Сумарокова. Как пишет В. Каганский, «краеведение – одновременно и объективированное и ценностно-центрированное представление мест в рамках локально-конкретного знания, включенного в культурно-жизненный комплекс территории. При склонности к систематизации краеведение не доходит до систематической связности и полноты интеллектуальной рефлексии, что вовсе не является пороком, поскольку краеведение – *особое любовное знание места о себе и прежде всего для себя*» [8, с. 113].

Итак, хождение по музеям прекратилось, началось чтение «Тавриды» / «Херсониды» и других произведений С. Боброва, погружение в контекст его творчества как такового и самой эпохи в целом. Наступало время С. Боброва: пока автор искал крымское присутствие

в московских музеях, в Тарту Ю. М. Лотман посвящал в боброведы свою ученицу Л. О. Зайонц.

Семен Бобров раскрывался как поэтический Колумб Крыма, в лице которого крымская тема сразу же явилась в русскую литературу в высшем, под определенным углом зрения и исчерпывающем выражении. Крым в процессе виртуозного описания многообразной природы и исторических испытаний, оживленных просвещенческим сюжетом пути двух паломников, распахнулся как «идеальное пространство» и уникальная модель мироздания и в то же время главное действующее лицо поэмы во многообразии его обликов и метаморфоз. Как отмечает Л. Зайонц, «описание “оживающего” полуострова превращается в одну большую Метафору Метаморфозы, в которой объединяются значения ландшафта и живого организма: *темя, утроба* хребтов; *ребра, чело, око, гортань* горы; *пасть, зев* с *торчащими оплотами зубов, чрево* утеса, *стан* холма, *нарывы* вулканов, *морщины* вод и т. д.» [5, с. 97]. Так через антропоморфизмы художественно утверждается онтологическая субъектность Крыма на самых разных уровнях текста.

У С. Боброва в роли своеобразного ноосферного субъекта предложения (главного персонажа) грамматически оказывался элемент неживой природы (*холм, облака, мыс*), но часто антропоморфные признаки полностью заполняют пейзажное пространство, практически растворяясь в нем. На «сцене» Крыма не просто горы или воды, приукрашенные тем или иным эпитетом, но *морщины* вод, *сердце* гор, горные *ребра*, горная *гортань*. Действие же, описанное во многих фразах, оказывается направленным на антропоморфный признак, усиливая таким образом его семантику: рыбы по водам оставляют – тоже *морщины*; источник ниспадает от *ребр*; воздух влечется – к *темя*; стон исходит – из *сердца* гор; воздух раздал звук – чрез *разрыв гортани*. Согласно такому приему и моделируется «оживающий» ландшафт.

Показ элементов крымской природы через их антропоморфные образы ведет к метаморфозам пейзажа, в результате которых черты реального ландшафта как бы отступают, а на первый план выступает представление в одних случаях огромного механизма природы, в других – живого организма. Географический рельеф при этом показан как его отдельные части и органы (*пасть, чрево, бедра, мышцы, ребра, нарывы*). С. Бобров не описывает, а «анатомирует» природу, как

естествоиспытатель обнажая ее внутреннее устройство (или «сгнивший механизм»). Такой язык в контексте ландшафтной семантики выступает уже как метаязык, «прием приема». Такой метаязык невольно рождает идею *метатекста* и ведет к беспрецедентному жанровому синкретизму как металитературной пульсации постоянного выхода за пределы текста и вечного возвращения к нему. С. Бобров – сам по себе крымский текст, но, конечно, еще не Крымский локальный текст в том смысле, в каком это понятие утвердилось в гуманитарных науках (в значении *супертекст*, *метатекст*), в качестве ядерной структуры, последовательного развития темы на основе определенного набора признаков, с элементами самоцитирования.

Всё же в случае с Крымским текстом не обошлось без журналистского катализатора и оперативных архитектуроведческих штудий. В 1985 г. на стол автора этих строк легли «литературоведческие» изыскания управления санаториями и домами отдыха в Крыму 4-го Главка Минздрава СССР, представляющие красноречивую триаду ведомственной логики: «Принято считать, что в этом доме в 1820 г. проживал Пушкин <...>. Принимая во внимание то, что на территории санатория “Пушкино” имеется мемориальный пушкинский комплекс (памятная стела, на которой дом ошибочно назван “домом Раевского”. – *А. Л.*)... просим вашего содействия в решении вопроса исключения из списка памятников истории и культуры здания лечебного корпуса санатория “Пушкино”».

Материалы были отправлены в ряд центральных газет и пролежали там вплоть до официального объявления «гласности» в 1986 г. Наконец, в газете «Литературная Россия» появилась статья автора этого исследования «Спасти Пушкинский мемориал» с фотографиями о состоянии дома [9]. Так гласность, а потом и «перестройка» с особо важной в данном случае реставрационной составляющей пришла в Крым в пушкиноведческом измерении. Дом Ришелье в Гурзуфе в локально-историческом измерении стал точкой организации Крымского текста русской культуры в архитектуроведческом измерении.

В уникальный и вряд ли когда-либо повторимый момент словесного цунами второй половины 1980-х гг. развернувшаяся газетная кампания на данную тему, поддержанная собратьями по перу и видными деятелями культуры, сыграла, в конечном счете, созидательную роль. В итоге хозяевам дома не только пришлось отказаться от планов

сноса, но за свой счет отреставрировать его и даже открыть там новый Музей Пушкина. Началась дискуссия, каким быть этому музею. Так пришлось переквалифицироваться в культуролога, подкрепляя филологические исследования архитектуроведческими (ведь это первое на южном берегу Крыма сооружение европейского типа стало опытом органичного синтеза классицизма и местных традиций). Тут как раз подоспели публикации В. Н. Топорова о Петербургском тексте, где, в частности, отмечалась значимость архитектурной вертикали для пушкинского поэтического взгляда. Стало очевидным сходство воздействия архитектурных петербургских и природных, с культурными вкраплениями, крымских вертикалей, что автор попытался изложить на Первых крымских пушкинских чтениях в новом крымском музее Пушкина.

Так определилась основная текстостроительная пара Крымского текста – Бобров и Пушкин. Еще современниками Боброва была отмечена своеобразная «архитектурность» поэмы Боброва: «С каким искусством, с какою живописною Архитектурою создает он престол Всевышнему» [1, с. 309]. Имеется в виду такая общая структура пространства Крыма. Прямым архитектурным аналогом поэтической конструкции С. Боброва на фоне отмеченной выше крымско-петербургской как литературной, так и архитектурной «полярности», является проект Храма Христа Спасителя А. Л. Витберга: «Надлежало, чтоб каждый камень его и все вместе были говорящими идеями религии Христа <...>. Чтоб это была не груда камней, искусным образом расположенная, не храм вообще – но христианская *фраза, текст* христианский» [6, с. 90]. Сопоставление творчества Боброва и Витберга как *проектов* представляется вполне релевантным, несмотря на то, что замысел Боброва был воплощен, а Витберга остался на *бумаге*. Творчество С. Боброва остается проектом вплоть до момента его конгениального, в частности краеведческого, прочтения.

«Описательную» поэзию Боброва интересно рассматривать в контексте живописи. «Крымский пейзаж Боброва оказывается так же динамичен, многолик и неуловим, как и у его предшественников-*живописцев*. Одухотворенный макрокосм распадается на бесчисленное множество своих копий, их части смешиваются, трансформируются, перетекают из одной формы в другую. Один и тот же элемент ландшафта может отождествляться с самыми разными, но общими

для «мирового тела» признаками: вулкан одновременно может быть и «зреющим нарывом», и «горной гортанью», и «кипящим соском»:

И чрез разрыв гортани горной.
Раздал громовый звук разящий <...>
Потом, как из сосца кипяща,
Отголе хлынули шесть токов [3, с. 137].

Отсюда вполне закономерно вести речь о театральности творчества Боброва, когда природа во всем многообразии стихий, реальная и воображаемая архитектура, живопись оказываются элементами сценографии природных и исторических драм. Из всех театральных жанров наиболее подходящим представляется опера, если учесть фонетические эксперименты поэта. На грандиозной крымской сцене идея движения в природе зримо приводит в движение ландшафт:

Стада, – сады, – и цветники,
Как на невидимых колесах.
Переселились в чужду область [3, с. 139].

Появление на сцене такого средства передвижения подчеркивает масштаб и величественность происходящего. Метаморфозы «на колесах», развертывая образ во времени и в пространстве, исключают внезапность, одновременно увеличивая его метафорический объем и закрепляя мифологическое отождествление флоры и фауны полуострова с гигантской колесницей, что подчеркивает оперный колорит. Давая определение жанра «Тавриды» как поэтической оперы, мы отдаем себе отчет в том, что сам путь к грандиозной оперной постановке среди девственной природы напоминает фильм В. Херцога «Фицкарральдо».

Громоздкая поэтика Семена Боброва была укрощена поэтической легкостью Александра Пушкина. В то же время литературная «кинопоэтика» имеет изначально крымское происхождение, и здесь Бобров, как это установлено Л. Зайонц, остается пока вне конкуренции. «Термин “кинопоэтика” (поэтика движения) был бы наиболее точным в применении к “Тавриде” и ее натурофилософскому пафосу: природа – развивающийся организм, в основе которого лежит принцип пространственно-временной непрерывности. Поэме предстояло создать образ живой многоликой природы, меняющейся на глазах читателя» [7, с. 261]. «Таврида» Боброва как исходная квинтэссенция Крымского текста устроена по принципу монтажа двух жанров:

«энциклопедического описания географии, геологии, флоры и фауны Крыма – и аллегорической повести о двух паломниках, мудреце и его юном ученике, символизирующих начальный и конечный пункты жизненного цикла».

Метафора «свиток природы» обретает свойства и работающей поэтической модели (аналогичной «великой цепи бытия»), и разворачивающегося экрана. Время повествования моделируется здесь как непрерывный пространственно-временной поток от восхода до заката. «...Эффект “зрительной” (пространственной) непрерывности обеспечивает, делегирует лирическому субъекту (автору) роль оператора-хроникера. Он следует как будто тем же маршрутом, что и паломник, но его точка зрения динамична и свободна, это взгляд киногероя, отличие которого от театрального персонажа формалисты увидят в том, что он “существует в безграничном пространстве и свободно в нем перемещается” [Эйхенбаум]» [7, с. 262].

Странствует не столько путник: «Здесь будут странствовать глаза / По разноте несметных зрелищ». Двигается «объектив», точка зрения, являющаяся главным героем описательной части поэмы. Иллюзия постоянного движения во времени и в пространстве поддерживается с помощью своеобразных «пешеходных» связей, которые ритмично распределены по всему тексту поэмы: «Пойду я к гладкой той равнине...»; «Что медлить? – поспешим отсель / На те утесы...»; «Переходя Услюски доли <...> / Я зрю еще два длинных мыса...», «Се! – пролегал путь к брегам – / Я темный путь туда приемлю...», «О сколь блажен тот, кто восходит / Сквозь чащу ивовых кустов / На верх твой гордый, Аргемыш...», «Но я теряюсь в океане Различных переменных видов».

Как подчеркивает Л. Зайонц, понятие «вид» означает не вид, перенесенный на живописное полотно, и даже не проекцию, полученную с помощью камеры-обскуры. У Боброва это поиск приемов, передающих глубину и многомерность пространства. «“Вид” Боброва – это переменный вид, т. е. и меняющийся, и увиденный с разных точек зрения. Его взгляд стереоскопичен: одну и ту же панораму он может дать в нескольких ракурсах, разными планами и в разном масштабе» [7, с. 263].

Передавая ошеломляющие размеры горы Чатырдаг, Бобров монтирует в одной строфе противоположные ракурсы – снизу вверх (когда

«Вершины, мнится мне, покрыты / Не рощами, а муравами») и сверху вниз («Дол, кажется, тогда усыпан / Не рощами, а мелким злаком»). «Таков средь гор сих глазомер!» – подводится в строфе итоговая черта.

Круговая панорама полуострова, над центральной частью которого автор «зависает», открывается в «ясном глазо-еме». Различаются «три шумящие пучины» у трех живописных береговых линий – западная (со стороны Евпатории), восточная (со стороны Судака) и берег Азовского моря. Для полноты впечатления задействован еще один нетривиальный ракурс – взгляд со стороны моря глазами пловцов, откуда «сей брег гористый» покажется вовсе неведомой землей, но – «сколь приятно заблужденье». Несмотря на наличие в «описательной» поэме вставного сюжета о возвращении из паломничества в Мекку героев, мудреца Шерифа и его ученика Мурзы, у Боброва принципом языковой организации материала выступают цепочные структуры, паратаксис или кумуляция (как переносит это, использованное применительно к сказке понятие В. Проппа на кинематограф К. Бандуровский [2, с. 4]).

В предыдущих работах мы уделили внимание историософским панорамам Боброва и описанию грозы над Крымскими горами, грозный глас которой – нечто сравнительное со «всеми звуками меди в дольнем мире». Продолжаются рассуждения о масштабах божественных жертв в ходе наказания отдельных преступников мысли (подробно описана гибель Г. Рихмана во время экспериментов с электричеством и сожаления М. В. Ломоносова по этому поводу). Также было сделано предположение, что многократное бобровское «ужель»-сомнение, подготовило *ужо*-угрозу пушкинского «Медного всадника», с тем отличием, что восстание духа Петра I против самоуничтожения «бесмертной самобытности» и «небопарной сущности» носит не гибельный, а воспитательный характер [10, с. 130].

Кинематографическое подтверждение данной гипотезы, если недостаточно филологических аргументов, стало бы возможным при использовании метода «наплыва», которому большое внимание уделяет К. Метц в книге «Воображаемое означающее». «В случае наплыва, который представляет собой наложение двух объектов, приближающееся по своему характеру к последовательности, так как один образ в конечном счете замещает другой, первичное тождество двух мотивов в меньшей степени является сгущением и в большей – смещением.

Но эти две фигуры имеют общим и то, что они в определенной мере используют перенос психической нагрузки с одного объекта на другой (устремляясь в направлении, противоположном любой дневной логике) и что в них в общих чертах или в остаточной форме может прочитываться предрасположенность первичного процесса устранить саму двойственность объектов, иными словами, установить вне делений, навязанных реальностью, те замкнутые магические круги, которых требует наше не способное ни к какому ожиданию желание» [12, с. 153].

Перекрещивающиеся природные и исторические классификации С. Боброва достигают, по нашему замыслу, интерпретационной кульминации при наплыве Крыма и Петербурга, что обосновано нами в идее генетического происхождения Крымского текста как южного полюса Петербургского текста. К. Метц показывает, как наплыв позволяет более детально и продолжительно, чем сами кадры (или явный обрыв), наблюдать движение, которым в фильме отмечен переход от кадра к кадру, когда момент перехода подчеркнуто растянут, что само по себе имеет значение металингвистического комментария.

3. Заключение

Показанная литературная кинематографичность текста намного опередила технологические возможности и эстетические принципы реального кинематографа, который, если вспомнить дихотомию Д. Вертова / С. Эйзенштейна, отчасти напоминающую лингвистическую полемику между «шишковистами» и карамзинистами», пошел по пути «психологического» кино, а не «киноглаза». Лишь сейчас, с появлением технологий 4D, становится технологически возможной экранизация С. Боброва.

Таким образом, локальный текст культуры демонстрирует развитие по диалогической схеме Вызова-и-Ответа как в вертикальном измерении локального и глобального знания, так и в измерении диалога жанров и видов, искусств и мифов. Результатом является тот уровень целостности, который и определяется сейчас как «текст культуры».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александровский И. Т. «Разбор поэмы: Таврида» // Северный Вестник. Ч. V. № 3. – СПб., 1805. – С. 301–311.

2. *Бандуровский К. В.* Принцип паратаксиса в современном кино // 100 лет русского формализма (1913–2013) // Международный конгресс к 100-летию русской формальной школы в гуманитарных науках. Москва, 25–29 августа 2013 г. : тезисы докладов. – М. : РГГУ, 2013. –
3. *Бобров С. С.* Херсонида. – СПб., 1804.
4. *Джеймисон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры : пер. с англ. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. – 414 с.
5. *Зайонц Л. О.* Пространственная вертикаль ‘тело – душа – дух’ в ландшафтных моделях Семена Боброва // Wiener Slawistischer Almanach. – 2004. – Vol. 54. – С. 79–92.
6. *Зайонц Л. О.* Naturanaturans: К поэтике антропоморфного пейзажа у Семена Боброва // На меже меж Голосом и Эхом : сборник статей в честь Т. В. Цивьян / Ин-т мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : Новое издательство, 2007. – С. 63–76.
7. *Зайонц Л. О.* «Говорящая природа» в кино-проекции Семена Боброва // Универсалии русской литературы. – Воронеж, 2012. – Вып. 4. – С. 258–270.
8. *Каганский В.* Краеведение – самосознание провинции и ее локальный текст // Диалог культур: поэтика локального текста : Материалы IV Международной научной конференции. 9–12 сентября 2014. – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2014. – С. 110–115.
9. *Люсый А. П.* Спасти Пушкинский мемориал // Литературная Россия. – 24.01.1986.
10. *Люсый А. П.* Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. – М. : Русский импульс, 2007. – 240 с.
11. *Люсый А. П.* Крымский текст русской литературы: история и современность // Лингвистические аспекты литературного перевода. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. – С. 161–171. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 11 (750) Сер. Языкознание).
12. *Метц К.* Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. – 336 с.
13. *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиогр. описание). – М. : Книга, 1988. – 558 с.
14. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 17 т. – М. : АН СССР, 1937–1959.

УДК 1/14+17+23/25

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии, доцент каф. мировой культуры ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: eperova71@list.ru

ТЕМА СТРАДАНИЯ И МУЧЕНИЧЕСТВА В ВЕРОИСПОВЕДАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ РУССКОГО НАРОДА

Семантическое поле мученичества затрагивает основные сущностные начала христианского вероисповедания. Страдание является одной из аксиом религиозного опыта, раскрывающих смысл православной культуры. Эта тема, особенно привлекавшая научное внимание отечественных мыслителей в послереволюционные годы, не менее актуальна и в настоящее время. Многоаспектное толкование и значение мученичества позволяет называть это явление в христианстве «тайной» и «таинством», указывающих на хрупкость человеческой природы и возможность преображения сознания.

Ключевые слова: мученичество; страдание; христианство; символ; религиозное мировосприятие; XX век; русская культура.

E. U. Perova

Associate Professor, Ph.D. (Culture Studies),
Culture Studies Department, MSLU; e-mail: eperova71@list.ru

MARTYRDOM AND SUFFERING ONE OF THE AXIOM OF RELIGIOUS EXPERIENCE IN RUSSIAN HISTORY

Semantic field of martyrdom touches on the basic essential beginnings of Christian confession of faith. Suffering is one of the axiom of religious experience, revealing the sense of Orthodox Christianity. This topic, that drew scientific attention of national sophists in post-revolutionary times, is still important nowadays. Multifold interpretation and the meaning of martyrdom permits to call this phenomenon in Christianity “mystery” and “sacrament”.

Key words: martyrdom; suffering; Christianity; symbol; religious perception of the world; the twentieth century; Russian culture.

Чадца мои!... Пусть «невместимой», «же-
стокой» кажется омирщенному пониманию
радость, черплющая себе источник в страда-
ниях за Христа, – но Мы умоляем вас... не от-
ходить от этой единственно спасительной на-
строенности христианина, не сходить с пути
крестного, ниспосылаемого нам Богом...

Святейший Патриарх Тихон

Я предвижу и восстановление мощной России... На костях мучеников... как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая – по старому образцу, крепкая своей верою...

Праведный Иоанн Кронштадский

Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу...

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

Семантическое поле мученичества затрагивает основные сущностные начала христианского вероисповедания. В христианстве присутствует особенное отношение к мученичеству. По подобию Христа и за Христа страдали первомученики; в Откровении и пророчествах говорится о сугубом значении мученичества в последние времена. О явлении мученичества говорит и Священное Писание и Отцы Церкви. Указание на страдание за Истину присутствует и в Ветхом Завете.

В новозаветные времена мученичество явилось непосредственным продолжением апостольского служения в мире (апостол значит «вестник»). Этим подвигом Христианская церковь «украшается» в течение всей своей истории, и в мирные времена, являя собой путь борьбы, это Церковь «воинствующая». Однако в религиозном сознании понимание противостояния переносится в духовное измерение, в пространство не внешней, а внутренней борьбы человека с греховным началом в нем самом, поэтому носит название «невидимой брони» «Весь смысл земной жизни – работа над собой и подчинение аппарата, воспринимающего внешние впечатления физического мира, аппарату духовных восприятий» (преп. Никодим Святогорец) [14, с. 197]. Отсюда становится неизбежной причастность мученичеству в той или иной степени для каждого христианина. Об этом напоминают и история, и современные проповедники. Преп. Силуан Афонский, с любовью молящийся за весь мир, говорил «о духовной войне»: «Сражение наше идет на каждый день и час» [15, с. 361]. А во 2-й половине XX в. иеромон. Серафим (Роуз) обращался к верующим: «Давайте все, кто хочет быть христианином, не ждать ничего от мира, кроме как быть распятым...» [7, с. 342].

Слово «мученик» в греческом языке означает «свидетель» (однако в этимологическом словаре М. Фасмера, например, эта связь

в соответствующей статье не указана). «Мученик – по раннехристианскому воззрению – это тот, кто соединяется теснейшим союзом с Богом, и тот, кто публично Его исповедует», «в ранней Церкви слово исповедника имело силу, равную благословию пресвитера или проречению старца», в том числе в решении важнейших церковных вопросов [7, с. 181, 235]. А страдание вменялось и тому, кто со-страдал (ср. житие вмч. Иоанна Воина, мч. Наталии и др.). Примеры бескровного мученичества часто встречаются в житиях «святых супругов, а также лиц, состоящих внешне в браке, но ведущих жизнь равноангельную» (например, мученицы Иулиана и Василисса; достаточно примеров встречается в XX в. на русской земле) [7, с. 269].

Христианское богословие отличает мученичество от других видов страдания и испытаний: «В лаконичных Актах мучеников нет ни пафоса, ни восторга – неверно сводить смысл мученичества к героизму: таких людей имели все религии ... Христианский мученик – не герой, а свидетель: принятием страданий и смерти он утверждает торжество Победы Искупителя» [7, с. 182]. Отмечается, что «героические личности» единичные случаи в мировой истории и не имеют массового характера, не определяют ментальность народа или конфессии. В то время как в христианском сознании мученикам присущи общие, типологические черты, куда включается и «малозаметное» мученичество.

В богословских работах по этой теме есть попытка соединения двух планов бытия – с одной стороны, необходимо указать основные особенности духовно-нравственной, этической стороны подвига, с другой – отметить сокровенный и мистический план. Так, духовно-нравственный смысл мученичества рассматривается и как «плод покаяния», мистическая сторона – в контексте дара свыше (так как своевольное «ввержение себя в скорби» – «безумие, гордыня и падение») [7, с. 197, 201]. Подобная полнота раскрытия явления присутствует не только в богословских, но и в богослужебных текстах, т. е. опыт переживания сакрального выражен также в обрядовой стороне жизни. Мученичество с раннехристианских времен обретает литургический смысл, становясь «мистическим элементом богослужения», кульминация которого, Евхаристия, в свою очередь, «возводит причастника к подвигу мученичества», напоминая о сущности христианства как шествию к воскресению через крестные страдания (что, в свою очередь, отсылает к парадоксальности христианского сознания, непостижимости путей Господних в образах мученичества).

Мученичество «раскрывается во времени и в вечности как созидание Церкви – града Божия. Кровь мучеников – это семя христианства...», что находит «свое непосредственное выражение в теснейшей, нерасторжимой связи свидетельства о Христе – и Евхаристии, мученичества – и священства, жертвы – и храма...» [7, с. 206–207]. Почитание святых мучеников в древней Церкви начиналось сразу после их кончины, причем страдальческий конец понимался как «самое совершенное выражение христианской святости» [10, с. 77]. Мощи мучеников в прямом и переносном смысле полагаются в основании храма, это «столпы и камень» Церкви, лежащие в основании созидания «истинного Града Божия» [7, с. 225].

Если не учитывать обозначенный мистический план, то можно не понять явление мученичества, которое определяется семантической взаимосвязью Креста, Воскресения, Евхаристии и страстотерпчества (вольного страдания). Необходимо помнить и о том, что религиозное сознание определяет смерть как рождение в новую жизнь, т. е. торжественное празднование (*natalitia, natalis*) [19, с. 881]. Это подтверждает и раннехристианская символика, в том числе распространенная форма «проросшего» креста как начала новой жизни.

Символика мученичества как основания Церкви велика; она присутствует в Откровении ап. Иоанна Богослова, где описываемый Небесный Иерусалим как храм Божий создается в конце истории не только проповедью благой вести (Евангелия), но и страданиями мучеников. Значение страданий для насаждения и хранения Рая (Отечества Небесного) отмечено в ветхозаветных фрагментах (например, Быт. 2, 10, 15), в воскресных канонах Октоиха и т. д. Символическая связь мучеников как столпов Церкви воплощается и в архитектурном пространстве храмов. Так, в базилике Преображения Господня Синайского монастыря св. вмч. Екатерины (VI в.) в каждой из двенадцати колонн (с изображениями в капителях раннехристианских символов) находятся мощи мучеников, при этом надо иметь в виду, что «колонна с капителью на языке символики означает и столп скинии, и – преимущественно – Райское древо» [1, с. 16]. Мощи мучеников полагались в византийской традиции и в кладке стен алтарных апсид. Сохраняется обычай основания престола храма на мощах мучеников (ср. Откр. 6, 9–11). Эта традиция прослеживается с того времени, когда в катакомбную эпоху литургии совершались на могильных плитах,

выполняющих функцию престолов. По воспоминаниям очевидцев, в советское время в Соловках, на месте жертвенника в алтарной части собора, используемого в лагерное время как карантинная рота, разместили архиереев.

Наряду с отмеченной символикой, мученичеству придавалось большое значение в вероисповедальной практике. При этом «узко-формальный подход в определении границ понятия “мученичество” оказывается не вполне уместным», – как замечают исследователи, относя к мученикам как свидетелям страстотерпцев исповедников, монашествующих и праведных людей [7, с. 265]¹. Вместе с тем, следует учитывать замечание, что в религиозном сознании не всякий испытывающий страдания мученик. Так, среди узников лагерей «уже в 30-е годы было немало бывших палачей, попавших под жернова той же репрессивной машины» [7, с. 281].

Таким образом, мученичество возможно и без кровопролития. Поскольку трагизм жизни определяется хрупкостью человеческой природы и уязвленностью ее злом: «Трагично страдание праведников и страдание всякого человека за правду ... что высокое и святое унижается, предается, распинается, а низкое торжествует...» [2, с. 471].

Бескровными мучениками также называют иночествующих. Монашество понимается так не потому, что человек лишает себя житейского комфорта, «это только путь к муке», «собственно же мука – это предстояние пред лицем своей (собственной) беспомощности и непрестанного лицезрения своего пленения силою страстей» [16, с. 41]. Святые Отцы указывают, что «можно вступать в мученический подвиг под руководством совести», что «монашество (и шире – аскетизм) есть подготовка, лестница к пролитию крови за Христа», поэтому сюда включены и борьба со страстями, и послушание, молитва, пост и т. д. (не случайно существует тип святости – преподобномученики) [7, с. 273, 278].

¹ В словаре В. И. Даля и в словарях русского языка советского периода времени отдельным значением уже предлагается светское широкое толкование этого понятия (например: «Я представлял себя каким-то героем, мучеником, о которых я читал и слышал, страдающим за истину, за правду». С. Аксаков. Детские годы Багрова внука; «Иногда я думаю об ушедших великих людях, о мучениках науки». А. Куприн. Поединок) и в значении канонизированного Христианской Церковью святого.

В целом подвижничество можно рассматривать как путь к мученичеству. Иером. Василий (Росляков) до своей мученической кончины (+ 1993) записывал в дневнике, что подвиг состоит в том, что «монах добровольно подставляет грудь мечу слова Божия, и тот ... обнажает и будит помышления сердечные; это все ... реально, и болезненно, и мучительно» [16, с. 142]. Названными аспектами подчеркивается, что мученики несут в себе, продолжая и в наши дни вероисповедальную традицию первых веков, *свидетельство* религиозного опыта.

Мученичеству присваивается не только пролитие крови, но и терпение скорбей. Об этом писал свят. Игнатий (Брянчанинов), предвидя подвиг христиан грядущих времен, который сопряжен с мученичеством, подобно томлению Лота в Содоме при виде непрерывного разврата, «наш подвиг имеет цену перед Богом: на весах Его взвешены и немощь наша, и средства ниша, и обстоятельства, и самое время» [6, с. 139]. Ко всем отмеченным проявлениям относятся евангельские слова: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24, 13).

Мученичество связывают и с идеей послушания. Именно в отечественной истории достаточно распространен тип святых страстотерпцев (в том числе первые русские святые Борис и Глеб (+1015), кн. Игорь Черниговский (+1147), кн. Андрей Боголюбский, (+1174), кн. Михаил Тверской (+1319), царевич Димитрий (+1591), в год двухтысячелетия от Р. Х. была канонизирована Царская семья и др.). Не случайно в церковнославянском языке есть, наравне с таким понятием, как «страннолюбие», «мучениколюбие». Важно отметить, что в особенно трудный для русской истории послереволюционный период тема мученичества и страстотерпчества привлекает внимание отечественных историков и философов. Г. П. Федотов замечает, что именно страстотерпцы в ментальности народа стали одним из самых почитаемых святых, «чрез жития святых страстотерпцев, как чрез Евангелие, образ кроткого и страдающего Спасителя вошел в сердце русского народа навеки как самая заветная его святыня...» [17, с. 36]. Это – чин святости рожден именно в сознании русского народа¹. Этот

¹ Несмотря на то, что и до св. Бориса и Глеба в русской истории были мученики за веру, именно они были первыми канонизированными святыми, «первыми венчанными избранниками Русской Церкви, первыми чудотворцами ее и признанными небесными молитвенниками «за новые люди христианские»), «подвиг непротivления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещенного русского народа» [17, с. 25, 35].

чин святых самый парадоксальный, их мученичество лишено всякого подобия героизма, при этом «святые “непротивленцы” по смерти становятся во главе небесных сил, обороняющих землю русскую от врагов» (пример явления накануне Невской битвы св. Бориса и Глеба) [17, с. 32, 36].

В советское время не случайно теме мученичества был посвящен труд свящ. Сергия Мансурова, в котором он пишет: «В своей побеждающей смерти любви, в своих страданиях эти мученики – мужчины, женщины, дети христианские – все более соединялись со Христом, в самых страданиях обретая величайшую радость. Так что особенностью христианских мучеников была любовь и именно *особая благодатная радость*... Страдания и смерть не просто переносились ими как тяжелое и неизбежное зло, а попирались царственно любовью и благодатью» [9, с. 27–28]. Жизнь автора этих слов также носила отпечаток мученичества, слова о котором есть выражение собственного опыта и переживания¹. Как и сохранившиеся слова в эпистолярном наследии многих узников XX столетия русской истории. Священник Иоанн (Стеблин-Каменский) писал родным и близким людям из Соловецкого лагеря: «За время своего пребывания на Соловках я почти ничего не читал, ничему не научился, многое забыл, во многом опустился, но Господь утешил меня именно тем, что мне, быть может, теперь особенно нужно. Я приобрел ... твердую уверенность в благой целесообразности всего совершающегося с нами. Это не значит, что мне не хочется домой, и что я мало чувствую скорбь длительной разлуки со всеми мною любимыми; нет – мне просто стало понятно, что скорби не только могут сопутствовать христианину на его земном пути, но прямо являются естественными его спутниками» [14, с. 197] Удивительно и то, что в мемуарной литературе нередко встречаются указания, что в начале XX в. будущие исповедники внимательно относились к повествованиям о мученичестве раннехристианской Церкви. «В детстве и отрочестве, – писал из заключения священномученик Вениамин Петроградский (+1922), – я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел всей душой, что времена не те... Времена переменялись, открывается

¹ С. П. Мансуров после революции жил в Сергиевом Посаде, как о. Павел Флоренский, В. В. Розанов и многие выдающиеся люди того времени. О его жизни можно судить и по воспоминаниям дочери В. В. Розанова [13].

возможность терпеть ради Христа... Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога» [5, с. 7]. Это также свидетельствует о преимуществах религиозной традиции и вероисповедального опыта в XX в.

В мировой истории человечества были периоды, когда мученичеству отдавали дань отдельные этнические общности. В конце Новейшей истории Голгофский путь стал достоянием русского народа. «К концу своей тысячелетней истории Русская Церковь взошла на свою Голгофу» [7, с. 13]. Причем в случае мученичества рождение в новую жизнь, крещение кровью освящает не одного человека, но всю землю, бытие народа. Можно вспомнить наименование Соловецкого архипелага после того, как в течение нескольких десятилетий там располагался лагерь особого назначения, и до сих пор не уточнено огромное количество жертв, – «антиминсом земли русской» (архимандрит Иоанн (Крестьянкин)). Более чем за три столетия до многострадального в отечественной истории XX в. насельнику Соловецкой обители преп. Иову Анзерскому было откровение о том, что гору на острове следует назвать Голгофой и настанут времена, когда люди будут здесь умирать в больших количествах [11, с. 544–559].

Таким образом, мученичество прямо связано с эсхатологическим мотивом (об этом говорят мученические акты, Апокалипсис, литургические тексты). В христианском сознании жизнь открывается через смерть, об этом «таинственном парадоксе» пишет прот. Георгий Флоровский [18, с. 182]. Важно отметить, что в «обратной перспективе» христианского мировосприятия мученики становятся победителями, подобно тому, как Крест есть одновременно орудие страдания и спасения.

В XIX в., напоминая о святоотеческом наследии («Познается человек, о котором особенно печется Бог, по непрестанно посылаемым ему печалям», преп. Исаак Сирийский), епископ Игнатий (Брянчанинов) обращался к современникам: «Слава Богу за все скорбное, случающееся с нами ... кто живет бескорбно, тот забвен Богом» [6, с. 270]. Отметим, что в это же время появляется Баллада о Кресте В. А. Жуковского.

В послереволюционные годы, особенно в среде русского зарубежья, начинает осмысляться проблема мученичества и страдания, что открывает многие стороны этой темы, которые так или иначе комментируют канонические фрагменты: «Многими скорбями подобает нам

внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22), «аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется во вся дни» (2 Кор. 5, 16) и др. Мученичество называют «проповедью Евангелия», наибольшим совершенством и полнотой добродетелей, отсылая к священному тексту о «послушании даже до смерти» (Флп. 3, 14), сравнивая с совершенной любовью, которая изгоняет страх (1 Ин. 4, 18), не отпадает от Истины (1 Кор. 13, 8), поскольку любовь побеждает смерть человеческого «я», эгоцентризм.

И. А. Ильин рассматривает страдание как одну из аксиом религиозного опыта, говоря о священном его смысле, очищении через страдание, идее преодоления, с которой начинается творческое одухотворение и просветление человека: «Мы обязаны страданию всем, что было творческого в истории. Страдание есть соль жизни; и в то же время – ее стремящая сила; учитель меры и веры ... спасающий ... от пошлости и очищающий ... от греха» [8, с. 341, 344].

С этой позицией перекликаются размышления (сборник «Вечное в русской философии») Б. П. Вышеславцева, который говорит о «чуде трагизма», о том, что «трагическое противоречие всегда принципиально разрешимо», что «история есть трагедия и построена только в категориях трагического как трагедия свободной судьбы, которая конструируется и избирается не иначе, как верою», что «трагический конфликт» может стать «источником мудрости, ибо он пробуждает и очищает дух и требует решения» [4, с. 24, 163, 257]. «Смысл христианства, смысл великой религии, состоит в том, что она переживает и разрешает глубочайшие противоречия, глубочайшие трагизмы бытия. Наличие «глубочайшего внутреннего противоречия», установление антиномии, есть признак подлинного откровения, подлинной философии...», – пишет Б. П. Вышеславцев [4, с. 206].

Смысл трагизма связан с «великой победой»: «Девятнадцать веков тому назад ... произошла самая совершенная победа над злом и смертью ... завершившаяся Воскресением», – то, что для религиозного сознания дает «радость освобождения» [2, с. 472]. В этом пространстве, как отмечается (см.: [2; 12]), важна иерархическая соотнесенность («умение понять ничтожность и временность зла, которое для “внешнего” глаза кажется “торжествующим”») [2, с. 472]).

Именно в XX в. в исследованиях и размышлениях о смысле жизни и страданий, появляется мотив «узнавания» Истины, законов

«возвышенного и святого» (Б. П. Вышеславцев) за внешней, «человеческой» логикой восприятия; раскрывается вместе с этим идея преображения сознания.

Архимандрит Константин (Зайцев) выделяет в заглавии своей работы «два полюса, между которыми движется человек на земном пути жизни»: «страдание к смерти и страдание к жизни» [3, с. 121, 126]. Поскольку страдание – удел каждого человека, важно свободно определиться в отношении к нему. «В горниле страдания человек может “переплавиться” в чистое золото, но может и обуглиться. Страдание может возводить человека на гору Фаворскую, но может погружать и в уныние, во мрак, в злобу, в отчаяние», поэтому страдание нельзя рассматривать как универсальный путь ко спасению и отношению к нему надо учиться, «надо научиться страдать» [3, с. 137]. Первый пример несения Креста был показан Богом и человеком: обессиленному Спасителю вынужден был помогать Симон из Кириanei, которому сначала казалось это действие оскорбительным. Но с ним произошла перемена. Сначала озлобленный, он противился нести крест, а позже охотно и радостно понес его. Впоследствии он приходил к апостолам, крестился, был епископом и окончил жизнь мученической смертью. Этот пример был прообразом всей последующей истории христианства: несения креста каждым человеком, столь необходимым и неизбежным, что без этого терялось значение существования вообще. Размышления об этом встречаем и в литературе XX в.: «И будет мучить до изнеможенья / Проклятого вопроса немота, / Покуда контур твоего служенья / Не примет очертания креста» (И. Языкова. Как странно, что нам...).

Протопресвитер Василий Зеньковский тему крестоношения включает в «принципы православной антропологии», раскрывая смысл православной культуры. Антиномичность, конфликтность и напряженность проблемы снимается свободным примирением с судьбой, промыслом (о чем в то же время рассуждал А. Ф. Лосев): «В диалектике исканий часто мятущейся, часто пугающей самое себя души раскрывается наш “крест”, который нужно принять, чтобы ... принять участие в спасении и преображении мира и людей», хотя страдания и трудности являются не «сущностью» креста, а лишь его проявлением и почти всегда неизбежны в движении человека к премудрости Божией [12, с. 236, 239].

Человеку «бесконечно трудно» принять и действительно «похристиански понести свои скорби и болезни! Это – подвиг... мученичества» [3, с. 135]. В обратном случае испытание страданий может быть «безблагодатным, унылым, духовно-бесперспективным и безнадежным» (архимандрит Константин (Зайцев) приводит в пример малоизвестного философа В. П. Преображенского, сказавшего в одной из статей: «Так и влачим мы наше больное существование, жалкие страдальцы собственного бессилия, вечные мученики без мученического венца») [3, с. 136]. В ходе мировой истории постепенно мысль человека уходит от Бога, осознания своей греховности и борьбы с ней. В связи с этим «все больше укореняется и укрепляется мысль о неоправданности, ненужности, бессмысленности страдания» [3, с. 121]. Человек отдается заботам о созидании окружающего мира, человек не замечает, как «неумолимо из всего этого обилия ума, красоты, комфорта, научной изобретательности, из всего этого цветения человеческой культуры, направленной на то, чтобы увеличить радость на земле и удалить или хотя бы ... заглушить страдание», рождается вместе с тем, и ширится в мире зло [3, с. 125].

Особое значение мученичества связано с тем, что оно свидетельствует о «последних» временах. В этом присутствует, с одной стороны, напоминание о необходимом бодрствовании, горении, необходимости живого переживания религиозного опыта, с другой – о том времени, о котором первые христиане восклицали: «Ей, гряди, Господи!», т. е. о чаянии приближения конца земной истории. Согласно «обратной перспективе» (о. Павел Флоренский) и парадоксальности религиозного мировосприятия, грядущие времена не обещают «светлого будущего», напротив, грядущее совершенство духовного пространства (поскольку акцент во всех проявлениях человеческой жизнедеятельности в христианстве смещается на духовное начало) соединено с сугубым мученичеством о вере, что различно проявляется, от мученической смерти до стойкости в вере и терпения болезней и любых проявлений «лежащего во зле» мира.

Духовное возрождение, изменение «внутреннего» человека осуществляется через страдание и испытание (на это можно найти указания не только в богословской литературе, но и в работах по философии, психологии и т. д.). Тема очищения через страдания прослеживается в историософских сочинениях XX в., авторы которых

пытались понять и объяснить немислимые и необъяснимые человеческой логикой события, происходившие в XX столетии в России.

Столь многоаспектное толкование и значение мученичества позволяет называть это явление в христианстве «тайной» и «таинством» [7, с. 250]. Однако следует иметь в виду, что пространство сокровенного значения мученичества находится исключительно в церковном сознании. Здесь мы отмечаем лишь уместность и необходимость учитывать указанные два пласта в объяснении любого явления, связанного с религиозной сферой, а следовательно, и с русской культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алфеева В. А.* Паломничество на Синай. – М. : Крутицкое патриаршее подворье : Грааль, 1998. – 170 с.
2. *Архиепископ Иоанн Сан-Францисский.* Избранное / сост., авт. вступ. ст. Ю. Линник. – Петрозаводск : Святой остров (Фонд культуры Карелии), 1992. – 575 с.
3. *Архимандрит Константин (Зайцев).* Чудо русской истории. – М. : НТЦ Форум, 2000. – 863 с.
4. *Вышеславцев Б. П.* Этика преображенного Эроса / вступ. ст., сост. и комм. В. В. Сапова. – М. : Республика, 1994. – 368 с.
5. Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века // Православная Москва. – 2000. – № 17 (227). – С. 6–9.
6. *Епископ Игнатий (Брянчанинов).* Письма о подвижнической жизни. – Париж–Москва, 1996. – 430 с.
7. Жизнеописание Оптинских новомучеников иеромонаха Василия, инока Ферапонт, инока Трофима. Благословенно воинство (Мученичество в жизни Церкви). – Изд-е 2-е исправленное. – Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2003. – 352 с.
8. *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта : в 2 т. / сост. и автор вступ. ст. И. Н. Смирнов. – М. : ТОО «Рарогъ», 1993. – 448 с.
9. *Мансуров Сергей,* свящ. Очерки по истории Церкви. – М. : Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. – 288 с.
10. *Мейендорф Иоанн, протопресв.* История Церкви и восточно-христианская мистика. – М. : Св.-Тихоновский Богословский ин-т : ДИ-ДИК, 2000. – 245 с.
11. *Осипенко М. В.* Соловецкая обитель: история и святыни : книга паломника. – Соловки : Издание Соловецкого монастыря, 2014. – 676 с.

12. *Протопресвитер Василий Зеньковский*. Смысл православной культуры / сост., предисл. В. Л. Шленова. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 272 с.
13. *Смирнова Т. В.* «...Под покров Преподобного». Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. – 312 с.
14. Соловецкие новомученики / сост. игумен Дамаскин (Орловский). – Москва – Соловки : Издание Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря, 2009. – 448 с.
15. Старец Силуан Афонский. – М. : Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, 1996. – 464 с.
16. Ты испытал меня, Боже, и знаешь...: Жизнеописание иером. Василия (Рослякова). – М. : Святитель Киприан, 2001.
17. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси / сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. – М. : Изд-во АСТ, 2003. – 700 с.
18. *Флоровский Георгий, прот.* Догмат и история / сост. Холмогоров Е. М. – М. : Св.-Владимирское братство, 1998.
19. The Oxford Dictionary of the Christian Church / Ed. F. L. Cross and E. A. Livingstone. – London : New York, OUP, 1974. – 2nd ed. – xxxi + 1518 p.

УДК 008

М. А. Полетаева

кандидат культурологии, доцент,
зав. кафедрой мировой культуры МГЛУ; e-mail: m.poletaeva@mail.ru

ИММИГРАНТЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОЦЕССЕ. ОПЫТ ФРГ

В статье предпринята попытка на примере Германии определить внутренние закономерности культурного процесса современной Европы, связанные с изменением этнического состава государств-наций. В качестве объекта исследования – ситуация мультикультуральности, сложившаяся в ФРГ в последней четверти XX в. Предметом изучения является взаимодействие автохтонного и иммигрантского населения Германии. В ходе исследования были выявлены черты немецкой идентичности, препятствующие интеграции иностранцев в принимающее сообщество, рассмотрена миграционная политика немецкого правительства и проанализирована общественная риторика по данному вопросу.

Ключевые слова: иммигранты; интеграция; мультикультурализм; ЕС; Германия.

M. A. Poletaeva

Ph.D. (Culture Studies), Ass. Prof.,
Head of the Culture Studies Department, MSLU;
e-mail: m.poletaeva@mail.ru

IMMIGRANTS IN EUROPEAN CULTURAL PROCESS. GERMAN EXPERIENCE

The article intends to define key directions in European cultural process, that emerged after the shift in ethnic composition of nation-states. The studied object is situation of multiculturalism in Germany, that exists from the late 1970-ties. Interaction of majority population with immigrants was chosen as a subject matter. The research touches upon certain peculiarities of German national identity, that hinder integration of foreigners, as well as governmental migration policy and public debate on the issue.

Key words: immigrants; integration; multiculturalism; EU; Germany.

С момента заключения Вестфальского мира (1648) шел процесс конструирования единой немецкой идентичности, которая должна была стать первостепенной по отношению к сильно развитой региональной. При создании Германской Империи (1871) нациеобразующая концепция *das Volk* (*народ*) основывалась на этничности, общем языке и кровной связи всех членов нации, т. е. была изначально идеологизирована и включала биологические характеристики [3].

После поражения в двух мировых войнах немцы отказались от военного пути решения конфликтов, на котором основывался экспансионизм как прусского империализма, так и нацистской Германии. Согласно опросам, проведенным Еврокомиссией в 2012 г., для 53 % немцев сохранение мира является главной жизненной ценностью (средний процент для других стран ЕС – 35) [9]. Подтверждением тому служит поддержка гражданами позиции бывшего канцлера Г. Шредера (СДПГ) по невмешательству Германии в военный конфликт в Ираке в 2003 г., а также общественное осуждение задействования контингентов Бундесвера в северных районах Афганистана.

В 1979 г. Ю. Хабермас и Д. Штернбергер сформулировали альтернативную этнической идентификации теорию *Verfassungspatriotismus* (конституционный патриотизм) [3]. Согласно этой теории, национальная принадлежность основывается на общих политических ценностях (например, демократии и свободе слова), а не на едином происхождении и языке. В ключе данной теории, Закон о гражданстве, принятый правительством Г. Шредера в 2000 г., утверждает *Ius Soli* (право почвы) и позволяет неэтническим немцам стать гражданами Германии. Отказавшись от *Ius Sanguinis* (права крови) как исключительного критерия гражданства, коалиционное правительство красно-зеленых получило широкие возможности для контроля этнонациональной ситуации в стране. Процедура натурализации предполагает выполнение определенных требований: проживание на территории Германии не менее 8 лет, сертификат о достаточно хорошем знании немецкого языка, финансовая самостоятельность, лояльность конституции, прохождение теста на гражданство и отказ от гражданства страны происхождения. Новый закон фактически стал инструментом для ограничения потока неквалифицированных мигрантов в ФРГ [1]. С 2005 г. действует Закон об управлении и ограничении иммиграции, облегчающий въезд высококвалифицированных мигрантов из государств, не входящих в ЕС, в частности из стран Восточной Европы и Азии. Им гарантирована помощь в интеграции, которая осуществляется с помощью специальных курсов, предполагающих 600 часов немецкого языка и ориентационный курс об истории, культуре и правовой системе Германии. Интеграционный курс заканчивается экзаменом, который необходимо сдать в определенные сроки. Незнание языка – один из главных барьеров на пути к интеграции. В этом отношении

ситуация в Великобритании, Нидерландах и Франции значительно проще: бóльшая часть мигрантов, прибывающих с территории бывших колоний, владеет языком метрополии.

Одной из экономических причин принятия Закона о гражданстве стало изменение демографической ситуации, потребовавшее увеличение доли иммигрантов в налоговых выплатах. В то же время иностранцы получили ряд существенных преимуществ: во-первых, как граждане Германии они имеют право работать в государственных структурах, во-вторых, сокращение расходов работодателя (прежде обязанного удостовериться, что на должность нет соискателя из страны ЕС) делает кандидатуру новых граждан привлекательнее, в-третьих, наличие гражданства у иммигранта говорит о его мотивированности и обладании определенными навыками [6]. Таким образом, натурализация стала не только поощрением иностранцев, но и действенным механизмом интеграции.

Несмотря на очевидные преимущества получения гражданства, динамика натурализации в Германии существенно снизилась с момента принятия Закона: если в 2000 г. на 1000 иммигрантов приходилось 187 человек, получивших гражданство, то в 2008 г. этот показатель снизился в два раза. На 2010 г. 105 из тысячи иммигрантов получили немецкий паспорт [8]. Подобная ситуация может быть обусловлена следующими факторами:

- бюрократические сложности и недостаток информированности;
- нежелание иммигрантами принимать гражданство другой страны, становясь, таким образом, предателями родины;
- неприятие местным населением мусульман, составляющих большинство иммигрантского населения;
- частое чувство дискриминированности;
- запрет двойного гражданства.

К 2010 г. 8,6 млн иностранцев имели немецкое гражданство, что соответствует чуть больше 50 % от общего числа. При этом в СМИ мигрантов даже во втором и третьем поколении определяют выражением *Menschen mit Migrationshintergrund* (люди с миграционным происхождением). Группа *Migrationshintergrund* насчитывает 15,7 млн человек (19,3 % населения) и объединяет трудовых мигрантов, беженцев, евреев из Восточной Европы и с территории бывшей СССР (*Kontingentflüchtlinge* / квотированные беженцы) [11]. Таким образом,

данный термин упрощает конструирование «они»-группы по этническому основанию, позволяя формировать монолитный, антагонистический коренным немцам, образ мигрантов.

Фактически Германия стала иммигрантской страной с момента подписания трудовых договоров по рекрутированию с Италией (1955), Грецией и Испанией (1960), Турцией (1961), Марокко (1963), Португалией (1964) и Тунисом (1965). За прошедшие 50 лет в ФРГ успело вырасти три поколения иммигрантов, которые воспринимались большинством как гастарбайтеры, т. е. временно работающие на территории страны. В связи с этим не было принято никаких мер по их интеграции в принимающее сообщество. Разговоры о мультикультурализме впервые зазвучали в 1960-х гг. в Канаде и США – государствах, изначально сформированных на основе полиэтничности. В 1980-е гг., когда «обратная колонизация» бывших метрополий (Великобритания, Франция, Нидерланды) достигла известных пределов, о равенстве и сосуществовании культур заговорили в Европе. Однако в Германии эти идеи популярностью не пользовались.

В 1973 г. официально завершилось рекрутирование рабочих и введен запрет на свободный въезд и выезд из Германии трудовых мигрантов. Только половина из 4 млн иммигрантов покинули страну, – остальные предпочли перевезти в ФРГ членов своих семей. Бывшие гастарбайтеры с родственниками стали заселять дешевые районы немецких городов. Такой принцип расселения заложил основу ныне критикуемому феномену *Parallelgesellschaften* (параллельных сообществ), однако в 1980-е гг. это не вызвало беспокойства ни у правительства, ни у общественности [5]. Сегодня большинство турецких иммигрантов живут в промышленно развитых районах Дюссельдорфа, Кёльна, Дуйсбурга, Гамбурга, а также в городских агломерациях Берлин и Мюнхен. На территории бывшей ГДР практически нет турецких общин. Геттоизированные иммигрантские районы имеют привычную для приезжих инфраструктуру. Воспитание детей происходит внутри коммун и часто не выходит за пределы институтов первичной социализации. Необходимость поддерживать чувство инаковости, являющееся основой для объединения в коммуны, приводит к консервации традиционно-общинных отношений, препятствуя индивидуальной интеграции представителей разных культур в гражданское общество. Такая система проживания стимулирует развитие коммунитарной идентичности и подавление индивидуальной [5].

Вторая волна иммиграции из Турции была вызвана государственным переворотом 1980 г. и гражданской войной на юго-востоке страны: около 125 тыс. турецких и курдских оппозиционеров прибыли в Германию в качестве беженцев. Среди них выделялась большая группа иезидов, которым было предоставлено убежище по причине религиозного преследования. Курды прибыли также с территорий Ирака, Ирана и Сирии. По сравнению с другими западными странами, в Германии сегодня проживает самая большая курдская диаспора. Примерно 35 тыс. ассирийцев бежали из Турции и Ирака в Германию и сформировали общины в Берлине и Майнце. Свою коммуну образовали также алевиты. Помимо турецких общин, в Германии проживает самая большая в Европе афганская диаспора. Если в 1950–1970-е гг. иммигрантами из Афганистана были в основном студенты и бизнесмены, то вторая волна была спровоцирована введением советских войск в 1979 г. и состояла из беженцев [3]. Из-за конфликтов в бывшей Югославии и на Балканах множество мусульманских беженцев из Албании, Косово, Македонии и особенно из Боснии и Герцеговины прибыли в Германию в течение 1990-х гг. В середине 1990-х гг. от гражданской войны и талибов в Германию бежали афганцы. За исключением трудовых мигрантов из Марокко и Туниса, большинство арабских иммигрантов были беженцами. Именно они вызывали недовольство немцев, видевших в действиях арабов стремление к экономической выгоде, а не спасение жизни.

В 1993 г., вскоре после серии нападений и убийств мигрантов в разных частях Германии праворадикальными и неонацистскими группировками, федеральное правительство ужесточило иммиграционное законодательство и ограничило право предоставления убежища. Согласно ему, федеральные службы имеют право прямой репатриации беженцев, которые прибыли с территории какой-либо третьей страны. В силу географического положения Германии, минуя третьи страны, в ФРГ можно прибыть только по воздуху. В аэропорту рассматриваются причины обращения за политическим убежищем. В случае отказа также предусмотрена немедленная репатриация [3]. По данным ОЭСР за 2012 г., больше всего заявлений на получение политического убежища в ФРГ запрашивают граждане Афганистана, Сербии, Ирака, Ирана и Сирии [8]. При этом в 2011 г. Германия стала второй по популярности страной среди беженцев, получив 24 575 прошений (на

первом месте Франция – 34 550 тыс.). Из них было одобрено всего 3 370 (во Франции – 6 125) [7]. В 2010 г. было подписано Соглашение между Косово и Германией о репатриации беженцев: планируется переселение 12 тыс. человек – по 2,5 тыс. ежегодно [3].

Ключевым моментом в отношениях иммигрантов и немцев, как и других европейцев, стали теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. В общественных дискуссиях трудовые мигранты, прежде обозначавшиеся как турки, стали именоваться мусульманами. Эти два маркера различия стали взаимозаменяемыми и контекстуально усиливали друг друга. Привлечение внимания к религиозной принадлежности иммигрантов перенесло социальные конфликты в область культуры. При этом социальная и экономическая среда происхождения рабочих (как правило, сельская беднота) полностью выпала из общественного дискурса. Мусульмане, прежде рассматриваемые как жертвы нападений праворадикалов и неонацистов, стали сами восприниматься как агрессоры. Формирование образа мусульман как нетерпимых радикалов имеет компенсаторную функцию для этнических немцев, страдающих комплексом вины после Второй мировой войны. По данным Мюнстерского университета, более 75 % немцев ассоциируют ислам с угнетением женщин, примерно 70 % с фанатизмом и менее 10 % с толерантностью и уважением прав человека [10]. В 2006 г. газета *Zeit* вышла под заголовком «Die Offensive des Islamo-Faschismus» (атака исламо-фашизма). Образование такого термина и употребление его в официальной прессе подтверждает гипотезу об облегчении груза вины. Антисемитизм мусульман, усиливающийся в периоды эскалации арабо-израильского конфликта, часто становится предметом научных конференций Центра исследований антисемитизма в Берлине. При этом мусульманские представители и либеральные немецкие социологи указывают на сходство современной антимусульманской и антисемитской риторики конца XIX – начала XX вв. [4].

Турки – не единственные представители мусульман в Германии, и многие из них вообще не исповедуют ислам. Однако в условиях изолированности и постоянного противопоставления большинству, религиозность общин неуклонно растет: так, большинство иммигрантов первого поколения были секулярны, а сегодня практически треть немецких турок регулярно посещают мечеть (самый значительный показатель по Западной Европе). В равной мере женщины в первом

поколении мигрантов не носили платков, их дочери же всё чаще надевают хиджаб [2]. Но на пути интеграции иммигранты сталкиваются прежде всего с социальными и экономическими трудностями, общими и для немцев из социально-депривированных сегментов общества. Так, по данным федеральной службы статистики, у 15,3 % жителей с миграционным происхождением нет школьного образования, у 45 % нет профессионального образования, 11,5 % мигрантов в возрасте от 25 до 65 лет безработные, а 26 % живут на грани бедности [11]. В дискуссиях об иммигрантах и интеграции на первый план выходит концепция толерантности, при этом ключевым слоганом является *keine Toleranz für Intoleranz* («нет терпимости к нетерпимости»), отсылающий к истории Веймарской республики, когда чрезмерная лояльность правительства к различным политическим течениям допустила приход национал-социалистов к власти [3]. При этом всё больше говорится не об отказе от дискриминации, а о границах терпимости и определении круга лиц, к которым можно такую терпимость проявлять. Так, нерелигиозные мусульмане принимаются в обществе лучше, чем религиозные, индивидуумы предпочитают группам, суннитские организации представляются патриархальными и отсталыми, а алевитские имеют имидж терпимых и либеральных. В функционирующей с 2006 г. в Северной Рейн-Вестфалии немецкой исламской конференции принимают участие различные мусульманские организации, но большая часть членов – частные лица, многие из которых не религиозны или открыто критикуют ислам.

В августе 2010 г. член правления федерального банка Тило Саррацин, выпустил книгу «Deutschland schafft sich ab» («Германия самоликвидируется»), где высказал опасения, что следующее поколение немцев будет «жить в ритме призывов муэдзина». Автор также делает одиозные заявления о «неинтегрируемости» мусульманских иммигрантов (в отличие от азиатских) и уровне рождаемости, сильно превышающем их интеллектуальные способности. Книга вызвала широкий резонанс в прессе и обвинялась в расизме, основанном не на биологическом, а на культурном и экономическом превосходстве. В ноябре того же года канцлер Ангела Меркель заявила о провале мультикультурализма и призвала иммигрантов проявлять больше активности в стремлении интегрироваться и получить образование, подтвердив таким образом общественный стереотип о нежелании

иностранцев входить в немецкое общество. Ядром интеграционной политики партии ХДС была идея *Fördern und Fordern* (поддерживать и требовать), но на практике требования значительно преобладают над помощью [1]. В то же время канцлер подтвердила высказывание бывшего президента Германии Кристиана Вульфа о том, что ислам стал частью Германии, а немецкий рынок труда по-прежнему нуждается в иностранных работниках. В ноябре 2010 г. состоялась встреча Ангелы Меркель с турецким премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом, на которой главы правительств обещали и впредь содействовать интеграции 2,5 млн немецких турок.

Германия, как и другие страны ЕС, столкнулась с проблемой интеграции мигрантов. Однако, в отличие от Нидерландов, Франции или Великобритании, у ФРГ не было опыта взаимодействия с иммигрантами из колоний, поэтому правительство страны долгое время не проводило никакой интеграционной политики. Национальная идентичность немцев, основанная на праве крови, воплощается в термине «*Migrationshintergrund*». Тем не менее принятие нового закона о гражданстве означает признание Германии иммигрантской страной. Утверждение этого статуса изменило социальную жизнь Германии и открыло дискуссию о необходимости интеграции на федеральном уровне. Немецкое общество, отказавшееся от милитаризма и всецело ориентированное на ценности мира, крайне негативно оценивает агрессивное поведение мусульманских общин в Европе и воспроизводит стереотип об исламофашизме, приписывая арабам в ФРГ антисемитизм, гомофобию и шовинизм. При этом антиисламская риторика в стране имеет много общего с антисемитской риторикой начала XX в. Находясь в ситуации демографического кризиса, ФРГ продолжает принимать иностранных рабочих, пытаясь с помощью законодательства стимулировать высококвалифицированную миграцию. Взаимодействие иммигрантского и автохтонного населения достаточно сложно регулировать, но Германия встала на путь проведения последовательной политики по интеграции иностранцев в немецкое общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bade K. J.* Migration, Integration und kulturelle Vielfalt: historische Erfahrungen und aktuelle Herausforderungen. – URL : <http://kjbade.de/bilder/CarpenbergPublikation.pdf> (Дата обращения 20.09.2016).

2. *Malik K.* Das zwangsläufige Versagen der Multikulti-Politik. – URL : <http://diepresse.com/home/meinung/debatte/608155/Das-zwangslaefuige-Versagen-der-MultikultiPolitik> (дата обращения 08.10.2016).
3. *Miße N.* Tolerance and Cultural Diversity Discourses in Germany. – URL : http://www.culturalpolicies.net/web/files/47/en/Book_Accept_2012.pdf(дата обращения: 11.10.2016).
4. *Ruf W.* Europa – Haus der Kulturen? – URL : http://www.werner-ruf.net/pdf/Europa-Haus_der_Kulturen.pdf (дата обращения: 14.10.2016).
5. *Schiffauer W.* Migration und Kulturelle Differenz. – URL : http://www.kuwi.europa-uni.de/de/lehrstuhl/vs/anthro/inhaber/publikationen/publikonline/Migration_und_kulturelle_Differenz.pdf (дата обращения: 01.10.2016).
6. OECD. Naturalisation: A Passport for the Better Integration of Immigrants? 2011. – URL : http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/naturalisation-a-passport-for-the-better-integration-of-immigrants_9789264099104-en (дата обращения: 25.10.2016).
7. OECD. Settling // OECD Indicators of Immigrant Integration. – 2012. – URL : http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/settling-in-oecd-indicators-of-immigrant-integration-2012_9789264171534-en (дата обращения: 11.10.2016).
8. Eurostat. – URL : http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 01.10.2016).
9. Statista. – URL : <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/2402/> (дата обращения: 15.10.2016)
10. Statista. – URL : <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/168663/> (дата обращения: 15.10.2016).
11. Sozialpolitik. – URL : http://www.sozialpolitik-aktuell.de/tl_files/sozialpolitik-aktuell/_Politikfelder/Arbeitsmarkt/Datensammlung/PDF-Dateien/abbIV30.pdf (дата обращения: 15.10.2016).

УДК 008:1

В. А. Тёмкин

кандидат исторических наук,
доцент каф. мировой культуры ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: vitem222@mail.ru

ОБРАЗ МИРА В РОМАНСКОМ ПАЛОМНИЧЕСКОМ ХРАМЕ

Структура средневекового христианского храма в идеале имитирует строение человеческого тела. Однако на путях паломничества к мощам апостола Иакова Старшего в Сантьяго де Компостела зародился новый тип романского храма, снабженный обходом вокруг хора и трехнефным трансептом. В данной статье на примере крупнейших паломнических церквей анализируется символическое значение архитектуры паломнического храма с обходом, усилившей тему пути, процессии как движения человека к Богу. Параллельно трансформация образа св. Иакова в позднероманской скульптуре намечает эволюцию христианского мышления в последующий период Средневековья.

Ключевые слова: храм как модель мира; романский стиль; средневековое паломничество; тип паломнического храма; обход вокруг хора; иконография образа апостола Иакова Старшего.

V. A. Tyomkin

Ph. D. (History), Ass. Prof. at the Department of World Culture,
the Institute of International Relations and Social and Political Studies, MSLU;
e-mail: vitem222@mail.ru

IMAGE OF THE UNIVERSE IN THE ROMANESQUE PILGRIMAGE CHURCH

The architectonics of the medieval Christian church symbolically imitates the structure of the human body. Nevertheless, on the pilgrimage roads to the sanctuary of the apostle St. James the Greater takes its origin the new type of the Romanesque church supplied with ambulatory of the choir and the three-nave transept. In the present article on the example of the most important pilgrimage churches is analyzed the symbolical meaning of this architectural type implicating the theme of movement as the way to God. In the same time the transformation of the image of St. James in the late Romanesque sculpture outlines the further evolution of the medieval Christian conscience.

Key words: church as the model of the Universe; Romanesque style; medieval pilgrimage; type of pilgrimage church; ambulatory of the choir; iconography of the image of St. James the Greater.

Общеизвестно, что в любой культуре храм, или собор, является образом и до некоторой степени даже моделью мира. Эта ситуация наблюдается со времен древних цивилизаций (Междуречье, Египет)

и остается неизменной до наших дней. Еще во времена Рамзеса II храм отождествлялся с Небом, и строители должны были воспроизводить небесные пропорции. Вместе с тем, каждая эпоха привносит в эту схему свою специфику, тесно связанную с мировоззрением данного народа в данное время. Это особенно видно на примере романских паломнических храмов XI–XII вв. во Франции и Испании.

В христианской культуре в целом структура собора восходит к строению человеческого тела. Для романского храма прослеживаются следующие аналогии: алтарная часть соотносится с головой, средокрестие – с грудной клеткой и с сердцем и др. Исидор Севильский (VI в.) сравнивал с грудной клеткой Ковчег Завета [6, с. 177]. Заметим, что подобное понимание архаично и свойственно древним культурам: «В древнескандинавской поэзии многократно встречается уподобление частей человеческого тела явлениям неживой природы, и наоборот: органический и неорганический мир обозначался через элементы человеческого тела. Голову называли “небом”, пальцы – “ветвями”, воду – “кровью земли”, камни и скалы – “костями”, траву и лес – “волосами земли”» [1, с. 41]. Продолжая аналогии, дополним, что в последующие эпохи грудь символизировала воздух, живот – море, ноги – землю, а человеческие чувства и ощущения – животных.

Но если в язычестве человек мыслился как неотделенный от природы, то в христианстве он становится неотторжим от храма, что усиливается аналогией «храм – тело». Следует напомнить, что средневековое мышление вообще строилось на аналогиях, с помощью которых христиане постигали и закон творения. Если в мифологиях на весь окружающий мир распространяется принцип антропоморфизма, то в христианстве благодаря Искуплению может быть преобразен и спасен каждый человек. Таким образом, структура романского храма наглядно демонстрирует идею возвышения человека, выведение его из низменного материального мира и помещение в мир совершенный. Если в дохристианском фольклоре смертное брненное тело, выходящее из земли и становившееся землей, распространяло законы временного существования на весь мир, мыслившийся антропоморфным, то в христианстве человеческое тело благодаря грядущему воскресению обещало преобразование и тому, что его окружало.

Как узнавали христианские архитекторы пропорции Неба? Посмотрев на человеческое тело, ибо точные пропорции давало именно

оно. *Человек, будучи храмом Бога, вместилищем души, становится моделью храма как архитектурного сооружения.* Нетрудно понять, что, представляя собой образ человека, романская церковь как архитектурное строение восходит к прообразу Совершенного Человека, т. е. Иисуса Христа.

И тело, и собор мыслятся значительно шире своего материально-воплощения, поскольку, будучи моделью и ее реализацией, одновременно включают в себя и божественный замысел (идею) и космос как результат Творения и пространство для разворачивания Замысла. Об этом писал Фома Аквинский, на мнение которого в своей работе «Idea» опирался Э. Панофский: «У формы имеющего быть созданным должно быть подобие (*similitudo*) в создающем ... А это бывает двояким образом: в некоторых действующих субъектах форма создаваемой вещи предсуществует в смысле природного бытия ... например, когда человек порождает человека или огонь порождает огонь; в других же действующих субъектах – в смысле умпостигаемого бытия, а именно у тех, кто действует посредством ума. Так, дом предсуществует в уме зодчего, *и это может быть названо идеей дома* (выделено автором. – В. Т.), потому что художник стремится сообразовать дом с той формой, которую он постиг в уме. Но так как мир возник не благодаря случаю, а был создан Богом, действующим посредством ума, то в Божьем уме с необходимостью должна существовать форма, по подобию которой создан мир» [2, с. 41]. Таким образом, при возведении христианского храма соединяются реальное и идеальное, видимое и умозримое, поскольку, конструируя «тело» собора, зодчий имеет в виду и тело человека, и божественную идею архитектурного решения. На эту особенность обращал внимание и А. Я. Гуревич, который, правда, в других терминах, говорил о единстве средневекового мышления: «При изучении творений средневековой культуры следует не упускать из вида, что долгое время не осознавалось четкого различия между вымыслом и истиной» [1, с. 37].

Взглянув на план ряда романских храмов, мы обнаруживаем взаимодействие квадратов или квадратов и кругов. Квадрат в этом случае закономерен, ибо данная геометрическая форма, абсолютно симметричная по любой оси, символизирует сотворенный космос, а четыре столпа по внутренним углам, соответственно, четыре стихии, каждая из которых также имеет непосредственное отношение к человеку, ибо

плоть его – из земли, кровь – из воды, дыхание – из воздуха и тепло – из огня. Не случайно мистическое осмысление числа «4» у средневековых мыслителей (четыре Евангелия, четыре реки в Эдеме и др.). Более того, церковь «ad quadratum» приводится в знаменитом альбоме французского архитектора XIII в. Вилара де Онекура как образец цистерцианского (но не паломнического!) храмового строительства. А историк «школы Анналов» Жорж Дюби характеризует романскую архитектуру в целом как «искусство вычислителей, натренированных через изучение квадривинума в математических играх» [7, с. 103].

Круг и квадрат символизировали два фундаментальных аспекта Божьего замысла: единство и воплощенность. Круг обозначал небесное, квадрат – земное, причем не в привычной для культуры антитезе земному, а именно как результат Творения. В соотношении круга и квадрата выражены различие и примирение, также не антагонистичные друг другу. Круг для квадрата то же, что небо для земли, и квадрат вписывается в круг, т. е. земля зависит от неба. Квадрат – не что иное, как проекция небесной сферы на земную плоскость (напомним, что для средневекового человека Земля плоская). Воплотившись, Слово не только реализовало божественные, но и приобрело человеческие пропорции, что объединило два начала – дальнее и горнее, земное и небесное, вписав человеческий квадрат в божественный круг. Посредством Искупления Христос разбивает квадрат как Царь, лишенный царства и обретший его, и как результат в плане паломнической романской церкви квадрат преобразуется в крест, что мы увидим далее, на примере конкретных зданий. Но и крест являет собой комбинацию нескольких квадратов, что на новом уровне актуализирует идею тварного мира. Так Христос располагает Свое человеческое естество в божественной природе, и «квадратный» (земной) человек самим фактом Воплощения и Искупления вписывается в круг. Другими словами, человечность, человеческое начало связано с божественным, как время (квадрат) – с вечностью (круг), видимое – с невидимым. Если же помнить, что Искупление касается всех людей в христианском мире, то подобно тому, как Иисус вмещает всех людей, так и романская церковь сочетает в себе микрокосм и макрокосм, поскольку построена не только по образу человека, но и по образу Вселенной.

Если вспомнить приведенные ранее древнескандинавские представления, то мы увидим, как части человеческого тела в христианском

мировоззрения преобразуются в нечто качественно иное за счет Искупления и Спасения.

Правда, круг не упоминался в Библии, когда речь заходила о зодчестве (храм Соломона, описанный в Ветхом Завете, восходит к идее квадрата и в объеме представлял собой идеальный куб). Соответственно, круг в церковном строительстве – нововведение собственно христианское, появившееся в Византии (заимствованное у римлян). Более того, как считает специалист по романской символике Мари-Мадлен Дави, круг в раннехристианской архитектуре предшествовал куполу [6, с. 186]. Романские церкви, особенно воздвигнутые тамплиерами, воспроизводили форму Храма Гроба Господня, а их абсиды завершались полукуполами.

При этом обратим внимание, что конструктивно купола мало соответствовали утвердившейся в западном христианстве форме базиликального храма (недаром позже, в готике, зодчие категорически отказались и от них, и от центрической формы в целом, последнее за единственным исключением – Церковь Богоматери в Трире, XIII в.). «Облик романской церкви возникает как итог сложения и сопоставления простых, геометрически четких и легко обозримых объемов. В основе церкви лежит простейшая ячейка пространства, целое возникает как подобие, как повторение, удвоение или модификация первоэлементов. Эта система в художественно преображенном виде доносит представления о мире парцеллированном, но в основе едином, построенном на принципе иерархии и подобия малого большому, и наоборот. <...> Наружный вид романской церкви выявлял ее внутреннюю структуру, интерьер подчинял свой образный строй нуждам богослужения и священной топографии» [5, с. 81–82].

Сказанное о средневековом романском храме относится и к паломническому типу храма, однако не исчерпывает его специфики. Как мы уже писали [4], структура паломнического храма в значительно большей степени учитывает и развивает идею пути, движения, целевого перемещения в реальном и одновременно сакрализованном пространстве, т. е. собственно *паломничество*. В остальном же организация храма как пространства по аналогии с телом человека, божественным квадратом и кругом, которые сочленяются, сосуществуют и выражают надмирную (круг) и земную человеческую (квадрат) сущность, свойственно и паломническому храму.

Феномен средневекового христианского паломничества давно стал объектом изучения в науке. Особый размах паломничества как явления связывают с общим ростом религиозной устремленности после 1000 г., в тот период, когда Западная Европа вступила в фазу зрелого Средневековья. По словам Ж. Дюби, «в XI веке все ревностные христиане, искавшие путем паломничества обеспечить себе милосердие господне, мечтали помолиться однажды перед тремя гробницами, св. Петра, св. Иакова и Христа» [8, с. 94]. Но если маршруты в Иерусалим к Храму Гроба Господня и в Рим к усыпальнице основателя христианской церкви св. Петра наметились уже в раннесредневековую пору, то путь к мощам св. Иакова Старшего в Сантьяго де Компостела получил широкое распространение только в XI в. Становление культа апостола, чье захоронение по легенде было обнаружено в Галисии в VIII в., как показывает историк искусства Марсель Дюрлиа, было тесно связано с политикой королей католического севера Испании, направленной на более активную интеграцию этого окраинного региона в западноевропейский христианский мир [9, с. 20–23]. Этой цели служило и провозглашение реконквисты крестовым походом против мусульман, благодаря чему в Испанию вскоре хлынул поток христианского, главным образом французского, рыцарства. По призыву кастильских королей «все рыцари Бургундии и Шампани, завсегдаги пути в Сантьяго, объединились с христианами Испании, чтобы отбросить неверных, отодвинули к югу границы Кастилии и создали королевство в Португалии» [8, с. 123].

Важнейшим источником изучения паломничества с давних пор стал путеводитель, созданный французским монахом из Пуату Эмери Пико в начале XII в. Напомним, что традиционно паломничество по святым местам проводилось по четырем дорогам, проходившим по Франции и соединявшимся в одну («camino francés» – «французская дорога») уже на испанской территории, в Наварре, чтобы в результате привести к цели – святилищу Сантьяго де Компостела. Здесь до сих пор хранятся мощи св. апостола Иакова Старшего, который, как считается, принес христианство в Испанию и стал ее небесным покровителем, заступником нищих и борцом с неверными. На пути паломников принимали крупнейшие храмы, построенные по одному на каждой из четырех дорог (менее значительные мы не включаем, поскольку их довольно много). Это, во-первых, собор Сен-Мартен в Туре. Здесь

находились мощи св. Мартина, одного из самых популярных католических святых. В соборе Сен-Марсиаль в Лиможе хранились мощи св. Марциала, христианского просветителя Аквитании (оба здания не дошли до нас). Далее Сен-Сернен в Тулузе – мощи св. Сатурнина, просветителя и мученика III в. Наконец, церковь Сент-Фуа в Конке – мощи св. Веры. Именно эти храмы вкупе с собором Сантьяго де Компостела, по выражению М. Дюрлиа, составили своего рода «семью», наиболее отчетливо иллюстрирующую тип паломнического храма [9, с. 38].

Эмери Пико подробно и обстоятельно описал этапы паломничества по каждой из четырех дорог. Он обрисовал все маршруты. Так, Тулузская дорога пролегла из Арля. По ней двигались с Востока и из Италии, а также жители Прованса и немцы из Южной Германии. В городе Ле-Пюи начиналась Поденская дорога, удобная тем, кто шел из Лиона, Клуни и Северной Оверни (столица – Клермон Ферран). Лиможская дорога (Лимож – столица провинции Лимузен) выходила из города Везле, где находится знаменитый храм св. Магдалины. Отсюда шли жители Шампани и Бургундии, а также жители востока и северо-востока Европы. Последняя дорога, Турская, вела через Париж и Тур и была удобна для жителей Северной Франции и Нидерландов. Все четыре дороги сходились в Пуэнте ла Рейна в Испании.

Описывая структуру паломнических храмов, Эмери Пико первым делом прибегает к сравнению с человеческим телом. Главный неф любого собора он обозначал как «основу тела» (вертикаль от ног до головы, исключая руки), а крылья трансепта ассоциировались у него с руками. Таким образом, размеры и пропорции церкви соответствовали мере, заданной человеческим телом.

Для паломнического типа «господствующим ... стал вытянутый в плане, базиликального типа храм. В основе его лежала идея пути как намек на “крестный путь”, путь страданий и искупления» [5, с. 80]. Соответственно эта идея диктовала особую организованность паломнического храма. Тело его было продольным, интерьер организовывался рядами колонн (двумя или четырьмя соответственно, в трехнефном или пятинефном храме), что придавало внутреннему пространству ритмичность и при этом парадоксально лишало его однообразия, так как само чередование колонн в перспективе усиливало ощущение драматической напряженности по мере движения и вносило динамизм в ощущения верующего и ход службы. «В предалтарной

части тяжелая поступь опорных столбов прерывалась стремительным движением в стороны рукавов трансепта и одновременно высотным акцентом купола над средокрестием. Этот пространственный взрыв был призван обозначить границу между земной и небесной сферой, между мирянами и клиром. Но, ошеломив внезапным расширением, пространство алтарной части храма концентрировалось и завершалось в полуцилиндре и конхе апсиды и обретало плотность в подземелье крипты» [5, с. 82].

Основное отличие паломнического храма от обычного, в том числе от упомянутого выше типа «ad quadratum», – наличие обхода вокруг хора, или, другими словами, деамбулатория. Считается, что впервые подобный обход как архитектурная деталь появился в крипте старой базилики св. Петра в Риме. Стимулом к его возникновению стало желание паломников увидеть мощи апостола: в то время, когда внутри храма происходило богослужение, паломники могли двинуться в обход и осмотреть храмовые капеллы. Впоследствии этот прием становится традиционным практически во всех основных паломнических церквях.

В алтарную часть храма эта система переносится, как полагают искусствоведы, в монастырской церкви в Сен-Филибер-де-Гранльё на юге Бретани в первой половине IX в. Полвека спустя этот же прием был использован в другой церкви, посвященной тому же св. Филиберу, в Турню (Бургундия). Здешний деамбулаторий сохранился до наших дней.

Судя по всему, там же зародилась другая интересная особенность крупных паломнических храмов, а именно – трехнефный трансепт. Галерея, проходящая над боковыми нефами в хор, в этом случае идет сплошным потоком по всему зданию, вновь выражая ключевую для паломничества идею пути, процессии. Правда, параллельно трехнефный трансепт появился в церкви Сен-Реми в Реймсе [3, с. 145].

Из четырех главных паломнических церквей самый древний деамбулаторий, если судить по археологическим данным, был построен в турецкой Сен-Мартен, впоследствии разрушенной, но в свое время ставшей образцом для здания в Конке. Поэтому на сегодняшний день самый старый обход находится в конкской Сент-Фуа. Он перекрыт крестовыми сводами и дает доступ в три радиальные капеллы. Его строительство относят к середине XI в. При этом следует помнить,

что другие части церкви Сент-Фуа были возведены в более позднее время и представляют уже вполне развитые романские структуры.

Следующим по времени сооружением крупным паломническим храмом был лиможский Сен-Марсиаль. В его строительстве принимали участие монахи из аббатства Клюни, главного очага церковной реформы, затронувшей орден бенедиктинцев в X–XI вв. По сохранившимся сведениям, собор Сен-Марсиаль был закончен в конце XI – начале XII вв. Он тоже обладал тремя вытянутыми нефами, широким трансептом и хором с обходом и пятью радиальными капеллами.

С наибольшей ясностью тип паломнического храма демонстрируют две самые поздние церкви этого ряда: Сен-Сернен в Тулузе и Собор в Сантьяго де Компостела. По устоявшемуся в искусствоведении мнению, первый из них послужил непосредственным образцом для второго. Действительно, их строение представляется во многом сходным, более того, при возведении собора в Сантьяго, судя по всему, архитекторы постарались усовершенствовать структуры тулузского храма. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что внутренние членения отличаются здесь особым изяществом: столбы тоньше и выше, чем в Сен-Сернене, аркадам придана четкая ритмичность. Нефы в Сантьяго не такие вытянутые, как в Тулузе, что сообщает пространству храма большую легкость и обозримость.

Надо отметить, что конструкция хора с обходом появилась в то же время в подчинявшихся аббатству Клюни (Бургундия) церквях реформированного бенедиктинского ордена. «Старшей дочерью» монастыря Клюни стала большая церковь в Шарите-сюр-Луар. Идея деамбулатория возникла при строительстве не сразу, но практическая необходимость обусловила ее применение. Обходы в храмах клюнийского типа со временем приобрели особое значение: они стали ядром, важнейшей составляющей алтарной части. Так, в архитектуре «младшей дочери» Клюни, базилики в Паре-ле-Моньяль, обход выполнен столь виртуозно, что монахи называли его «прогулочной ангелов». Если же брать романскую архитектуру Бургундии в целом, то церкви с обходом вокруг хора становятся там на протяжении XI в. доминирующим типом. Это особенно касается крупных городских сооружений, таких, например, как церковь Сент-Этьен в Невере, дающая один из ранних образцов использования деамбулатория (начата строительством в 1063 г.), или собор Сен-Лазар в Отене.

Интересная разновидность романского храма с обходом сформировалась в центре Франции, в Оверни. Некоторыми своими чертами местное зодчество напоминает систему паломнического храма: это не только хор с обходом, но и использование сквозных галерей над боковыми нефами, и купол средокрестия на тропках. И поскольку один из паломнических путей, вливавшихся затем в Поденскую дорогу, вел из Клермон-Феррана с его знаменитой церковью Нотр-Дам-дю-Пор, отмеченной вышеуказанными особенностями, то источником этих архитектурных веяний стали считать главный храм Поденской дороги, Сент-Фуа в Конке. Однако в последнее время в этой версии появились сомнения: овернские церкви обладают целым рядом других черт, не позволяющих подвести их под общий с Конком тип. И в первую очередь, это характерное для местного стиля продолговатое подвышение центральной части трансепта, которое служит основанием для купола средокрестия и придает облику овернских храмов неповторимое своеобразие [9, с. 456]. Восточные объемы здания (абсида, деамбулаторий, радиальные капеллы), выступающие на фоне подвышенного трансепта с особой четкостью, кроме того, богато украшались разноцветным камнем и терракотовым орнаментом. Подобный праздничный вид также отличает их от лаконичного по внешнему декору облика Сент-Фуа в Конке и вынуждает к осторожности в искусствоведческих обобщениях.

Если же продолжить историю храма с обходом вокруг хора и заглянуть в эпоху вскоре наступившей готики, то можно констатировать, что этому типу культового здания принадлежит неоспоримое первенство во французской архитектуре. Напомним, что первый готический свод с нервюрами в родоначальнице стиля, аббатской базилике в Сен-Дени, увенчал именно деамбулаторий. За Сен-Дени последовали крупнейшие соборы как раннего периода (Санс, Нуайон, Париж), так и высокой готики (Шартр, Бурж, Реймс, Амьен, Бове и др.). Более того, они послужили образцом для целого ряда готических храмов, построенных в других странах Европы (Кёльн, Прага, Вестминстер), в том числе в Испании, где они, в частности, появились на пути паломничества к мощам св. Иакова (Леон, Бургос).

Благодаря этим примерам мы можем видеть, как архитектурный прием, имеющий и практическое, и философское значение, распространился и на другие храмы, особенно во Франции, где стал

стереотипным. Возвращаясь к образам микрокосма и макрокосма, заметим, что путь по деамбулаторию, как бы опоясывающий извне богослужение, идущее внутри, символизирует обретение цели в виде поиска (quest) Бога. Само слово «процессия» означает «шествие», осуществляемое в ходе Литургии. Она может приобретать смысл паломничества и показывает характер истинного христианина, который не привязывается ни к чему земному. В таком виде процессия напоминает библейский путь иудеев по пустыне. К тому же в монастырских ритуалах шествие проводится перед мессой и во время других служб. Кроме того, душа средневекового человека была привязана к кругу определенных тем, которые прихожанин созерцал телесным зрением, находя подтверждение им в образах храмовой скульптуры и в процессе церковной службы. Шествие и несение хоругвей имели магический элемент: речь шла о том, чтобы создать священный круг защиты. Иногда процессии очищения в некоторых средневековых приходах сопровождалась драматическими манифестациями, в частности разыгранными мистериями, с участием не только людей, но и животных, проходивших символический путь вместе с человеком [6, с. 232].

Специфика паломнического храма проявляется не только в архитектуре, но и в скульптурном декоре. Так, в уже упомянутом храме св. Магдалины в Везле тимпан портала обладает уникальной иконографией: он посвящен мессианской теме распространения христианства среди народов мира, как реальных, так и фантастических. Изображены здесь и армяне, и эфиопы, а также люди с собачьими головами, пигмеи и гиганты, в реальность существования которых люди эпохи романики свято и наивно верили. Та же идея пути, правда, уже загробного пути души, выражена в тимпане церкви Сент-Фуа в Конке.

Паломнические церкви не случайно содержат многочисленные изображения св. Иакова. В известном смысле распространение христианства — тоже путь, и если не *процессия*, то *процесс*, служащий прообразом или моделью паломничества в собственном смысле. Во многих случаях маршруты паломников повторяли путь святых, совершенный с той или иной мессианской целью.

Эволюция образа апостола Иакова Старшего в средневековой скульптуре отражает общее направление религиозных настроений эпохи. Если взять его индивидуальные изображения (т. е. вне

единого апостолического ряда), появившиеся на паломнических путях к его реликвиям, то самые ранние из них возникают на рубеже XI и XII вв. на юге Франции: в клуатре аббатства Сен-Пьер в Муассаке и на портале Мьежвиль тулузской церкви Сен-Сернен. В обоих случаях св. Иаков представлен с Евангелием в руке как христианский просветитель.

В тот же период в романской скульптуре возникает собственно тема паломничества, но первым ее носителем выступает, как ни странно, не апостол, а сам Христос: в серии рельефов клуатра монастыря Санто Доминго де Силос в сцене Явления ученикам в Эммаусе на его плаще изваяна раковина, символ паломников, идущих в Сантьяго де Компостела [3, с. 298]. Кроме того, все персонажи сцены показаны в процессе стремительного движения, Христос лишь слегка оборачивается к апостолам, при этом только его голова и торс приобретают традиционный фронтальный разворот.

Св. Иаков изображался также с посохом паломника, – именно в этом виде он фигурирует на опорном столбе Портика Славы собора в Сантьяго де Компостела. Принадлежащий мастеру Матео масштабный ансамбль портала стал высшей точкой развития романской скульптуры в Испании. Экстатический образ апостола, встречавший паломников у входа в храм, помещенный над композицией Иессеева древа на теле столба у ног мощной фигуры Христа в тимпане, не мог не вызвать подражаний. Одно из них носит симптоматический характер: это статуя св. Иакова на Райском Портале собора в Оренсе (Галисия). Трехчастная композиция данного портала копирует Портик Славы в Сантьяго, и его скульптурное оформление, несмотря на то, что оно было создано уже ближе к середине XIII в., по образному строю относится к поздней романике. Изваяние св. Иакова здесь тоже находится на трюме, но он представлен в богатом одеянии рыцаря, а его посох теперь приобрел вполне отчетливые очертания меча: апостол-просветитель превратился в воина.

Так зарождался третий иконографический тип, получивший широкое распространение уже в готический период. В это время и в тимпанах порталов, и в алтарной скульптуре св. Иакова начинают изображать на коне с мечом в руках, иногда в сражении с «неверными». Тип «палача мавров» (Santiago Matamoros) восходит к возникшей в конце XII в. легенде о помощи апостола кастильскому королю

Рамиро I во время битвы с мусульманами при Клавихо (844) и очень скоро становится знаменем реконкисты. Тогда же был основан Орден рыцарей св. Иакова, эмблемой которого становится изображение креста в форме меча.

В пластике зрелой и поздней готики встречаются все три типа иконографии образа св. Иакова, однако общее движение по хронологии их возникновения (просветитель – паломник – воин) весьма точно свидетельствует об изменении общих установок в западном христианстве, особенно на его окраинах. В свете дальнейшего развития указанных тенденций можно отметить, что скульптура поздней романки на путях паломничества в Сантьяго получает значение ключевого момента в формировании нового этапа самосознания средневекового христианина.

Изложенный материал позволяет подвести некоторые итоги. Во-первых, строительство церковных зданий в романскую эпоху предполагает обращение к образу человеческого тела, причем идеальным воспринимается Тело Иисуса Христа. При этом обычный храм конструктивно и по смыслу отличается от паломнического. Деамбулаторий, появившийся в паломнических церквях и соборах, отвечая практическим богослужебным нуждам, одновременно также приобретает символическое значение, возможно, до сих пор недостаточно привлекавшее внимание исследователей. Вероятно, он становится метафорой пути человека, но не столько пути к цели реального паломничества, сколько символического пути «во все стороны света»: это дорога и к самому себе, к своей собственной христианской сущности, и к Христу, и к совершенной жизни после физической смерти. Если собор – символическое человеческое тело, то обход вокруг собора прочитывается как обход вокруг тела, позволяющий увидеть себя самого со всех сторон, в том числе, постигнуть и Христа в себе. Тем интереснее эта идея в случае, если в здании присутствует трехнефный трансепт. Скульптурное убранство в этом контексте служит все той же трансцендентной идее взгляда на себя не как на субъект, но как на объект в едином пространстве христианства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.

2. *Панофский Э.* Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. – СПб. : Андрей Наследников, 2002. – 237 с.
3. Романское искусство. Архитектура. Скульптура. Живопись / ред. Р. То-ман ; пер. с нем. – Köln : Könemann, 1996. – 481 с.
4. *Темкин В. А.* Отражение идеи паломничества в архитектуре и скульптурном убранстве церкви св. Веры в Конке (Франция) // Проблемы социальной философии и культуры. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 165–180 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 13 (724). Сер. Языкознание и литературоведение). – URL : <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-724z.pdf>
5. *Тяжелов В. Н.* Искусство Средних веков в Западной и Центральной Европе // Малая история искусств. – М. : Искусство, 1981. – 384 с.
6. *Davy M.-M.* Initiation à la symbolique romane. – P. : Flammarion, 1977. – 312 p.
7. *Duby G., Mandrou R.* Histoire de la civilisation française : Moyen Age – XVIe siècle. – P. : Armand Colin, 1968. – 350 с.
8. *Duby G.* Le Moyen Age : Adolescence de la Chrétienté occidentale. 980–1140. – Genève : Editions d'Art Albert Skira S. A., 1984. – 216 с.
9. *Durliat M.* La sculpture romane de la route de Saint-Jacques : De Conques à Compostelle. – Dax : CEHAG, 2007. – 509 с.

УДК 81.1

В. С. Грехнёв

доктор философских наук, профессор каф. философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор каф. гуманитарных и социально-экономических наук МГЛУ; тел. 8-499-245-21-27

ЛИЧНОСТЬ МЕЖДУ ИНДИВИДУАЛЬНЫМ И МАССОВЫМ В ЕЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются понятия «массовое» и «индивидуальное» в социально-философском осмыслении двойственной направленности жизнедеятельности личности. Автор показывает как индивидуальное и массовое у современных личностей все чаще смыкаются, превращаясь в форму массовидного индивидуализма в их жизни и развитии.

Ключевые слова: личность; жизнедеятельность; индивидуальное; массовое; массовидный индивидуализм.

V. S. Grekhnev

Advanced Doctor (Philosophy), Prof., Department of Philosophy of Education, Lomonosov Moscow State University; Prof., Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, MSLU; тел. 8-499-245-21-27

THE PERSONALITY BETWEEN PERSONAL AND MASS IN HER ACTIVITY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

In article concepts “mass” and “personal” in socio-philosophical judgment of a dual directivity of activity of the personality are considered. The author shows as personal and mass at the modern persons is even more often closed, turning into the form of mass looking individualism in their life and development.

Key words: personality; life activity; mass; personal; mass looking individualism.

Личность – одно из ключевых понятий всякого социально-гуманитарного, следовательно, и философского исследования. В современном философском анализе личности необходимо видеть и учитывать не только ее содержание, но и методологическое значение

разрабатываемого философией смыслового и познавательного назначения этого понятия. Это важно, ибо, знакомясь с практикой использования понятия «личность» в самых разных научных исследованиях, нельзя не заметить противоречивую многозначность его содержательного толкования в современном общественном сознании. Такая ситуация в науке свидетельствует о недостаточной проработке методологических вопросов, связанных с характером соотношений личного и массового, равно как социально значимого и индивидуального в определении направленности и содержания общественной жизнедеятельности каждого человека. Именно эти стороны двойственной реальности отношений человека к другим людям, к обществу и к себе самому особенно важны для определения сущности и содержания самой личности человека, ее деятельности и особенностей развития.

Личность (личное) – понятие, которое очень часто используется для характеристики отдельности (особенности) человека и специфичности его взаимоотношений с обществом. Такое значение употребления данного понятия во многом обусловлено его этимологией, которая восходит к его корневым словам: «личина», «persona» в русском и в новоевропейских языках, имеющим одинаковое смысловое значение – *маска*. (Человек стал личностью, ибо надел маску и тем самым обозначил, выделил себя.) Иначе говоря, личность обозначает и подтверждает смысл, содержание и целевое назначение этого понятия как знака отличий, особенностей разных людей, живущих в данном обществе. Однако личность, как представляющая ее маска, не просто обозначает индивидуальные способности и возможности каждого отдельного и конкретного человека (указывая на его своеобразие), но и фиксирует его возможности и интенции объединяться, взаимодействовать с другими людьми, адаптироваться к ним. Вот почему в понятии «личность» одновременно сочетаются две тесно взаимосвязанные стороны, или, если точнее, меры ее содержания общественного существования и жизнедеятельности. Во-первых, это мера индивидуально-особенного в общественном существовании человека (т. е. степень его отличия от всех других людей). Иначе говоря, необходимо учитывать все особенности конкретного (единичного) человека в силу заключенных в нем телесных, психологических, духовных, статусных и прочих характеристик, делающих его уникальным среди всех людей, когда-либо существовавших и существующих

в этом мире. Данная сторона различения индивидуальности человека является объективной мерой его уникальности, единичности и единственности в общественном бытии – реальном процессе его существования и изменений. Вместе с тем, эта сторона индивидуальности бытия человека является основанием и мерой способа его поведения и взаимодействия с другими людьми, что может выражаться, например, в индивидуализме – стремлении обособить себя в обществе. Крайними формами индивидуализма в этом случае являются эгоизм и эгоцентризм. Именно эти два качества людей в значительной мере способствуют их обособлению друг от друга, ибо их потребности и интересы, следовательно, и действия (поступки) ориентированы и направлены только на себя и свою личную выгоду.

Вторая сторона качественной определенности личности всякого человека – это мера заключенного в ней социально значимого содержания духовности и поведения в ее бытии и жизнедеятельности. Социальная значимость содержания человека возникает благодаря тысяче нитей, связывающих его с разными общественными структурами и жизнью других людей, что влияет, а порой и определяет внутренние смыслы жизнедеятельности каждой личности. Такая мера обозначает определенную степень общественно значимого развития человека и показывает уровень выраженности его сознания и поведения как члена именно данного социума. В этой мере отражается и степень освоения человеком ценностей культуры, его слитности и неразрывности с общественным целым.

Ошибочно полагать, что личность представляет механическое сочленение индивидуально особенного и социально значимого как двух самостоятельно существующих по отношению друг к другу половинок своего содержания. Эти стороны существуют в единстве, они интегрированы в личности. Следовательно, единство и взаимосвязь двух мер (индивидуального и социально значимого) выступает у человека важнейшим показателем содержательного наполнения его личности, что позволяет характеризовать многие общие и особенные черты его жизнедеятельности в обществе. Именно поэтому всякая личность всегда выступает целостным (в единстве всех ее мер) человеком и является некой единичностью в отношениях с другими людьми и их общностями.

Каждая личность имеет и другое, тоже весьма важное, измерение – определение целевого назначения направленности своей жизни

и деятельности. Это касается не только отношения личности к себе самой, возможностям направленности своей деятельности, но и ее связанности с той или иной людской массой. Однако надо заметить, что с понятием «людская масса» (массовое) в науке не все так просто и однозначно, как и с понятием личности человека.

Понятие «масса» тоже достаточно широко используется в социально-гуманитарных исследованиях. Оно позволяет провести анализ таких человеческих образований, которые определяются не только количественными отличиями (численной совокупностью людей, составляющих массу), но, как правило, и совершенно размытой качественной определенностью. Ничего конкретного, кроме приблизительного числа составляющих ее людей, о массе сказать трудно. Это объясняется тем, что она не какая-нибудь определенная социальная группа (класс, страта, половозрастная общность), а гетерогенное образование, которое является внутренне неоднородной формой бытия, отношений людей, выражающих реальную противоречивость их сознания, деятельности и поведения. Именно со значением гетерогенной «смеси» людей, независимо от того выступает ли она их реальной или номинальной общностью, понятие «масса» стало широко использоваться в философии, начиная с конца XIX и начала XX вв. В социально-гуманитарных частных науках и в философии массой обычно считали народ (народные массы), толпу, публику, необразованные слои населения, молчаливое большинство и другие подобные образования людей. В этих своих различных видах масса, если использовать достаточно емкое ее определение Герберта Блумера, являлась «недифференцированным множеством людей» [2]. Будучи множеством, масса, массы противопоставлялись всегда элите – численно несопоставимой с ней, небольшой просвещенной и активной части избранных людей общества. При этом Г. Блумер отмечал, что массу составляют люди с самым различным социальным положением, и каждый из них является единицей, существующей как бы сама по себе, часто анонимно, без единых социально значимых интересов, взаимодействий и без обмена взглядами, мнениями, переживаниями с другими людьми в этой массе. Однако было бы не совсем правильно абсолютизировать аморфность каждого человека в составе массы и самой этой массы. Ведь масса, как не подчеркивались бы ее возможности подавлять и подчинять себе индивидов, не в состоянии исключить социальную дифференциацию,

т. е. объективную принадлежность каждого входящего в нее, к той или иной определенной группе общества. Всякая масса – это общность, совокупность людей, включенных в тот или иной процесс (ситуацию) общественной жизни. Следовательно, именно та или иная масса людей выполняет какое-то определенное историческое, социальное действие (участвует в демонстрациях, выборах, манифестациях, является публикой стадионов, концертных залов и т. п.). Это значит, что каждый человек вынужден по умолчанию либо поддерживать массу, либо, наоборот, ей противодействовать и не принимать участия в тех или иных акциях. Именно поэтому никак нельзя говорить о личности в отрыве от той или иной общественной массы и ее действий. Ведь практически каждый человек, по очень приблизительным подсчетам, является членом как минимум 6–8 малых и не менее 10–15 больших и средних формальных и неформальных общественных групп. Эта масса людей, являясь реальной, естественной общностью, объединяется каким-то действительным (пусть порой и кратковременным) социальным процессом, осуществляет совместную деятельность, демонстрирует общее поведение (например, выступление дальнобойщиков против увеличения дорожных тарифов). Следовательно, надо иметь в виду, что феномен массы как общности не возникает, если не связывает людей некоторой деятельностью, общественным процессом, а иной раз в наше время возможно формирование и существование номинальных и даже виртуальных общностей, которые при некоторых активных формах действий отдельных авторитетных людей вполне могут стать реальными массовыми образованиями.

Таким образом, и личное (отдельное и особенное у каждого из людей), и массовое (общее в деятельности людей, а может быть хотя и общее, но социально не значимое ситуативное действие или поведение) в жизнедеятельности человека не изолированы, а проникают друг в друга. В случае их противодействий друг другу у человека может порой возникать достаточно серьезная жизненная коллизия, которая требует немедленного ее разрешения, гармонизации отношений. Любое массовое образование общества, его масса состоит из личностей, а всякая личность включена в ту или иную (конкретную) массу и несет в себе определенные свойства ее общности. Это значит, что у каждого человека может быть личное и массовое или две меры – индивидуально-особенного и общественно значимого в его сознании

и формах поведения. Поэтому так можно сказать и о массе (двух ее мерах тоже): во-первых, ее видовой определенности в отличие от других массовых общностей, во-вторых, некоторых общих и социально значимых характеристиках сознания и поведения людей, входящих в ту или иную анализируемую нами массу. Кстати, важно также обратить внимание и на то, что у каждого человека, его личности по-разному могут быть «сцеплены» две меры в тех или иных ситуациях. У некоторых может превалировать индивидуально-особенное поведение и устремления в социальном, массовом действии, а у других – наоборот, социальное, массовое довлеет над личностно-индивидуальными потребностями и интересами. Различия в «сцепке» взаимоотношений индивидуально-личного и массового у каждого человека объясняются, прежде всего, теми или иными конкретными ситуациями в его деятельности. Во многом причина преобладания индивидуального или общественного в сознании и поведении человека объясняется содержанием и характером процессов его социализации, воспитания. Об этом никогда не следует забывать, хотя, конечно, нельзя не учитывать и воздействие общественных условий, в которых формируются и развиваются те или иные ценностные ориентации личности и происходят процессы ее социализации.

В условиях, когда современное общество всё чаще включается в глобальные процессы развития, а деятельность людей начинает всецело определяться мировыми информационными процессами, предельно активизируется действие двух основных, взаимно дополняющих друг друга, тенденций жизни. Первая тенденция состоит в том, что общество формирует своеобразное надындивидуальное массовое «Я» – человека массы (или даже нередко называют такую личность, как «человек-масса»). Кстати, понятие «человек-масса», а также выявление особенностей данного социокультурного типа было введено в научный оборот выдающимся испанским философом XX в. Хосе Ортегой-и-Гассетом. С точки зрения Ортеги, «человек-масса» – это индивид, человек в той мере, в которой он не отличается от остальных людей [4]. К этому типу относятся люди с разным социальным, профессиональным и иным статусным положением, но с общими стандартными потребностями и установками жизнедеятельности. Человек-масса создается обществом, прежде всего, социально-экономическими условиями его производственной деятельности и потребления, которые

в значительной степени определяются их унификацией, стандартизацией и централизацией. К этому следует добавить массовое образование с однотипными по содержанию и форме процессами обучения и воспитания каждого человека. При этом нельзя забывать также и то, что человек-масса создается мощными средствами воздействий массовой информации и благотворительной политики социального государства. Следует, конечно, отметить не только объективные, например, социально-экономические причины, но и субъективные, скажем, такие психологические причины, как стремление самого человека быть как все. Однако здесь важно понять, что сам по себе человек сводится практически в любой социальной ситуации к некоему среднему значению, человеку вообще, индивидуальные черты которого не только мало кого интересуют, но и обычно подвергаются осуждению, часто агрессивному неприятию. Конечно, масса навязывает человеку общие для всех представления и, в итоге, все стремятся, конечно с оглядкой друг на друга, смотреть одни и те же телевизионные каналы, носить в соответствии с господствующей массовой модой однотипную одежду, вести одинаковый демонстративный образ жизни. Проще говоря, массой навязывается определенный стиль жизни, который считается единственно достойным, и всё, вплоть до выбора профессии или спутника жизни определяется установившимися конъюнктурными требованиями к определению индивидуальных и социально значимых свойств для презентации своей личности. Соответственно, человек-масса в своем личностном сознании охотно ориентируется именно на лекала, которые ему предлагает общественная среда. Это социальная ориентация (массово значимые потребности, интересы, цели), социальные диспозиции (массово значимые мотивы, установки, настроения, вкусы). Ведь так человеку проще – достичь тех или иных своих целей, сделать карьеру – не выделяться из массы, быть стандартным. Постепенно он привыкает к тому, чтобы во всех своих действиях быть как все, и, естественно, воспринимает такое свое бытие в обществе само собой разумеющимся, а значит, необходимым и достойным. Показательна в этом случае мысль Э. Фромма о том, как «трудно определить насколько наши желания – так же, как и мысли и чувства, – не являются нашими собственными, а навязаны нам со стороны; мы не замечаем, что стали жертвами власти нового рода. Мы превратились в роботов, но живем под влиянием иллюзии, будто

мы самостоятельные индивиды» [5, с. 211]. Действительно, трудно не согласиться с Э. Фроммом, что человек стал роботом, ибо знает, каких мыслей, каких чувств, каких желаний ждут от него окружающие, и мыслит, чувствует и желает в соответствии с этими ожиданиями, утрачивая при этом свое «я» [5, с. 212].

Человек массы – личность с предельно акцентуированной ориентацией на социально и общезначимые установки своего поведения, действий и мнений. Такой человек – вроде бы и коммуникабельный (или как сейчас обычно говорят «тусовочный»), но уже крайне редко он является отзывчивым, не равнодушным к тому, что происходит в его окружении, что связано с интересами его общности. Правда, бывает и так, что индивидуально-особенное у него стерто и подавлено (масса как толпа, сборище поглощает личность, как отдельное и отличное от нее, а поэтому не принимает все живое и оригинальное в личности). Однако это отнюдь не означает, что индивидуальности у человека-массы вообще нет, что он не различим от других, что он как бы и не личность совсем.

Развитие индивидуальности – вторая тенденция современной жизни. Индивидуальность есть у каждого человека. Однако сегодня она выражается, во-первых, видом или уровнем его невежества (в основном глупого, грубого, дикого, полного, совершенного, темного, тупого и другого подобного невежества). Во-вторых, индивидуальность людей массы проявляется теперь в их нежелании читать серьезные встречающиеся в их жизни тексты, что способствует неспособности понимать и интерпретировать их (будь то формулировки правовых законов, договоров, инструкций или пространных обоснований науки и описаний чувствований художественной литературы). Как правило, это люди, у которых нет никаких других интересов, кроме тех, что основаны на примитивных потребностях получения мгновенных удовольствий жизни, например забыться в алкогольном или наркотическом опьянении. Им безразличны все и вся, и даже собственная судьба их практически не волнует. Они в основном ведут иждивенческий образ жизни, занимаются попрошайничеством, мошенничеством либо перебиваются случайными заработками. Они нигде не работают, не умеют и не хотят трудиться.

Многие современные исследователи, например, Зигмунт Бауман [1], Норберт Элиас [3] констатируют индивидуализм как основную

характеристику сегодняшнего общества. Они показывают, что в развитых обществах имеет место переход от массового человека – быть как все – к человеку-индивидуалисту, т. е. к такому, который лишен чувства общего, общественной солидарности и своей ответственности за общее, общественное и именно поэтому ставит только краткосрочные задачи, в которых исходит из себя, своего благополучия. В этом отношении человек-индивидуалист с его эгоистичностью поведения вполне является проявлением этих весьма распространенных форм индивидуальности современной личности. Соответственно, такой человек отличен не только от альтруиста, но и от такого же, как он сам, индивидуалиста (у человека могут быть разные меры индивидуальности). Интересно, что любой индивидуалист не может жить вне других людей, общественных структур своей жизнедеятельности. В массовых структурах общественной жизни ему хочется найти защиту и поддержку. Однако сам он не готов оказать помощь другим людям. Вот почему он обычно попадает в такие объединения, где все, как и он, не готовы реально поддерживать и защищать друг друга, отстаивать общие интересы. Такие структуры можно назвать не реальной общностью (подлинным коллективом), а просто сбором индифферентных друг к другу людей – массивной по численности и характеру взаимоотношений, а значит кажущейся общностью индивидуалистов. Такая тенденция отношений массивного индивидуализма, к сожалению, становится достаточно заметной в развитии нашего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М. : Логос, 2002. – 324 с.
2. *Блумер Г.* Американская социологическая мысль: Тексты / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 495 с.
3. *Норберт Э.* Общество индивидов. – М. : Праксис, 2001. – 331 с.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М. : Весь Мир, 1997. – 704 с.
5. *Фромм Э.* Бегство от свободы. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1995. – 256 с.

УДК 947/57

А. Ю. Евдокимов

доктор технических наук, кандидат культурологии, академик РАН, профессор кафедры теологии факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: alexevdo@yandex.ru

ЯЗЫЧЕСТВО ДРЕВНИХ СЛАВЯН И НЕОЯЗЫЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

В статье речь идет о необходимости противостояния неоязыческим тенденциям в российском образовании – важному элементу информационной войны против России

Ключевые слова: Россия; православие; язычество; неоязычество; образование; история; изучение; методология.

A. U. Evdokimov

Advanced Doctor (Engineering), Ph.D. (Culturology),
Academician of Russian Academy of Natural Sciences (RANS),
Professor of the Department of Theology of the Faculty of German;
e-mail: alexevdo@yandex.ru

PAGANISM OF ANCIENT SLAVS AND NEO-PAGAN RELIGIONS: A CHALLENGE IN RUSSIAN HISTORY STUDIES

The article focuses on the necessity of resistance to neo-pagan tendencies in Russian education – an important element of the information war against Russia.

Key words: Russia; Orthodoxy; paganism; neo-pagan religions; education; history; studies; methodology.

Опыт всего прошедшего столетия окончательно показал, что уничтожить Россию как гарант духовного и экологического равновесия на планете путем прямой военной агрессии не представляется возможным. Исходя из этого, война информационная, проигранная Советским Союзом («холодная война»), оказывается неизмеримо более эффективной – духовное разложение российского общества, выражающееся в отходе от православных морально-этических норм, оказывается самой страшной угрозой, причем не только для России, но и для всего мира. Последние политические события убедительно говорят о том, что информационная война в мире закономерным образом продолжается, хотя ее этап с 1991 г. по настоящее время Западом по большому

счету проигран: «Искусственный голод на слово Божие, возвращенный десятилетиями в СССР, давал надежды на головокружительный успех протестантской миссии» [6]. Однако мы в массе своей остались патриотами, космополитами не стали. Как следствие – Западу необходимо генерировать для нас некую национальную идею, но идею, не связанную с православием, а, следовательно, идею деструктивную.

В этих условиях необходимость и важность изучения истории вообще и русской истории, в частности не должна вызывать сомнений. А. С. Пушкин справедливо отмечал, что: «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим <...>. Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». Особенно это важно для подрастающего поколения. Важнейший вопрос здесь – конкретная методология изучения истории. Думается, что в процессе преподавания истории, уже с самого начала образовательного процесса необходимо учитывать ряд определенных, весьма важных аспектов, в условиях информационной войны, приобретающих исключительную важность:

- изучение русской истории необходимо осуществлять в контексте истории мировой, что позволит учащимся осознавать мировой исторический процесс как единое целое и видеть в нем исключительную роль России;
- необходим сравнительный анализ исторического процесса как процесса деградации (православный взгляд) или прогресса с прохождением, однако, через точки бифуркации (либеральная позиция, в научном плане отражаемая, в частности, в эволюционной модели и в синергетике);
- в настоящее время главным и опаснейшим идеологическим врагом России представляется неоязычество, сменившее неудачные в целом попытки псевдохристианских направлений.

В связи с важностью последнего аспекта, настоящая статья посвящена именно проблеме славянского неоязычества. Для раскрытия данной тематики необходим небольшой исторический экскурс в изначальную историю славян. Осмыслить историю Руси–России (как и прочих государств) можно исключительно с учетом трех составляющих: духовно-нравственной (основополагающая), эколого-географической и исторической. История славян начинается задолго до Рождества Христова.

Уже в древнейший период у восточных славян прослеживается поклонение добрым началам жизни, стремление к самоуправлению и общинности, нестяжательство и презрение к богатству. Заметное появление славян на мировой арене наблюдается в период Средневековья. В этот период происходит распространение и утверждение христианства практически по всему миру.

Важнейшим моментом в изучении истории славян является понимание их языческой религии. Согласно атеистическим представлениям, языческая религия неизбежно возникает в процессе исторического развития человечества как способ психологической компенсации малого знания и ощущения биологического конца. С православных позиций язычество представляет собой попытку объяснения окружающего мира после грехопадения и утери непосредственной связи с Богом. В результате такой попытки происходит обожествление тварного, но не поклонение Творцу. *После пришествия Христа язычество как система миропонимания утратило смысл.*

Задолго до написания данной статьи Л. Н. Гумилев высказал интересную мысль – «язычество всего лишь комплекс суеверий, приводящий не к тому, что люди во что-то верят, а к тому, что люди стараются оградить себя от чего-то, от чего-то спасти. Это атеизм – пусть даже и в самой мистической форме» [1; 2]. И таких атеизмов – сотни.

С другой стороны, в условиях деградации человечества после катастрофы грехопадения, осмысление славянами окружающего мира следует признать вполне правильным – на мировоззренческом уровне соответствующем современным естественнонаучным взглядам [3]. И, как естественное следствие, нашим предкам не было чуждо чувство прекрасного, которое органично вписывалось в их жизнь. Археологов, исследующих, в частности, древние поселения вятичей, поражает их красота и, выражаясь современным языком, эколого-эстетическая рациональность. История правового регулирования людьми своих отношений с природой насчитывает тысячелетия, а правовые нормы, которые сегодня мы относим к природным ресурсам, едва ли не самые древние в ряду других юридических правил поведения. Мысль, что человек не имеет права обращать землю в собственность, легла в основу всего древнего восточнославянского законодательства [4].

Под влиянием контактов с христианами понятия добра и зла постепенно выделялись в самостоятельные – в IX–X вв. подавляющее

большинство людей уже не сомневались в наличии творящего Бога и разрушающего дьявола. Белобог и Чернобог постепенно становятся врагами. Потому и приняли легко поляки – католицизм, русичи и южные славяне – православие, кераиты, найманы и другие народы Великой степи – несторианство [2].

Понимание высочайшей экологичности славянской религии не должно иметь следствием идеализацию язычества восточных славян в целом. Как результат грехопадения язычество естественным образом явилось ярчайшим проявлением всех пороков и страстей падшей человеческой природы. Большинство языческих культов поражало своей безнравственностью. Языческое мировоззрение возводит в культ страстные устремления человека, потакает наиболее низменным его побуждениям, утверждая об их естественности (аналогично современному радикал-либерализму). То, что христианство именуется источником страстей и грехом, в язычестве именуется святыней и нормой.

Кроме того, при всей экологичности ведения хозяйства, подсечно-огневое земледелие нанесло невосполнимый ущерб как окружающей среде, так и, в еще большей степени, самому человеку.

Человеческие жертвоприношения, многоженство, ритуальные оргии и сакральное сквернословие – характерные черты славянского язычества. В жертву приносились и животные, однако их кровь считалась лишь суррогатом человеческой, хотя и последняя давала язычникам лишь временную силу, причем аналогично наркотикам, за счет нравственной и физической деградации. Вопрос, кто в действительности стоит за языческими богами, вряд ли нуждается в дополнительном разъяснении...

Здесь мы вплотную подходим к проблеме *неоязычества*, предтечей которого следует считать эпоху Возрождения – возрождение языческих мотивов в искусстве, развитие культа чувственности и насилия. Неоязычество – часть современного мирового процесса идеологической деградации и является, по сути, негативной реакцией на глобализм, поскольку базируется на примате чистоты племенной крови и этнического родства (без учета родства духовного). Доводы российских неоязычников о высокой духовности и моральной чистоте древнего язычества и необходимости возврата к нему являются, таким образом, несостоятельными.

Отождествление неоязычества с древним язычеством неправомерно. В этом случае необходимо помнить слова из Послания Седьмого Вселенского Собора к Александрийцам: «Кто после найденной истины доискивается еще чего-то, тот ищет лжи». Для язычества и неоязычества характерен пантеизм (отождествление Творца и тварного), в условиях современности являющегося мировоззренческой основой идеологий потребительства, гедонизма, эскапизма, чувственности и насилия, национальной и расовой нетерпимости.

Деятельность неоязычников характеризуется противодействием христианству, но, как ни парадоксально, и исламу, и цивилизации Запада (глобализация, потребительство) и экологическому неблагополучию, но главным врагом при этом, естественным образом, остается православие. В неоязычестве можно выделить четыре взаимопроникающих течения:

- народно-бытовое (набор суеверий, приметы, гадания, преобладало в сельской местности с последующим распространением в городах – современные образовательные курсы «Народной культуры» и т. п., есть характерное проявление неоязычества);
- этническое (политеистические культы, имеющие глубокие исторические корни);
- экологическое (оккультные синкретические культы);
- националистическое (квазинеоязычество, скинхеды).

К славянскому неоязычеству относятся религиозные группы, исповедующие мистико-расистские доктрины, основанные на синтезе славянской языческой мифологии, теософски переосмысленного индуизма и оккультных практик.

Среди причин возникновения неоязычества можно выделить следующие:

- 1) активный поиск национальных корней и национальной идеологии в условиях деидеологизации общества и ширящихся глобализационных процессов;
- 2) стремление к национальной сегрегации и национальному обособлению, обусловленное, в частности, так называемой тюркско-исламской угрозой, с одной стороны, и западными культурными, политическими и идеологическими влияниями – с другой;
- 3) восстановление национального самосознания; при этом участие в деятельности языческих общин рассматривается как форма

противостояния официальным властям РФ с их якобы проправославной ориентацией;

4) стремление противодействовать ряду негативных тенденций в развитии общества: урбанизации, нездоровому образу жизни в мегаполисе, отчуждению от природы и т.д.; сокращению геополитического пространства этноса и угрозе биологической деградации; негативному культурному, идеологическому, политическому влиянию США и Западной Европы, в частности рыночных отношений, либерально-буржуазных ценностей типа индивидуализма;

5) возросшее влияние восточных национальных и религиозных культурных традиций (индуизма различных модификаций, буддизма, шаманизма), частично влияние новых религиозных культов иностранного происхождения с элементами язычества.

Характерно, что сами представители этого направления именуют себя без приставки *нео-*, утверждая свою неразрывную связь с древностью. Однако язычество не возрождается, но фактически создается заново, опираясь на два основополагающих мифа: миф о «Золотом веке» и миф о «непрерывной традиции». Первый из них заключается в традиционном для людей стремлении искать лучшее в прошлом. В данном случае миф о «Золотом веке» усложнен представлением о том, что все было «испорчено» иудаизмом (который часто отождествляют с Ветхозаветной религией) и христианством.

Современное массовое сознание активно интересуется прошлым, но не столько реальным, сколько «идеализированным», что подтверждается интересом к литературе в жанре фэнтези, ростом популярности масштабных исторических и псевдоисторических фильмов, возникновением движения «исторической реконструкции». Сами по себе исторические фильмы, фэнтезийные романы и реконструкторские фестивали как бы не являются почвой для возникновения и распространения неоязычества, однако служат показателем интереса общества к идеализированному прошлому, а здесь уже можно проследить параллели с интересами неоязычников.

Непрерывность языческой традиции не подлежит научной верификации, опирается на заведомо непроверяемый мистический опыт и откровенные подделки (Велесова Книга). При этом в среде неоязычников порой появляются псевдоисторики, не владеющие ни методологией исторической науки, ни фактологией, однако на гребне

волны недоверия ко всему официальному и традиционному, в том числе и к традиционной историографии, они создают массу псевдо-исторических трудов, восторженно воспринимающихся их последователями.

Таким образом, современная реконструкция древних языческих культов осуществляется язычниками по своему разумению, на основе немногих исторических сведений и собственных представлений, с заимствованием средств из арсенала оккультистов, восточных религий и т. д. Говорить о едином вероучении не приходится; существуют скорее некие общие принципы.

Неоязычество может быть привлекательным, особенно для молодежи: оно мало к чему обязывает и многое дозволяет. Возрождение дохристианских форм мировоззрения его идеологами мыслится как возрождение основы гармоничного взаимодействия личности с природой и обществом. Однако отождествлять неоязычество с древним язычеством ошибочно. Язычество изначально являлось попыткой Богопознания (результат деятельности дохристианских мыслителей). После торжества христианства, когда язычество стало просто бессмысленным, неоязычество, как следствие, может иметь исключительно деструктивный характер – как духовный, так и физиологический, учитывая генетический характер наследования православного миропонимания, а в материальной сфере – вплоть до создания военизированных боевых подразделений, проходящих спецподготовку по рукопашному бою (и не только).

Как видим, неоязычники фактически саморазоблачаются, их высказывания говорят сами за себя – ибо на деле речь идет не о возврате к старому (который невозможен и бессмыслен, как было показано), а просто об удовлетворении собственных прихотей. Йормунд Инги, член исландской неоязыческой ассоциации Асатру так прямо и говорит: «Мне кажется, что важно делать то, что вы действительно чувствуете, чем просто соблюдать историческую правдивость. Историческая корректность очень хороша, нужно знать старинные традиции и т. п. Но всё же, ваши традиции – это то, что вы о них думаете»; и далее, там же: «Не следует искать свои традиции в книге, подобные вещи должны жить внутри вас». Таким образом, мы имеем дело с обычным «самовыражением», одной из разновидностей деградации личности. Инги завершает свои мысли словами: «Если же вы не

в ладах с обществом, самим собой и природой, то вы можете оставаться христианином» [5].

Кому и зачем нужно духовное разложение российского общества? Вопрос, который либерально ориентированные мыслители в принципе не считают сколько-нибудь серьезным, сами являясь, по сути, источником этого разложения. Комментарии здесь излишни...

Безбожное национальное «возрождение» вне православия, где нет благодати Божией, это путь с цивилизационному и культурному самоуничтожению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гумилев Л. Н.* Выбор веры // Истоки. – 1989. – Вып. 20. – С. 373–376.
2. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 763 с.
3. *Евдокимов А. Ю.* Биосфера и кризис цивилизации. – М. : Институт русской цивилизации, 2008. – 480 с.
4. *Лихачев Д. С.* Земля родная. – М. : Просвещение, 1983. – 256 с.
5. Мифы и магия индоевропейцев // Альманах. – М. : София ИД «Гелиос», 2002. – Вып. 10. – С. 219–222.
6. *Протоиерей Андрей Ткачев.* Чем враг воюет // Радонеж. – 2015. – № 6. – С. 12–13.

УДК 141

Т. А. Ильина

кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук МГЛУ;
e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

ФИЛОСОФСКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС МЕТОДОЛОГИИ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье на основе историко-философского подхода анализируется методология классической науки. Делается вывод, что философия Нового времени подготовила фундамент для методологии классической науки.

Ключевые слова: методология; наука; гносеология; эмпиризм; рационализм; дедукция; индукция.

T. A. Ilina

Ph.D., Prof., Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, MSLU;
e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

PHILOSOPHIC-GNOSIOLOGICAL GENESIS OF THE METHODOLOGY OF CLASSICAL SCIENCE

In this article on the basis of the historical - philosophical method is analyzed the methodology of classical science. The modern philosophy is concluded to arrange the ground for the methodology of classic science.

Key words: methodology; science; gnosiology; experientialism; rationalism; deduction; induction.

Начавшееся в XV–XVI вв. развитие капитализма в дальнейшем приобретает интенсивный характер. Наступает эпоха Нового времени, которую знаменует кардинальный переворот во всей системе европейской культуры. На основе технических достижений совершаются новые открытия в области естествознания. Формируется классическая наука, у истоков которой стояли Коперник, Кеплер, Галилей, Ньютон и другие выдающиеся ученые. Расцвет научной мысли, развитие промышленности требовали разработки философско-методологических принципов познания мира в его разнообразных связях. В основу философских изысканий выдвигается разработка универсальной научной методологии «разыскания истины». Философские системы Ф. Бэкона и Р. Декарта, Дж. Локка и Т. Гоббса, Б. Спинозы и многих мыслителей

Нового обогащали индуктивно-дедуктивные методы исследовательской деятельности классической науки.

Родоначалником индуктивной методологии, которая опиралась на эмпиризм, является выдающийся английский мыслитель *Ф. Бэкон*. В своей обширной программе интеллектуального обновления картины мира он начинает решительно менять сложившееся в ученых и философских кругах отношение к научной истине. Истинность, с его точки зрения, определяется не достоинством предмета науки, а своей обоснованностью, практической эффективностью, степенью достоверности поставляемого наукой знания. Любая область бытия, любое явление природы и социальной жизни одинаково достойны изучения. Философию следует соединить с естествознанием, их союз принесет практическую пользу.

Ф. Бэкон считал, что философия должна служить делу покорения сил природы, превращению ее в «царство человека», отысканию в ней (в природе) причинных связей между явлениями в целях использования этих явлений для блага людей. Полезность знаний автор понимал достаточно широко и никогда не отрывал ее от истинности. «Что в действии наиболее полезно, – писал он, – то и в знании наиболее истинно» [1, с. 82]. Веря в практическую пользу науки, Бэкон говорит о знании как о силе, обращает внимание на необходимость различения двух видов опыта – плодоносного и светоносного. Плодоносные опыты – опыты, приносящие непосредственную пользу человеку. Светоносные – это такие опыты, целью которых является познание наиболее существенных и глубоких связей природы, ее законов и свойств. Предпочтение отдавалось вторым опытам, поскольку они, по мнению мыслителя, прокладывают путь к осуществлению плодоносных опытов.

Ф. Бэкон поставил своей целью создать научный метод на опытном индуктивном познании. Стремясь привести «границы умственного мира» в соответствие с неоспоримыми успехами науки, он подвергал резкой критике господствовавшие схоластические концепции, пытался осуществить «великое восстановление наук», чтобы отыскать причины и скрытые силы всех вещей, расширить власть человека над природой.

Резко выступая против схоластики, он был не в состоянии освободиться от теологических наслоений в собственной философии.

В теории познания Ф. Бэкон придерживается концепции двойственной истины – научной и религиозной, заявляет о приоритете истин откровения над истинами разума. Наука и религия не противоречат друг другу, они едины, но имеют разные источники, как одна и та же вода может либо падать с неба, либо бить ключом из-под земли. Конечная цель науки – открытия и изобретения, приносящие пользу человечеству. Однако в своем существующем виде наука не способна решать новые поставленные задачи, «здание» науки необходимо перестроить в соответствии с требованиями промышленности и новых веяний классической науки.

Для успешного реформирования и развития науки, считал мыслитель, необходим новый метод исследования, обеспечивающий истолкование природы. Такой метод, по мнению Бэкона, должен опираться на чувственный опыт и его анализ. Надо «пытать природу» при помощи изошренных орудий, изучать ее с циркулем и линейкой в руках. Необходимо заметить, что опытный метод Ф. Бэкона не означал простого, пополнения фактов. Ученый, по его мнению, не должен уподобляться муравью, собирающему веточки и листочки и стаскивающему их в одну кучу. Истинный ученый подобен пчеле, которая собирает дань с цветов и затем перерабатывает ее в мед. Так же научная логика исследования предполагает сбор фактов и их обобщение.

При всем своем внимании к разуму Ф. Бэкон основным орудием новой науки и философии считал индукцию, опирающуюся на чувственный опыт. Познание, считал он, принесет положительный результат только в том случае, если происходит движение мысли от изучения единичных фактов к общим положениям. Тем самым исследовательская деятельность сводится к разного рода комбинациям того материала, который дан нам в опыте. Поэтому установление фактов предполагает не пассивное наблюдение, а эксперимент – активное вмешательство в наблюдаемый процесс с целью установления подлинной истины относительно изучаемого явления.

Развивая учение об индуктивном методе и пытаясь сделать его более строгим, соответствующим требованиям классической науки, Бэкон как сторонник эмпиризма считает необходимым ввести особые «Таблицы и Сопоставления Примеров». Они, по его убеждению, позволят находить факты, подтверждающие или опровергающие тот или другой вывод, помогать разуму обобщать опытные данные. С другой

стороны, понимая трудности постижения истины, коренящиеся в особенностях психики людей, Бэкон обращает внимание на важность освобождения мышления человека от субъективных помех и заблуждений, или «идолов», которые сопровождают нас в ходе познания.

Идолы, говорил он, заволакивают ум человека. Существуют идолы рода, идолы пещеры, идолы рынка и идолы театра. Идолы рода присущи человеческому роду, являются результатом ограниченности человеческих чувств и ума. Результатом того, что люди, видя в своих чувствах меру вещей, примешивают к природе вещей свою непосредственную природу, создают тем самым ложное представление о вещах. Идолы пещеры представляют собой заблуждения отдельных людей, связанные с воспитанием, образованием, привычками, накладывающими печать на суждения. Идолы рынка – заблуждения, порожденные неправильным употреблением слов. Люди в одни и те же слова вкладывают разный смысл и из-за этого ведут бесплодный спор, что затрудняет процесс познания. Идолы театра утверждают веру в авторитеты. Обычно это ложные представления о мире, некритически заимствованные из старых философских систем.

Критика «идолов», направленная на преодоление «великого обмана чувств», схоластических умозаключений имела положительное значение, способствовала развитию естествознания и освобождению общественного мнения от духовного засилья церкви, звала к исследованию причин явлений.

Эмпирическая методология Ф. Бэкона получила свое дальнейшее развитие в сочинениях *Т. Гоббса*. Систематизируя его учение, Гоббс выступил против положения о «двойственности истины», придал материализму механистический характер в соответствии с принципами классической науки.

В произведении «*Левиафан*» им создается механическая картина мира. Материальные тела характеризуются лишь такими свойствами, как протяженность, форма, объем и другими количественными величинами. Не составляет исключения и человек. Люди должны быть изучаемы, как и любое физическое явление, с помощью геометрии и механики на основе движений. «Жизнь, – замечал Гоббс, – есть лишь движение членов, где сердце – пружина, нервы – нити, а суставы – колеса, дающие движение всей машине человеческого тела» [2, с. 47]. Используя в своих философских рассуждениях данные механики, он

рассматривает возможность осуществления движения материальных тел посредством толчка, в результате которого в них возникает усилие, переходящее в движение. Источником первоначального движения является Бог. Последующие движения тел и связанные с ними явления происходят уже независимо от Бога. Подобные воззрения, согласно которым Бог, сотворив мир, не принимает в нем какого-либо участия, не вмешивается в закономерное течение событий, называется деизмом.

В теории познания, продолжая традиции эмпиризма и номинализма, Гоббс особое внимание обращает на значение языка в гносеологии. Он полагал, что истины математического знания постигаются не непосредственным чувственным опытом, который не дает всеобщего знания, а с помощью слов. Мышление он фактически отождествляет с языком. В этом ключе Гоббс развивает свою знаковую концепцию языка. В «Левиафане» он пишет, что, познавая мир, человек оперирует именами или словами, которые он дает вещам или явлениям. Слова носят по отношению к вещам условный характер. Они переводят и передают внутреннюю речь во внешнюю, обеспечивая возможность общения и понимания людей. Слова выступают в двух значениях – в качестве меток (индивидуально-субъективный уровень) и в качестве знаков (общечеловеческий уровень). На уровне слов-меток, несущих сугубо индивидуальный смысл, люди не могут наладить общения между собой. Оно становится возможным, когда слова-метки приобретают качество слов-знаков, с помощью которых осуществляется обмен мыслями. Гоббс полагал, что любой язык является результатом межчеловеческой договоренности. Имена-знаки есть следствие договора людей, придающих определенным меткам общезначимое содержание. Таким образом, люди, участвующие в соглашении, воспринимают и понимают данное слово (имя) однозначно. Соединение определенным образом имен называется речью. Как известно, специфические для человеческой деятельности знаки носят обычно условный характер, являются произвольными. Скажем, красный свет, горящий на светофоре, извещает пешехода об опасности перехода дороги. Но в целом, в современной концепции языка как знаковой системе различают языки естественные и искусственные. Для Гоббса же практически любой язык является искусственным, выступает как результат человеческого согласия. Он не сумел увидеть того, что слово – это понятие, выражающее объективные, реальные отношения и свойства вещей.

В методологии научного познания Гоббс обратил внимание на соотношение мышления и языка, на формирование слов-понятий, имеющие важное значение не только для обыденной речи, но особенно для использования их как категориального научного аппарата.

Ошибочность взглядов Гоббса заметил уже его современник *Рене Декарт* – философ, физик, математик, родоначальник дедуктивного метода исследования. Если, писал Декарт, имена-метки субъективны, произвольны, то каким же образом люди могут договариваться между собой и вырабатывать имена-знаки, имеющие общепонятное содержание? Всё это становится возможным только потому, что при рассуждении речь идет не о сочетании имен, а о сочетании вещей, обозначенных этими именами.

Вслед за Бэконом, Декарт отверг схоластическую ученость и провозгласил необходимость создания философии, более достоверной, чем ранее существующие формы учености. Но если Бэкон в качестве объекта исследования выдвигал природу, опираясь на индуктивный метод, то Декарт предметом своей философии провозгласил разум и самопознание. Он, так много сделавший для науки своего времени, понимал, что само по себе познание внешнего мира еще не ведет к выяснению природы истинных «начал», с помощью которых можно достичь высшей мудрости. Именно в мудрости Декарт видел высшее благо человеческой жизни. Вот почему, «употребив несколько лет на такое изучение книги мира, на приобретение некоторого опыта, я однажды принял решение изучить также самого себя и употребить все силы на выбор путей, коими я должен следовать» [3, с. 266].

Обосновывая ведущую роль разума в познании мира, Декарт в достижении истины предлагал двигаться от общих положений к частным, абсолютизировал дедукцию. Исходным пунктом своей метафизики (в XVII в. под метафизикой понималось, собственно, философское учение о принципах бытия и познания) Декарт считал универсальное методологическое сомнение. Необходимо подвергать сомнению всё, что принято на веру, не полагаясь ни на авторитет, ни на обычаи, ни на книги, ни на чувства, отыскивая истину руководствуясь только «естественным светом разума». «Картезианское» сомнение имело целью расчистить почву от заблуждений и обеспечить прочную основу познания, построенную на рациональной (от *лат.* *ratio* – «разум») культуре. Рациональный метод познания, в конечном счете, сделает людей «хозяевами и господами природы».

Познавательная деятельность человека, считал философ, складывается из неодинаковых по своей роли идей. Среди них – идеи, источником которых является внешний мир, и «врожденные идеи», изначально существующие в разуме человека, идущие от Бога. Врожденность идей не означает того, что они всегда присутствуют в нашем уме законченном виде. Врожденность означает лишь предрасположенность человеческого ума к проявлению этих идей в определенных условиях. В процессе познания врожденные идеи играют наиболее значимую роль. Их отличает простота и отчетливость, полная независимость от опыта, достоверность, аксиоматичность. Врожденные идеи могут существовать в виде понятий и суждений. Врожденными понятиями являются «Бог», «число», «протяженность», «душа», «форма», «тело» и т. д. Врожденными суждениями – «целое больше своей части», «нельзя одновременно быть и не быть», «из ничего не бывает ничего» и др. К достоверным средствам мышления Декарт также относил интуицию – непосредственно очевидное исходное суждение, необходимое для ясного и отчетливого представления всех логических звеньев дедукции. Гарантии истинности всякого ясного и достоверного, объективного знания Декарт находит в Боге, вложившем в человека разум. Смутные идеи – результат человеческой субъективности, им доверять нельзя. Однако подобная позиция Декарта ведет к противоречию: существование всякой реальности, включая Бога, доказывается через самосознание человека, а объективная реальность того, что дано в сознании – через Бога.

В основу научного мышления Декарт стремился положить математически точное и ясное, «не вызывающее сомнений, достоверное знание, исходящее из самого разума человека». Сомневаясь во всем, человек не должен сомневаться в одном – в том, что он сомневается, то есть мыслит, осуществляет акт самосознания. Ну, а если сомнение – очевидный факт, то оно существует, замечает Декарт, поскольку существует мышление, поскольку существую я сам в качестве мыслящего субъекта. Отсюда известный принцип: «Мыслию, следовательно, существую» [3, с. 282].

Важнейшие положения своей научной методологии Декарт изложил, в частности, в «Правилах для руководства ума». Он так формулирует слагаемые своего метода:

- мысленно делить каждую из исследуемых трудностей на столько частей, на сколько необходимо, чтобы лучше их разрешить;

- постоянно контролировать ход своих мыслей, восходя от простого к сложному, от малоизвестного к известному;
- осуществлять всюду настолько полные и всесторонние исследования, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено, предполагать возможный порядок даже там, где объекты мысленного исследования не даны в их «естественной связи»;
- принимать за истину только то, что не дает никакого повода для сомнения.

Несмотря на то, что Декарт – представитель рационализма, он не отрицает значение опытного исследования. «Что касается опытов, то я заметил, – говорится в “Рассуждениях о методе”, – что они тем более необходимы, чем дальше мы продвигаемся в познании» [3, с. 306]. Другое дело, он подчеркивал ограниченность эмпирических методов, сводил чувственность к второстепенному приему исследования и как великий рационалист был убежден в безошибочности познавательной силы ума. Картезианская методология – значительное завоевание в развитии духовной культуры. Направленное против бесплодной средневековой схоластики, оно на место веры, принижающей человеческий разум, ставило знание; преклонение перед авторитетами заменяло логическим доказательством.

В известной мере мысли Декарта получили свое дальнейшее развитие в трудах *Б. Спинозы*, который стремился создать целостную картину природы. Субстанцией всего сущего является природа, или, что одно и то же, Бог. Природа (Бог) вечна во времени и бесконечна в пространстве. Нет ни творца, ни правителя мира. «Природа, – писал он, – всегда и везде остается одной и той же; ее сила и могущество действия, то есть законы и правила природы, по которым все происходит и изменяется из одних форм в другие, везде и всегда одни и те же ...» [5, с. 455].

Значительное внимание Спиноза уделял характеристике конкретных состояний субстанции, называя их модусами. Исходя из своего понимания природы как причины всего существующего, Спиноза выступил против господствовавшего мнения о том, что движение порождено внешней, нематериальной силой. Движение вытекает из самой сущности субстанции, является бесконечным модусом и рассматривается Спинозой как простое механическое перемещение тел в пространстве. Иначе говоря, хотя движение и имеет свое основание

в субстанции, оно наблюдается лишь в мире модусов субстанции, присуще только единичным конечным вещам. Сама субстанция лишена движения и, будучи вечной, бесконечной, не имеет никакого отношения ко времени. Движение Спиноза рассматривал как простое механическое перемещение тел в пространстве. Основную причину, обуславливающую движение, он видел во взаимных внешних толчках модусов.

В теории познания Спиноза развивал рационалистические идеи, во многом сходные с идеями картезианства, рассматривал мир как механико-математическую систему, был убежден в возможности его безграничного познания. В зависимости от степени достоверности содержащихся в знании идей, Спиноза называет три ступени познания. Первая ступень – чувственное познание. Оно поставляет нам идеи, возникающие в представлении или воображении. В них, хотя и содержится определенный момент истины, преобладает человеческая субъективность, что нередко ведет к заблуждению. Вторая ступень познания – это идеи, основывающиеся на рассудке и разуме, оперирующие общими понятиями. Они полностью истинны («адекватны»), всегда приводят к достоверным выводам. Третьей ступенью познания является интуиция, которая выступает фундаментом достоверного знания. Истины интуитивного происхождения наиболее ясны и отчетливы. Но деятельность человеческого разума здесь лишена поддержки со стороны чувственности. Интуиция бесчувственна, генетически связана с рассуждающим умом.

Значительный вклад в развитие философии Нового времени внес последователь эмпиризма Дж. Локк. Он был убежден, что существует всеобщая материальная основа вещей. Обращаясь к понятию материи, следует непременно иметь в виду только одно: она заключает в себе «идею плотной субстанции, которая везде одна и та же, везде однообразна» [4, с. 556]. Опираясь на материалистические традиции в философии, Локк стремился выяснить не только происхождение знаний, но и познавательные способности людей, показать «как они прилагаются к объектам», как при их помощи осуществляется деятельность нашего ума. Отправным пунктом познания, утверждал Локк, является чувственный опыт. В наших мыслях, в интеллекте нет ничего, чего не было бы раньше в ощущениях; всё наше знание основывается на опыте. При появлении на свет душа человека представляет «пустое

помещение» (*empty cabinet*), «чистую доску» (*tabula rasa*), лишенную каких-либо знаков и идей. Только чувственный опыт доставляет «весь материал мышления». Надо различать опыт внешний (ощущения) и опыт внутренний (рефлексия). Ощущения возникают под воздействием предметов материального мира. Рефлексия вторична, возникает на основе ощущений, но не сводится к ним. Во внутреннем опыте человек открывает и анализирует свои собственные познавательные способности, психические процессы.

Во всех разделах своей философской методологии Локк проводит мысль, что подавляющая часть идей, составляющих фундамент человеческого знания, добывается путем чувственного отражения объектов природы. Затем разум обобщает данную нам в опыте информацию.

Таким образом, в период Нового времени философско-методологическая мысль была непосредственно «вплетена» в принципы механической картины мира, которую обосновывала классическая наука. Соответствуя требованиям промышленности, науку стремились поставить на службу человека; было необходимо разработать новые мировоззренческие, гносеологические, методологические основания исследования мира. Наиболее актуальными становятся индуктивно-дедуктивные, рационально-эмпирические методы познания. Анализ выступал важнейшим принципом мысленного «расчленения» природного и социального мира на составные части, чтобы познать конкретные природные процессы. Это соответствовало опытному исследованию и требованиям жизненной практике. Обосновав и анализируя многообразие процессов, философская методология Нового времени не увидела их единства. В этом отношении прав Ф. Энгельс, когда говорит о преимуществах и недостатках мировоззренческой картины мира, которая обрисована классической наукой: если представители Нового времени правы по отношению к древнегреческим мыслителям в подробностях, то греки правы в целостности, рассматривая мир в его единстве. Для преодоления недостатков классической науки и философской метафизики потребуется иной культурно-исторический период. Сформируется, благодаря усилиям И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса, диалектический метод, который будет соответствовать новым положениям неклассической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бэкон Ф.* Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – 453 с.
2. *Гоббс Т.* Избранные произведения : в 2 т. – М. : Мысль, 1964. – Т. 2. – 477 с.
3. *Декарт Р.* Избранные произведения. – М. : Госполитиздат, 1950. – 582 с.
4. *Локк Дж.* Соч. : в 3 т. – М. : Мысль, 1985. – Т. 1. – 432 с.
5. *Спиноза Б.* Избранные произведения : в 2 т. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 655 с.

УДК 141

В. П. Крутоус

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук МГЛУ;
e-mail: victor.krutous@gmail.com

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ВЧУВСТВОВАНИЕ» В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

Автор статьи размышляет над следующими вопросами: почему создатель феноменологии Э. Гуссерль, критикуя эмпирическую, «естественно-научную» психологию, не отбрасывает ее полностью, а лишь отводит ей подчиненное место, противопоставляя ей свою собственную феноменологическую психологию? В чем ее своеобразие? Почему Гуссерль в своем пятом «Картезианском размышлении» сохраняет традиционное психологическое понятие «вчувствование», давая ему новое истолкование? Что нового вносит эта его интерпретация? Наконец, каков вклад в освещение феномена вчувствования ученицы Гуссерля Эдит Штайн?

Ключевые слова: установка; феноменологическая установка; психология эмпирическая; психология феноменологическая; модусы сознания; темпоральность сознания; intersубъективность; вчувствование; эмпатия; «опыт другого»; теория ассоциаций; аналогизирующая апперцепция; аппрезентация.

V. P. Krutous

Advanced Doctor (Philosophy), Prof.,
Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, MSLU;
e-mail: victor.krutous@gmail.com

ANALYSIS OF THE NOTION OF “EINFÜHLUNG” IN THE PHENOMENOLOGICAL PSYCHOLOGY OF E. HUSSERL AND HIS SCHOOL

The author of the article reflects on the following matters. Why does not the founder of phenomenology E. Husserl, while criticizing the empiric, “natural science” psychology, entirely discard it, but only assigns it an ancillary position, contrasting to it its own phenomenological psychology? What is its distinctness? Why does Husserl in its Fifth “Cartesian Meditation” conserve the traditional psychological notion “Einfühlung” giving it a new interpretation? What new does this interpretation bring in? Finally, what is the contribution of Husserl’s student Edith Stein to illustrating the phenomenon of “Einfühlung”?

Key words: natural attitude; phenomenological attitude; empirical psychology; phenomenological psychology; modes of consciousness; temporality of consciousness; intersubjectivity; Einfühlung; empathy; “the experience of other”; theory of associations; analogizing apperception; appresentation.

1

В предлагаемой статье нас интересует одна конкретная составная часть феноменологии Э. Гуссерля – его трактовка интерсубъективности, т. е. обоснование перехода от изолированного, трансцендентального, «чистого» Я к Другому. И в этой связи – феноменологическая интерпретация «вчувствования» (Einfühlung), в современной терминологии – «эмпатии».

Сразу же возникает вопрос о парадоксальности применения психологической терминологии у антипсихологиста Гуссерля. Антипсихологическая установка Гуссерля – общеизвестный факт. Между тем «вчувствование» закрепились и приобрело статус теории в психологии (Т. Липпс и др.). Почему антипсихологист Гуссерль в своем позднем сочинении «Картезианские размышления» обращается к традиционно психологическому понятию? Ведь он мог отбросить нерелеванное для него понятие. И если он этого не сделал, то, вероятно, у него были на то веские причины. Мы скажем о них чуть позже.

Одно из возможных объяснений находим в статье В. Калиниченко, современного комментатора гуссерлевских работ. – Феноменолог должен, – пишет он, – вести свое наблюдение чистого и трансцендентального мира, но будучи сам эмпирическим субъектом, делать это не в состоянии. «Остается одно: самому стать, превратиться в чистое “Я”. Отсюда понятна анимационная риторика Гуссерля: чистое Я становится у него живым существом. Его оно обладает трансцендентальными способностями и привычками...» [5, с. 73].

Кстати, подобную тенденцию можно увидеть не только у Гуссерля. Мыслители-антипсихологисты в теории и на практике часто прибегают к психологической терминологии. Немало примеров тому можно найти, например, в работах М. М. Бахтина по методологии гуманитарных наук. В них Смысл «живет», «перетекает», чуть ли не «дышит». Есть ли это невольная дань обыденному (а, может быть, популяризаторскому) языку? Либо неосознанный рудимент прежней, еще психологической, установки? Или нечто иное?

«В такой анимации самой по себе еще нет опасности впадения в мифологию, – продолжает комментатор Гуссерля. – Называл же Кант априорные форсы чувственности чистыми созерцаниями, хотя никакими созерцаниями в строгом смысле они не были. Всё дело в том, какой статус придается языку: одно дело говорить языком мифа – другое жить в мифе» [5, с. 73].

Вопрос о разрешении Гуссерлем антиномии «психологизм / антипсихологизм» неоднократно обсуждался философами в XX и начале XXI вв. На этот счет выработана единая в общих чертах точка зрения. Суть ее состоит в следующем. Гуссерлевский антипсихологизм имеет в виду лишь так называемую эмпирическую психологию натуралистического толка, неоправданно сближающую эту науку с естествознанием. Феноменология преодолевает эту приземленность на путях редукции чувственного опыта субъекта к чистому, трансцендентальному «Я». В результате имеет место не обеднение нашего сознания, а, напротив, его радикальное расширение и обогащение. Происходит открытие новой, еще не исследованной жизни сознания. Трансцендентальный субъект, отвергнувший «естественную установку», теперь на базе новой, феноменологической, установки активно строит, посредством совокупности интенциональных актов, целостный мир своего сознания, «мир для меня». Комплекс этих актов и их объективаций чрезвычайно богат и многообразен. Он вполне может претендовать на статус *новой психологии* – трансцендентальной, «дескриптивной», феноменологической.

Значит ли это, что появление этой альтернативной психологии отменяет за ненадобностью существование прежней психологической науки? Отнюдь нет. Эмпирическая, традиционная психология сохраняет свое значение как «поставщик материала» опытных наблюдений для психологии второго порядка.

Здесь мы усматриваем ход мысли, аналогичный кантовскому в его оценке объяснения «возвышенного», по Э. Берку. Автор «Критики способности суждения» пишет: «Как психологическое наблюдение этот анализ явлений нашей души (у Э. Берка. – В. К.) необыкновенно хорош и дает богатый материал для самых излюбленных изысканий эмпирической антропологии. Но трансцендентальное исследование этой способности, возможно, и составляет необходимый предмет критики вкуса. В самом деле, не имея априорных принципов, вкус не был бы в состоянии направлять суждения других». И, наконец, примирительное заключение: «Пусть эмпирическое разъяснение эстетических суждений кладет начало, чтобы собрать материал для более высоких изысканий» [6, с. 212–213]. Нечто подобное видим мы и в случае разграничения полномочий двух психологий – эмпирической и феноменологической.

Возвращаясь к ситуации Гуссерля, отметим, что свою концепцию intersубъективности и вчувствования философ-феноменолог изложил в одном из поздних своих сочинений. И это не случайно. Проблема intersубъективности составляет, по общему признанию, далеко не простую задачу. У «Картезианских размышлений», и, в частности, заключительного, пятого из них, есть своя предыстория. О ней в специальном небольшом исследовании пишет петербургский философ Я. А. Слинин, много сделавший для осмысления и разъяснения гуссерлевского наследия. Его выводы таковы: «Несомненно, не без влияния Хайдеггера Гуссерль пришел ... к выводу о том, что в его учении недостаточно разработан вопрос о других трансцендентальных субъектах, что он недостаточно защищен против обвинения в солипсизме. В тех же «Картезианских размышлениях» почти все обширное пятое размышление посвящено проблеме других, которая в качестве отдельной проблемы впервые была поставлена именно Хайдеггером» [12, с. 77, 99, 108]. Гуссерль отреагировал на два хайдеггеровских упрека. На первый (о недостаточной персоналистичности его философии) он ответил своей трактовкой трансцендентального «Я» как «монады»; на второй (о солипсизме) – оригинальной разработкой теории intersубъективности, включая понятие вчувствования.

Поэтому представляется странным, когда тот же знаток философии Гуссерля Я. А. Слинин ведет весь свой анализ «аналогизирующей апперцепции» (термин, введенный автором «Картезианских размышлений») без единого упоминания термина «вчувствование». Словно он его намеренно избегает [13, с. 424–454]. И его же высказывание об «аппрезентации» (другое введенное Гуссерлем понятие): «Она не есть даже нечто подобное дильтеевскому «вчувствованию» [12, с. 110] – тоже может быть понято по-разному, в том числе и как некое отстранение от традиционного термина. Такой налет недоверия к вчувствованию явно не одобрил бы, например, Э. Левинас. Он признает теорию вчувствования, эмпатии составной частью гуссерлевского учения об intersубъективности, отзываясь о ней в самых превосходных выражениях. «Мы считаем, – пишет он, – что intersубъективная редукция и проблемы, которые в связи с ней встают, всерьез интересовали Гуссерля. Он изучал *Einfühlung*... Гуссерль также проанализировал жизнь, которая обнаруживает в чужом теле тип существования, аналогичный нашему собственному» [7, с. 135]. Другой представитель французской

философской мысли XX в., П. Рикер, считает, что даже кантовские «намеки» на теорию интерсубъективности слишком незначительны «в сравнении с замечательным феноменологическим исследованием Гуссерля о *Einfühlung* (эмпатии)». И добавляет: по Гуссерлю, «другой есть его собственная самость, но, тем не менее, я переживаю его субъективную жизнь» [11, с. 186, 187].

Сказанного, думается, достаточно для того, чтобы понять: феноменологическая интерпретация вчувствования заслуживает самого пристального внимания.

2

Опыт, по Гуссерлю, – это процесс жизни сознания, цепь сознательных актов или переживаний субъекта. Начинается он, вопреки общепринятому мнению, не с внешних взаимодействий с предметным миром (вещами) и другими людьми, а «по ту сторону» от всего этого, в первичном для Гуссерля царстве априорных, эйдетических процессов, связей и закономерностей. Именно они являются сущностными прообразами, принципиальными схемами тех чувственных явлений, которые изучает обычная эмпирическая психология. Это в полной мере относится и к первичным данным вчувствования, а также к описывающим их теориям.

Необходимой предпосылкой выхода в эту до сих пор скрытую под поверхностью и не исследованную априорную область сознания является «феноменологическая редукция», процедура «эпохе». Этими терминами в феноменологии обозначается «вынесение за скобки» всего чувственного опыта взаимодействия человека с миром, включая как внешний мир, так и собственное психофизическое бытие субъекта; он означает также воздержание от суждений об их существовании или несуществовании. Результатом такой редукции становится обнаружение прежде скрытого трансцендентального, «чистого» Я. Оно-то и становится субъектом, главным действующим лицом всех «потусторонних», а фактически – первичных процессов, которые разворачиваются в очищенной от эмпирии сфере и которые изучает теперь феноменологическая психология.

Основные методологические положения Гуссерля, позволяющие понять, как работает эта сфера сознания и в соответствии с чем только и возможно ее анализировать, сводятся к следующему.

1. «Опыт» на этом первичном, высшем, уровне есть процесс и результат спонтанной активности чистого «Я».

2. Основой деятельности сознания выступает принцип интенциональности, т. е. его (сознания) направленности на некие идеальные предметные образования, или «феномены». (Этот принцип заимствован Гуссерлем из учения Ф. Брейтано).

3. Средством постижения феноменов является чистая интуиция. Феномены «даны» «трансцендентальному Я» непосредственно.

4. Всё, чем мы обладаем как «своим», не дается нам извне, в более или менее готовом виде; напротив, оно должно быть построено, «сконструировано» изнутри усилиями чистого «Я» в процессе его самоуглубления, самопознания. Гуссерль приводит наглядный пример с ребенком, который, придя в этот мир, выстраивает свой собственный, внутренний мир с «Я» в центре его. Нечто подобное совершает и каждый взрослый человек. Опыт чистого «Я», таким образом, равнозначен опыту самопознания, самопостижения. Это касается, в частности, представлений о пространстве, времени, «вещах», «природе» и мире в целом. Следовательно, все эти представления имеют свою предысторию и историю, составляющие содержание психологии нового типа.

5. Гуссерль придает важное значение принципу временности, темпоральности сознания. Соответственно, опыт «Я» имеет некую последовательность этапов, «первопорядковых» и позднейших, «вышележащих» и вторичных. (Принцип временности имеет важнейшее значение и для освещения «опыта другого», или вчувствования, о чем будет сказано далее).

6. В процессе интенциональной активности сознания, по Гуссерлю, имеет место поляризация его феноменов. Одни из них принадлежат к «полюсу – Я», другие – к «полюсу – Мир» (или «не-Я»). Дуальность эта существует, по Гуссерлю, в сознании субъекта, в русле его самопознания, но, тем не менее, она парадоксальным образом выводит «Я» из позиции самоизоляции, «солипсизма», создавая как бы идеальную модель общения субъектов на эмпирическом уровне; причем эта модель предшествует их реальному взаимодействию и даже своеобразному взаимопониманию.

В чем заключается своеобразие концепции вчувствования, развиваемой Гуссерлем? Что нового вносит он в разработку этого, хотя и спорного, но давно узаконенного наукой понятия?

Прежде всего, автор «Картезианских размышлений» решительно отвергает все другие предпринимавшиеся попытки объяснения вчувствования как методологически несостоятельные, а потому и оказавшиеся бесплодными. Только конститутивная феноменология дает, по его убеждению, ключ к подлинному решению проблемы [3, с. 276].

Гуссерль неоднократно подчеркивает, что непосредственное вхождение трансцендентального Я в душевную жизнь Другого невозможно. «... То, что схватывается изначально, есть живое тело (другого субъекта. – В. К.), принадлежащее принципиально недоступной мне в своей изначальности душе...» [3, с. 239, 213–214]. Единственно возможным путем постижения здесь является опосредованность, однако, понятая иначе, нежели в привычном знаково-символическом смысле. «То, что я действительно вижу, есть не знак и не простой аналог, некое отображение, понимаемое в том или ином естественном смысле...» [3, с. 239].

Одно из следствий вывода проблемы вчувствования на трансцендентальный уровень состоит в следующем. В обычной, эмпирически-психологической, трактовке данного явления активно задействуются такие психологические реалии и понятия, как «воображение», «перенос (или проекция) своих переживаний в духовный мир другого», «сочувствие, сострадание, сопереживание другому», принцип «помещения себя на место и в ситуацию другого» и т. п. Ввиду устранения естественной, «наивной» установки необходимости в обращении к воображению для феноменолога фактически отпадает. И это по-своему логично: воображение есть оперирование некими образами, а для таковых в сфере трансцендентального «Я» не остается места.

Тем не менее творческие, креативные возможности сознания, обычно относимые к продуктивному воображению, Гуссерлем принимаются во внимание. В частности, ему хорошо известен феномен так называемого трансцендирующего восприятия, когда реципиент достраивает в своем сознании нечто большее, чем было дано в собственно перцепции. (На языке обычной психологии в таких случаях говорят: «В любом акте восприятия уже заключен момент воображения, фантазии»). В другом месте он отмечает наличие «антицитирующего восприятия», когда, однажды познакомившись с вещью (например, ножницами) и зная теперь ее тип, реципиент легко осуществляет «перенос изначально учрежденного смысла на новый случай» [3, с. 218].

Эта способность обычно также считается признаком деятельности воображения.

Приведенные примеры свидетельствуют о желании Гуссерля сохранить творческие интенции сознания, вписать в свою трансцендентальную психологию и «опыт другого», но на иной основе. Такой основой для него становится *теория ассоциации*. В XVIII в. она получила большое распространение и разработку, в частности в преднаучной эмпирической психологии Д. Юма, а позднее была подвергнута разносторонней критике и утратила значительную часть своего влияния. Гуссерль актуализирует и развивает эту немодную традицию, придает ей второе дыхание.

Для разворачивания ассоциативного процесса нужен материал, своего рода трамплин или точка опоры. Ею становится, по Гуссерлю, «первопорядковый мир» чистого «Я». Трансцендентальное «Я» способно воспринимать собственную телесность, а вместе с живым телом и собственную душу. Так, в ходе самопознания чистое «Я» предстает для себя самого психофизическим существом. И это образует базис, отправной пункт для построения других, вышележащих компонентов сознания. В этом контексте возникает возможность выхода «Я» из самозамкнутости собственного мира в «не-Я», в мир другого – парадоксальным образом не покидая при этом, по Гуссерлю, общего горизонта трансцендентального «Я».

Говоря о вчувствовании, автор «Картезианских размышлений» не имеет в виду одну только эгологическую (межмонадическую) интерсубъективность. Для него это – часть более общей проблемы. Особого внимания заслуживают те фрагменты текста, где он говорит, что за каждым предметом культуры, даже за определенными типами культуры стоят либо другие отдельные субъекты, либо их группы (подобие дильтеевской мысли). Чистое «Я» должно вжиться, вчувствоваться в них также. Подобная ситуация имеет место и в конституировании «объективного мира» в целом (который для Гуссерля не есть объективная реальность, а лишь сконструированный сознанием сверхиндивидуальный духовно-объективный мир «для всех и каждого», т. е. общезначимый). Таким образом, теория вчувствования, или «опыта другого», приобретает у Гуссерля расширенный статус – не только психологический в новом значении, но и социально-психологический, социокультурный.

Фактически всё свое «V Размышление» Гуссерль посвящает опровержению упрека в солипсизме его теории. Из приводимых им контраргументов для нас наиболее важен следующий. Процесс интенционального конструирования феноменов сознания делится, по Гуссерлю, на несколько этапов (или уровней, слоев, ярусов). Тот из них, на котором формируются представления трансцендентального «Я» о пространстве, времени, вещах, природе, наконец, о себе самом как психофизическом субъекте, Гуссерль, используя кантовскую терминологию, называет трансцендентальной эстетикой. Если этим уровнем ограничиться, вполне может возникнуть фантом солипсизма – абсолютно изолированного, одинокого «Я». Но такой «солипсизм» оправдан, считает Гуссерль, как необходимый начальный, низший этап конституирования. «Ведь все эти переживания и их результаты суть трансцендентальные факты внутри моей феноменологической сферы – каким же иным способом, не прибегнув к их исследованию, я могу всесторонне истолковать смысл других его как существующих?» – с недоумением спрашивает автор [3, с. 184]. И он по-своему прав. Проблема «опыта другого» им не отрицается; просто она дает о себе знать на следующем, более высоком уровне. «К первому из возвышающихся над нашей “трансцендентальной эстетикой” ярусов относится теория “опыта другого”, теория так называемого вчувствования» [3, с. 276]. Иным, беспредпосылочным, путем к ней подступиться нельзя по самой сути дела.

Для объяснения переживания «опыта другого» Гуссерль привлекает понятие ассоциации. При этом приоритетную роль здесь играет, по его убеждению, особый вид ассоциации, основанный на принципе аналогии. Это ключевое место «V Размышления» [3, с. 228–229] в сжатом изложении современного комментатора выглядит так. «Текст знаменитого пятого «Размышления» (§§ 50–54) показывает, как мой опыт «другого», когда он еще не осмыслен как «человек», становится таковым через мой кинестезис (ибо мое тело есть в первопорядковой сфере). Если мое тело всегда «здесь» (передняя сторона), то что такое «там» (тыльная сторона)? «Там» (где другой) осмысливается мной по принципу аппрезентации (уподобляющей апперцепции), которую Гуссерль запрещает понимать как аналогию или мысленное уподобление. Аппрезентация здесь может быть понята как актуальность “als ob” – “как если бы” я был там и вернулся, как Алиса из Зазеркалья...» [4, с. 151].

В контексте, окружающем указанное место, у Гуссерля дается ряд разъяснений и уточнений относительно «опыта другого», или вчувствования. Выделим наиболее важные из них.

- Чистое «Я» может выступать в многообразии модусов, таких, например, как воспоминание (мое прошлое «Я») и др. «Другой» есть не что иное, как подобная модификация моего «Я», интенционально конструируемая трансцендентальным «Я» в ходе самопознания. «...Посредством аппрекации в моей монаде конституируется другая» [3, с. 234].
- Основу ассоциативного процесса, завершающего формирование «другого», составляют феномены «парности», «удвоения», «уподобления». «Удвоение, т. е. конфигурирование в виде пары и, в дальнейшем, в виде группы, множества, есть универсальный феномен трансцендентальной сферы (а также, параллельно, сферы интенциональной психологии)...» [3, с. 219]. В соответствии с этим, «ego и alter ego всегда и с необходимостью даны в изначальном удвоении» [там же].
- Аналогизирующая ассоциация двух Я возникает не как простая, непосредственная и ведущая к их тождеству, а как опосредованная модусом «там» и, следовательно, исключаящая такое тождество. Я и другой образуют «контрастную парность» [там же, с. 224].
- Опыт другого, или вчувствование, имеет, по Гуссерлю, парадоксальную природу. Он весь пронизан единством антитез, взаимосвязанных бинарностей: здесь – там, присутствие – со-присутствие, презентация – сопрезентация (аппрекация).

Говоря об «уподобляющей апперцепции», Гуссерль подчеркивает, что ее ни в коем случае не следует отождествлять с «выводом по аналогии». «Апперцепция не есть вывод, не есть мыслительный акт» [там же, с. 217]. Опыт другого, вчувствование есть некий целостный, неразложимый интуитивный синтез. «Всякое перенесение, возникающее в процессе ассоциативного образования пары, есть в то же время слияние в этой паре, и (пока этому не мешают какие-либо несоответствия) уподобление, приспособление смысла одного компонента к смыслу другого» [3, с. 229–230]. Причем опыт другого имеет двусторонний, двунаправленный характер, он обогащает субъектов на обоих полюсах корреляции.

Кстати, уже Т. Липс, основоположник классической психологической теории вчувствования, попытался соединить свой главный принцип – вчувствование – с идеей «раздвоения» (или дифференциации, плюральности) «Я». Так он интерпретировал субъекта художественного творчества и его различные объективизации в компонентах создаваемого произведения искусства [8, с. 396].

Синтез идей вчувствования и внутренней дифференциации «Я» закрепился и в современных определениях феномена вчувствования (эмпатии). «В психике человека на протяжении всей его жизни формируются многочисленные и изменяющиеся Я-образы...», – пишет И. П. Меркулов. – «Эмпатия (от *греч.* *ēmpatheia* – «вчувствование, сочувствование» – способность человека отождествлять (идентифицировать)) один из своих Я-образов с воображаемым образом “иного”... Эмпатия ведет к изменению самопознания, позволяющему мыслить и действовать с позиций нового Я» [9, с. 10–12].

Любые метафизические обоснования своей концепции интерсубъективности и опыта другого Гуссерль отвергает. В частности, настаивает на своей независимости от учения Лейбница о «предустановленной гармонии», хотя термины «монада», «сообщество монад» и т. п. активно использует. Тем не менее определенные *философские* аргументы в пользу его концепции, видимо, могли бы быть приведены. Так, П. Рикер в статье «Кант и Гуссерль» приводит одну из формулировок кантовского категорического императива («Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»), сопровождая ее следующим замечанием: это – «...прямое введение Другого в Кантовский формализм ... без предшествующего описания <...> Однако действительно ли необходимо знать Другого как другого, а уже затем устанавливать характер отношения к нему?». Вопрос риторический: у Канта Другой дан а priori. «Другой – это тот, вопреки которому я не должен поступать»: заведомо, даже не зная его. Пусть это, – говорит Рикер, – «философия границ, совершенно отличная от феноменологии», но она конституирует мир других, исходя из Я, из его отношения к тем, кто потенциально уже существует [11, с. 188–191].

Я. А. Слинин, со своей стороны, также полагает, что есть возможность подкрепить рассуждения Гуссерля философскими аргументами.

«Так, Сартр в “Бытии и ничто” показывает, что трансцендентное существование других дает о себе знать не только на интеллектуальном, но и на эмоциональном уровне. Я чувствую реальное, нешуточное, присутствие других людей, когда замечаю, что на меня смотрят. Такое чувство, как стыд, возникает у меня только в присутствии других и свидетельствует об их трансцендентном существовании» [13, с. 81]. (Такое чувство, добавим от себя, может быть и бесконтактным, упреждающим реальную перцепцию других).

Серьезным аргументом для Гуссерля в его собственном обосновании интерсубъективности и опыта другого послужила идея временности трансцендентального эго («самовременения»), или темпоральности внутреннего сознания. Кроме актуальных переживаний настоящего, в моем сознании, напоминает Гуссерль, могут присутствовать (и, следовательно, совмещаться с ними) воспоминания о ситуациях с моим участием, имевших место в прошлом. Каждому из таких воспоминаний, всплывающих сами собой или же вызываемых по воле субъекта, соответствует некий вариант «Я», относящийся к прошлому, но входящий в общий комплекс самосознания трансцендентального «Я». Под эгидой одного «Я» находятся, таким образом, два, несколько или даже целый сонм его двойников-модификаций или отпочкований. На этот темпоральный плюрализм «Я» феноменолог ссылается как на наглядную модель того, что совершается в опыте другого. В таком плюрализме он видит самый убедительный, по его мнению, аргумент в пользу невыдуманности «аналогизирующей апперцепции» и всей своей трактовки опыта другого, или вчувствования [1, с. 149–151].

Темпоральный аспект феноменологической психологии Гуссерля вносит в теорию вчувствования еще один момент, радикально новый. Трансцендентальному, чистому «Я» предстоит вчувствоваться не только с ассоциативно связанного с ним «другого», но и в свои собственные прошлые «Я», т. е. в модифицированные «Я» воспоминаний и антиципаций. У Гуссерля эта мысль высказана как методологически ориентированная априорность. Но независимо от феноменологии Гуссерля, до него подобная идея была реализована на конкретном (художественном) материале в русле обычной, традиционной психологии искусства. Мы имеем в виду исследование феномена «перевоплощаемости в художественном творчестве», предпринятое

С. С. Грузенбергом в 1924 г. [2]. Здесь в специальном разделе (гл. II, § 3) собран и первично проанализирован разнообразный материал о вчувствованиях художника в прошлые и предвосхищаемые будущие модификации своего же «Я».

Такая переключка идей, хотя и в контексте разных методологий, по сути подтверждает возможность сосуществования, да и сотрудничества двух психологий: гуссерлевской феноменологической и традиционной «эмпирической».

3

Заметный вклад в разработку феноменологической интерпретации вчувствования внесла Эдит Штайн, автор работы «К проблеме вчувствования» (1917) [14].

Эдит Штайн (или Штейн) (1891–1942) – ученица и ассистентка Э. Гуссерля. В 1933 г. стала монахиней католического ордена кармелитов. Среди ее работ, кроме трактата о вчувствовании, есть очерк «Феноменология Гуссерля и философия Фомы Аквинского», а также ряд богословских сочинений. В августе 1942 года польская еврейка Э. Штайн была брошена гестапо в концентрационный лагерь. В страшных испытаниях проявила исключительную силу духа. В предсмертной записке, переданной на волю, писала: «*Ave crux, spes unica*» («Да святится крест, единственная надежда»). Погибла в Освенциме в газовой камере. Папа Иоанн Павел II назвал Эдит Штайн «служгой Божией». В 1988 г. причислена к лику святых [10, с. 384–385].

Э. Штайн вполне разделяет позицию своего учителя в вопросе о разведении эмпирической, научно-генетической психологии, с одной стороны, и априорной, донаучно-феноменологической – с другой, а также его положение о приоритетности второй относительно первой. По ее убеждению, вчувствование нельзя рассматривать в качестве одной из рубрик обычной психологической классификации. Ведь после феноменологической редукции мы выходим за пределы естественной установки. Оно (вчувствование) должно изучаться в своей собственной *сущности*.

Вчувствование для последовательницы философии Гуссерля есть прежде всего феномен, т. е. интенциональный предмет сознания. К этому она добавляет: «Каждый феномен представляет собой единичный пример для сущностного рассмотрения» [14, с. 658]. Отсюда понятна

характерная особенность работы Штайн: для выявления специфика вчувствования она привлекает в качестве исходного материала большое количество конкретных примеров, жизненных ситуаций, которые затем весьма тонко анализирует и интерпретирует в феноменологическом духе.

Другая характерная особенность трактата Штайн состоит в сохранении исследовательницей-феноменологом своеобразного пиетета по отношению к учению Т. Липпса. Эта особенность в некотором смысле парадоксальна: феноменолог опирается на труды основоположника классической психологической «теории вчувствования». Объяснение этому автор усматривает в высоком профессионализме работ Липпса. Последний хотя и стоял на позициях «психологизма», но дал, вместе с тем, по мнению Штайн, адекватное описание феномена вчувствования, прямо подводящее к трансцендентальному его истолкованию. (Еще один позитивный пример взаимодополнения между феноменологической и «эмпирической», обычной, психологиями).

Э. Штайн последовательно использовала для объяснения сущности вчувствования гуссерлевскую идею темпоральности (временности) самопознания чистого «Я». Не случайно к вчувствованию она подходит через анализ воспоминаний, максимально сближая с ним «ожидание» – антиципацию и, в несколько меньшей степени, «фантазию». Подобно тому как в воспоминании актуальное «Я» может переключаться со своими двойниками из прошлого и их тогдашними переживаниями, так вчувствование предполагает, что чистое «Я» в самом себе и в своем чувстве содержит переживание, «опыт другого». Вчувствование и есть опыт другого, смещенный с моим собственным переживанием, данный во мне и для меня.

Исходным пунктом анализа вчувствования у Штайн выступает связь любого переживания с неким «Я». «Всякое переживание есть реально переживание «Я», и феноменально его тоже невозможно разделить с Я» [14, с. 686]. Во вчувствовании всегда присутствуют два «Я» – вчувствующее и то, в которое оно проникает. Как это происходит? Свое объяснение Штайн предваряет критикой других распространенных научных теорий, опирающихся на эмпирические психофизические основания. В этом ряду она рассматривает (и отвергает) теорию имитации (или внутреннего подражания, «заражения») Т. Липпса; теорию ассоциации (ассоциативного восприятия)

внешних проявлений другого); концепции вчувствования И. Фолькельга, М. Шелера и др. Едва ли не самую распространенную из теорий, основанную на знаково-символическом выражении внутреннего состояния одним субъектом и его восприятии другим, исследовательница опровергает ссылкой на ограниченность, сравнительную бедность, неполноту выражения. Часто она ощущает не только непосредственно переживаемое ее alter ego, но и находящееся где-то в его глубине, утаиваемое, скрываемое и т. п. Иными словами, критик обращает внимание на двуслойность или многослойность вчувствования исследовательницы в другого.

Вчувствование, по Э. Штайн, не есть *знание о* внутреннем состоянии другого. Такое толкование было бы ошибочным из-за своей рационалистичности. По той же причине она отвергает объяснение вчувствования как «заклучения по аналогии», восходящее еще к Дж. Ст. Миллю. «Вчувствуя, мы не делаем выводов, но переживаем чужое переживание в характере “опыта”» [14, с. 680]. Затем исследовательница дает свое описание процесса вчувствования, которое считает наиболее адекватным сути дела. «В своем неизначальном (не первично-полнокровном. – В. К.) переживании я ощущаю себя словно бы ведомой изначальным (первично-полнокровным. – В. К.) переживанием, которое пережито не мной, но все же наличествует, дает о себе знать в моем неизначальном переживании. Таким образом, мы имеем во вчувствовании *sui generis* разновидность актов опыта. Выявить их своеобразие – в этом заключалась задача...» [14, с. 666].

Но откуда, спрашивается, возникает, откуда приходит ко мне это другое «Я» со своим (а теперь и моим) переживанием? Отвечая на этот молчаливо предполагаемый вопрос, Э. Штайн напоминает, что речь у нее идет о конституировании различных структур внутри чистого «Я», в процессе его самопознания. Чистое «Я» имеет целый ряд своих модусов или модификаций, одним из которых и является мое alter ego. «...Мы провели это исследование в чистой всеобщности, – резюмирует автор. – ...Речь шла только о чистом “Я”, о субъекте переживания – о субъективной и объективной стороне; ничего другого в это исследование не вовлекалось. Так выглядит опыт, который одно “Я” имеет о другом “Я”. Так человек постигает душевную жизнь ближнего своего...» [14, с. 666].

Во вчувствовании, по Э. Штайн, всегда присутствуют, можно сказать, вложенные друг в друга два переживания и, соответственно, два

чистых «Я» – мое и другого. Исследовательница отмечает тенденцию при объяснении вчувствования слить эти пары в нечто не просто единое, но тождественное. С таким подходом Штайн резко не соглашается. Согласно ее мнению, специфичность вчувствования в том и состоит, что в нем до тождества двух субъектов и их созвучных переживаний дело никогда не доходит. Статус этих «Я» различный. Одно «изначально», первично, другое – неизначально, «сопутствующее». При всем их единстве и взаимопроникновении, грань между ними всегда ощутима и нестираема.

На основании изложенного Э. Штайн предостерегает читателей от широко распространенного сближения и отождествления вчувствования с феноменом «сопереживания». Последнее есть слияние двух переживаний в некое единочувствии, которого нет во вчувствовании. Полное слияние двух чувств означало бы слияние и двух «Я», т. е. забвение вчувствующим самого себя, растворение себя в другом субъекте, что не подобает вчувствованию по определению.

Реализуя идею темпоральности сознания, Штайн рассматривает вчувствование как процесс, который проходит различные стадии. По ее мнению, Липпс совершает ошибку, фиксируя в качестве вчувствования именно и только наивысшую фазу данного процесса. Между тем, вчувствование имеет также свою начальную, предварительную стадию. В процессе вчувствования чужое переживание сначала противостоит мне как объект, лишь постепенно превращаясь для меня в другого субъекта, с которым я вступаю в своеобразный резонанс. Затем следует втягивание субъекта в переживания другого и постепенное обретение вчувствованием некоего доступного для него максимума, некоторой полноты.

Процесс вчувствования в трактовке Э. Штайн носит, как мы помним, интенциональный характер; направленность на чужое переживание или погружение в него, подчеркивает она, «является характерной чертой вчувствования» [14, с. 679]. А направленность сознания субъекта вчувствования может быть многообразной, вариативной. Исследовательница демонстрирует это на наглядном примере переживания радости. Как богато интенциями и оттенками это чувство! «Я» может радоваться отраженной радостью другого (например, я рад тому, что он радуется) и т. п. Для вчувствования характерна, считает Штайн, направленность не только на чувство другого, но и на объект

его переживания. (Я радуюсь не только вместе с другим, но и тому же самому, что и он). Главное, на чем настаивает Э. Штайн, заключается в том, что вчувствование находится посередине между двумя крайностями, или экстремумами. Полная изоляция чистого «Я» от «Я» другого, с одной стороны, и достижение ими полного тождества – с другой, означают выход за рамки вчувствования в собственном, точном смысле этого слова (термина).

Э. Штайн воздаёт должное Т. Липпсу за то, что он анализирует не только факторы, благоприятствующие процессу вчувствования, но и препятствующие, затрудняющие его. Сама она стремится продолжить выявление сложных составляющих данного процесса. Между различными интенциями, или векторами внимания, вчувствующего (Штайн называет их *cogito*) могут складываться весьма диссонирующие и конфликтные взаимоотношения. Например, некто приходит ко мне с радостной вестью, а я печален в силу неких причин; какая из этих двух интенций возобладает? В другом случае я сам, желая избавиться от меланхолии, буду стремиться приобщиться к веселой компании.

После ознакомления с концепцией вчувствования Э. Штайн возникает, среди других, и такой принципиальный вопрос. Можно ли считать вчувствованием взаимодействие двух «Я» – актуального и «прошлого» (данного в воспоминании)? Определенности в этом пункте у Штайн нет. С одной стороны, она, как мы видели, принципиально сближает феномен вчувствования с воспоминанием. С другой – она ограничивает предмет своего исследования вчувствующим взаимодействием двух «Я» в текущий реальный момент времени, в настоящем. Видимо, не случайно процессы, относящиеся к прошлому и будущему («воспоминания», «ожидания», «фантазии»), она как бы отесняет, изолирует от собственно вчувствования; если не противопоставляет их буквально, то, во всяком случае, оставляет вне своего внимания.

Такая позиция, конечно, существенно ограничивает ареал вчувствования, связывая его только с реальным, актуальным «опытом другого». Весьма интересная область вчувствования субъекта в фантомы свободного воображения (образы искусства и т. п.) в данном случае фактически игнорируется. Этот пробел как раз и попытался восполнить «классический» психолог искусства С. С. Грузенберг, о чем уже упоминалось ранее. В его небольшой книге (первое издание – 1924 г.)

под наименованием «перевоплощения» речь идет фактически о вчувствовании писателя, художника в свои собственные прошлые и воображаемые (фантазируемые) будущие «Я» [2].

О роли вчувствования в решении проблемы интерсубъективности, о его значении в жизни личности и межличностных отношениях Э. Штайн практически не говорит ничего. Не будем этому удивляться: ведь все подобное уже изначально «вынесено за скобки». Но один момент позитивного оценочного характера, связанный с переживанием «опыта другого», ею все же отмечен. «Вчувствуя, мы обогащаем наше чувство, – пишет автор. – <...> Посредством вчувствования становится возможным единочувствие» – в модусе «мы» (когда, например, все вместе чувствуют радость, как «Я», и «Ты», и «Он» в отдельности) [14, с. 673].

В этом с Э. Штайн, конечно, нельзя не согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайденко П. П.* Философия Фихте и современность. – М. : Мысль, 1970. – 288 с.
2. *Грузенберг С. С.* Гений и творчество. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. – 416 с.
3. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева ; вступ. ст. Я. А. Слинин. – СПб. : Наука ; Ювента, 1998. – 315 с.
4. *Deontologos: антропологические альтернативы* / под ред. Л. Т. Рыскельдиевой. – Симферополь : Крымское уч.-пед. изд-во, 2001. Гл. V, разд. 1. О Другом. – 232 с.
5. *Калиниченко В.* К метакритике понятия интенциональности у Эд. Гуссерля // Логос. – 1997. – № 10. – С. 5–80.
6. *Кант И.* Критика способности суждения. – СПб. : Наука, 1995. – 515 с.
7. *Левинас Э.* Философская интуиция / Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск : Водолей, 1998. – С. 110–140.
8. *Липс Т.* Эстетика / Философия в систематическом изложении. – М. : Издат. дом «Территория будущего», 2006. – С. 364–402.
9. *Меркулов И. П.* Эмпатия // Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2006. – 1072 с.
10. *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. – Т. 4. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. Ч. 10, гл. 20, § 6. Эдит Штейн: эмпатия и миссия христианской философии. – С. 384–385.
11. *Рикер П.* Кант и Гуссерль // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск : Водолей, 1998. – С. 162–193.

12. *Слинин Я. А.* Возникновение философии Хайдеггера из феноменологии Гуссерля / Очерки феноменологической философии. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. – С. 4–153.
13. *Слинин Я. А.* Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. – СПб. : Наука, 2001. – 528 с.
14. *Штайн Э.* К проблеме вчувствования // Антология реалистической феноменологии. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – С. 657–693.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanitarian Sciences
Выпуск 2 (765)	Issue 2 (765)

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскураков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 28.12.2016
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 12,0
Заказ № 1472

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна